

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

1914-1918

А.В. ОЛЕЙНИКОВ

**УСПЕШНЫЕ
ГЕНЕРАЛЫ
ЗАБЫТОЙ
ВОЙНЫ**

Annotation

В год 100-летнего юбилея со дня начала Первой мировой войны особую важность имеет вопрос увековечивания памяти солдат, офицеров и генералов русской армии.

Эта книга расскажет о пяти русских генералах Великой войны, о тех людях, благодаря которым русская армия была на полях сражений успешной и победоносной. Полководческие карьеры П. А. Плеве, В. Е. Флуга, П. С. Балужева, А. А. Граникова и Н. С. Батюшина – яркий пример того, как много значит личность в истории армий и государств.

- [Алексей Олейников](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Мастер кризисных ситуаций. Генерал от кавалерии П. А. Плеве](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Становление полководца](#)
 - [Начало Первой мировой войны. Галицийская битва](#)
 - [Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции 1914 г.](#)
 - [Второе Праснышское сражение. Февраль – март 1915 г.](#)
 - [Операции в Прибалтике. Весна – осень 1915 г.](#)
 - [Заключение](#)
 - [Воля и решительность. Генерал от инфантерии В. Е. Флуг](#)
 -
 - [Начало пути](#)
 - [Победа в Восточной Пруссии – во главе 10-й армии в Первой Августовской операции 1914 г.](#)
 - [В трудную пору – боевая служба в период кампании 1915 г.](#)
 - [«Эпидемический прорыв» – во главе 2-го армейского корпуса в кампании 1916 г.](#)
 - [Конец карьеры](#)
 - [Ученый и практик. Генерал от инфантерии П. С. Балужев](#)
 -
 - [В штабах и в строю – служба П. С. Балужева до мировой войны](#)
 - [Победитель у Тарнаватки – участие в Галицийской битве](#)

1914 г.

- Корпусной командир – П. С. Балувев во главе 6-го и 5-го армейских корпусов. Октябрь 1914 г. – февраль 1916 г.
- Командир армейской группы – бои у озера Нарочь. Март – апрель 1916 г.
- В наступлениях Юго-Западного фронта – участие в летних кампаниях 1916–1917 гг.
- Творческое наследие П. С. Балуева
- Астраханский герой решающей битвы первой мировой войны. Генерал-майор А. А. Граников
 -
 - Жизнь и служба до войны
 - День подвига – бой у Покальнишкен 6 августа 1914 г.
- У истоков отечественной контрразведки. Генерал-майор Н. С. Батюшин
 -
 - Становление офицера – служба Батюшина до Великой войны
 - Разведка и контрразведка – деятельность Н. С. Батюшина в годы Великой войны
 - Конец карьеры
 - Заключение
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)

- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)

- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)

- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)

- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)

- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)

- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)

- [330](#)
 - [331](#)
 - [332](#)
 - [333](#)
 - [334](#)
 - [335](#)
 - [336](#)
 - [337](#)
 - [338](#)
 - [339](#)
 - [340](#)
 - [341](#)
 - [342](#)
 - [343](#)
 - [344](#)
 - [345](#)
-

Алексей Олейников

Успешные генералы забытой войны

Введение

100 лет отделяют нас от начала Первой мировой (или Великой, как ее называли в России) войны 1914–1918 гг. Война, обескровившая европейскую цивилизацию, прекратившая существование 4 империй, оказалась в тени более поздних событий и катастроф. В России – революций и Гражданской войны. Изменение общественно-политической формации и режима привело и к забвению воинов, в частности, генералов той армии, которая с честью выполняла свой долг в последней войне Российской империи, не раз выручая своих союзников и внося более чем весомый вклад в дело победы Антанты над государствами Германского блока^[1].

Русские генералы Первой мировой войны... Сколько негативного было сказано об этих людях. Например, такое: «...некоторые меры к устранению военной невежественности были принимаемы старым правительством, но меры эти, скорее, можно назвать полумерами, так как мерилом оценки того или другого лица часто, если не сказать – почти всегда служила родовитость происхождения или близость ко двору и придворным сферам»^[2]. «Колебание, нерешительность, боязнь ответственности, привычка сваливать то, что нужно сделать самому, на другого»^[3] – вот, по мнению авторов этой статьи, главные черты, присущие русскому генералитету в годы мировой войны.

Недостатков у русского генералитета было достаточно. Качества администраторов, хозяйственников, строевиков и пр. многих русских генералов были не особо нужны в сложной боевой обстановке. Решительности, инициативы, творчества зачастую не хватало. Не весь русский генералитет смог достойно проявить себя, адаптироваться к новым реалиям, но ведь действовать пришлось в тяжелых условиях небывалой войны.

Но здесь необходимо отметить, что многие «грехи» высшего командования были свойственны и нашим союзникам по Антанте. Комдив В. А. Меликов, говоря о Приграничном сражении 1914 г. на Французском фронте, отмечал: «Сейчас же после объявления всеобщей мобилизации у французского командования сильно ослабела воля к победе. И хотя еще в мирное время по разработанным маршрутам сотнями змеек бежали эшелоны с войсками к восточной границе, но их не направляла твердая, уверенная рука полководца, крепко знающего, чего он хочет, и имеющего

стратегическую перспективу»^[4].

Более того, зачастую и германское командование было не на высоте. Как отмечал исследователь Восточно-Прусской операции 1914 г. (для немцев – одного из наиболее удачных в оперативном отношении сражений на Русском фронте мировой войны) Н. Евсеев: «Операции показали, что русские и некоторые германские корпусные командиры не обладали нужным оперативным кругозором и действовали во вред общему ходу операции. Исключение составляли у немцев Франсуа и Белов, а у русских ген[ерал] Мартос. Августовское сражение показывает, что в обстановке маневренной войны требуется весьма жесткое управление армиями и корпусами»^[5].

Причем в этой операции, «располагая многочисленными преимуществами, а особенно русскими радиотелеграммами, немцы не вполне... справились со своей задачей и упустили многие представлявшиеся им возможности. Причиной этого явились оперативные промахи (порой неряшливость) некоторых германских военачальников»^[6].

Условия современной войны предъявляли к лицу, занимающему высокую командную должность, повышенные требования. Военачальник должен обладать умением правильно рассчитать, четко организовать и твердо направить действия вверенных войск, остро и мгновенно воспринимать оперативную обстановку во всем ее многообразии и тут же принимать смелое и взвешенное решение – «по своему вдохновению». Главное искусство стратега и оператора – правильно чувствовать тот предел в форсировании людских и материальных средств, за которым может наступить надлом в войсках, который повлечет за собой не победу, а поражение.

Русская армия эпохи Первой мировой войны дала военной науке имена 3 блестящих тактиков, выработавших самостоятельные тактические методы прорыва на различных фронтах и театрах военных действий (по сути, самостоятельные школы): А. А. Брусилова, В. И. Гурко и Н. Н. Юденича; 3 стратегов и военных организаторов: Н. Н. Юденича, М. В. Алексеева, великого князя Николая Николаевича; целый ряд кавалерийских (Ф. А. Келлер, А. М. Каледин, П. Н. Врангель, Н. Н. Баратов, А. М. Крымов, К. Г. Маннергейм и др.) и общевойсковых (П. А. Плеве, В. Е. Флуг, В. Н. Горбатовский, П. С. Балувев, А. И. Деникин, Л. В. Леш, Л. Г. Корнилов, П. А. Лечицкий, Е. А. Радкевич, М. А. Пржевальский, Д. Г. Щербачев и др.) военачальников. Появилась категория талантливых штабных работников (Е. К. Миллер,

М. Ф. Квецинский, А. С. Лукомский, Н. Н. Духонин). Помимо тактических и организационных открытий, русские военные деятели отличились и в технической сфере: достаточно вспомнить систему минных постановок А. В. Колчака, заслуги и новшества инженеров генералов К. И. Величко, Д. М. Карбышева, нововведения в артиллерийском деле «русского Брухмюллера» генерала В. Ф. Кирея.

Характеризуя высший командный состав русской армии, необходимо сравнить его с таковым же у противника по одному весьма интересному показателю. Устоялось мнение – русские генералы считали солдат «серой скотинкой», гнали на убой и т. п. Но вот что показательно. Русская армия, в основном, избежала преступных «мясорубок» по образцу Французского фронта, когда командование и немцев, и союзников обрекало свои войска на огромные потери, которыми оплачивалась занятая территория. Причем делалось это сознательно.

Начальник полевого Генерального штаба германской армии генерал пехоты Э. фон Фалькенгайн пошел на организацию «Верденской мельницы» 1916 г., решив перемолоть живую силу французской армии на узком участке фронта. Жизни германских солдат, используемых совершенно неадекватно, его совершенно не волновали. Жертвами годовой мясорубки стали свыше 500 тыс. французов и более 400 тыс. немцев. Это кровопускание добило последние остатки германской кадровой армии, офицерский и унтер-офицерский корпуса были обескровлены. Пришлось создавать штурмовые части (а через год и делить войска на ударные и позиционные дивизии), так как поддерживать на должном уровне всю армию уже было невозможно. В. А. Меликов отмечал: «Многомесячная (с 21 февраля по осень 1916 г.) работа верденского “насоса по выкачиванию французской крови” по методам фалькенгайновской стратегии с ограниченными целями... не только истощила французов, но и выкачала около полумиллиона жизней германских солдат»^[7].

Вышеуказанное нельзя сравнивать, скажем, с проводившимся в том же году наступлением А. А. Брусилова, пусть и сопоставимым по потерям, но не сравнимым ни по раз маху операции, ни по стратегическому результату. Союзники же, осознавая свое превосходство в людском и материальном плане над германцами, не нашли ничего лучшего, как прибегнуть к стратегии «размена», стремясь вызвать большие потери противника ценой собственных громадных потерь. Где же здесь военное искусство? Учитывая, что тактически немцы воевали более качественно и грамотно, чем все союзники, размен был не в пользу Антанты. Наиболее яркий пример – «Бойня Нивеля» 1917 г.

И напротив, некоторые русские генералы, далеко не блиставшие военными дарованиями (например, в 1916 г. – А. Е. Эверт и А. Н. Куропаткин), высказывались за ненужность наступления их фронтов севернее Полесья на глубоко эшелонированную и укрепленную оборону немцев, мотивируя это **возможностью больших потерь** и бессмысленностью пролития большого количества крови при прогнозируемых мизерных оперативных результатах.

Странно, что операции англичан и французов, продвинувшихся на несколько сотен метров, характеризуются как большой успех, аналогичные (достаточно, впрочем, редкие) деяния русских (например, наступления на р. Стрыпа и у озера Нарочь) с продвижением на несколько километров и с меньшими потерями, чем на Западе, считаются тяжким поражением. Офицер-фронтвик поручик К. С. Попов так передавал свои впечатления по этому поводу: «Для нас, русских, одерживавших крупные победы и терпевших большие поражения, казались смешными и жалкими масштабы французских официальных сообщений, гласивших о занятии какой-то “воронки” и о продвижении в таком-то районе на 15–20 метров»^[8]. О двойных стандартах в оценке оперативно-боевой эффективности англо-французских и русских войск писал и генерал-фронтвик В. И. Гурко: «Я никогда не мог понять, почему получалось так, что наши союзники, имея в своем распоряжении силы более крупные, чем наши, причем даже по числу тактических единиц, если соотнести их количество с длиной линии фронта, применяли одни правила для [оценки] собственных наступлений и совершенно другие – для наших»^[9].

На фоне такого англо-франко-германского оперативного творчества именно русское и австро-венгерское командования смотрятся очень неплохо.

Начальник полевого Генерального штаба при Верховном главнокомандующем австро-венгерской армии (фактически ее глава) фельдмаршал граф Ф. Конрад фон Гетцендорф характеризовался немцами (после ухода в конце 1905 г. с поста начальника германского Генерального штаба А. фон Шлиффена) как лучший стратег Германского блока. Что и подтвердили действия Конрада в дни Галицийской битвы, его наступление против Италии в Трентино в 1916 г. (именно немцы, отказав в силу различных факторов Конраду в поддержке, не позволили этой операции приобрести стратегический масштаб) и другие операции. Генерал-квартирмейстер германского Восточного фронта М. Гофман, знавший фельдмаршала и работавший с Ф. Конрадом фон Гетцендорфом, так

охарактеризовал положение австрийского стратега: «Планы начальника австро-венгерского Генерального штаба генерала Гетцендорфа, поскольку мне с ними случалось иметь дело, были все хороши, чего отнюдь нельзя сказать о планах нашего Верховного командования; несчастье этого гениального человека состояло в том, что у него не было аппарата для осуществления его планов»^[10].

Говоря о русском генералитете, следует отметить несколько моментов. Война нового типа требовала нового стиля руководства войсками. Заочно-директивный метод не годился – не все руководители это поняли, некоторые растерялись, не смогли приспособиться с трагическими последствиями и для вверенных войск, и для себя. Наиболее яркий пример – генералы А. В. Самсонов^[11] и П. Г. К. Ренненкампф^[12].

Но история знает и примеры обратного порядка (П. А. Плева, В. Е. Флуг и др.). Имена двух лучших стратегов Первой мировой войны – это имена русского (Н. Н. Юденич) и германца (Э. Людендорф). Так сложилось, что и русские, и немцы именно на второстепенных для себя фронтах (Кавказский для России и Восточный для Германии) имели выдающееся военное руководство, перевыполнив на этих театрах военных действий (ТВД) все мыслимые оперативные задачи – в отличие от главных фронтов. Оба генерала привнесли вдумчивый (во многом шахматный) подход к проводимым ими операциям, отличались решительностью действий. Но если Э. Людендорф был прежде всего мастером импровизации, то Н. Н. Юденич – мастером организации. Во время войны сформировались русская и германская военные школы со своими уникальными стилями. Достаточно назвать лишь имена двух крупнейших специалистов прорыва – А. А. Брусилова и А. фон Макензена, выработавших свои методики и подходы.

В этой работе речь пойдет о пяти русских генералах Великой войны, о людях, благодаря которым вопреки всему русская армия была успешной и победоносной. Боевая карьера П. А. Плева, В. Е. Флуга, П. С. Балуева, А. А. Граникова и Н. С. Батюшина – яркий пример того, как много значит личность в истории армий и государств.

Мастер кризисных ситуаций. Генерал от кавалерии П. А. Плевэ

Бить противника, преследовать его самым настойчивым, беспощадным образом, если можно, не выпустить его, а взять или уничтожить, вообще проявить крайнюю энергию^[13].

Введение

Имя генерала от кавалерии Павла Адамовича Плеве, представителя плеяды талантливых отечественных полководцев Первой мировой войны 1914–1918 гг., почти не знакомо любителям военной истории. Безвременная кончина одного из лучших наших генералов в марте 1916 года привела к тому, что Павел Адамович не дожил до страшных событий 1917 года и последовавшей затем Гражданской войны, которой, в основном, и обязаны широкой известностью многие русские военачальники – его современники.

Например, мало кто знает Е. К. Миллера как неизменного начальника штаба в армиях, возглавляемых П. А. Плеве в годы Великой войны, но он известен как главнокомандующий войсками Северной области в годы войны Гражданской. В отношении незаслуженно забытого генерала П. А. Плеве отсутствуют серьезные исследования, не оставил он и воспоминаний – тем больший интерес представляют личность и деятельность этого незаурядного человека, причем на фоне осуществляемых им операций Великой войны. Ратный труд П. А. Плеве на полях Первой мировой заслуживает всестороннего внимания.

П. А. Плеве относился к плеяде так называемых русских немцев, со времен Петра Великого верой и правдой служивших России. Совмещавшие в себе лучшие черты и русского и германского народов, они исключительно много сделали для нашей государственности, вписали много ярких страниц в славную историю русского оружия. Применительно к Первой мировой войне достаточно назвать имена Н. О. Эссена, Е. К. Миллера, П. Н. Врангеля, В. Е. Флуга. П. А. Плеве можно поставить в этот ряд одним из первых. Человек большой скромности, профессионал в своем деле, он был, что называется, «человеком на своем месте». Став полным генералом еще до войны, в военное время возглавляя армию и фронт, П. А. Плеве принадлежал к категории активных генералов, приверженцев энергичных действий, являлся мастером маневра и флангового удара. Среди лучших полководцев России «высшей категории» в годы Первой мировой (Н. Н. Юденич, А. А. Брусилов, П. А. Плеве) именно Плеве противостоял самому страшному нашему врагу – германской армии – и боролся против него с завидным успехом. Блестящий тактик, Павел Адамович стал, по сути дела, «палочкой-выручалочкой» Русского фронта: для выправления критической ситуации его неизменно посылали в самые горячие точки.

Так было 7 ноября 1914 г. под Лодзью, когда ударная группа

германского генерала пехоты Р. Шеффера-Бояделя вышла на южную окраину города: для стабилизации ситуации общее командование над русскими войсками в районе Лодзи было передано Плеве. Так было и в 1915 году в Прибалтике, когда фронт был сохранен также во многом благодаря его усилиям. Причем нельзя забывать: Первая мировая война – война нового типа – сразу поставила исключительно жесткие требования к командному составу. Реалии современной войны требовали нового стиля руководства. И в то время, когда далеко не весь российский генералитет смог преодолеть стереотипы, не растеряться, сориентироваться должным образом, Павел Адамович, человек уже солидного возраста, проявил себя лучше многих, более молодых военачальников, достойно и грамотно руководя вверенными силами и средствами.

Становление полководца

Павел Адамович Плеве родился 30 мая 1850 года^[14] и происходил из дворян Петербургской губернии евангелистско-реформаторского вероисповедания^[15]. Образование он получил в Варшавской классической гимназии. Весьма интересно наличие у будущего генерала гуманитарного образования. В 60—70-е годы XIX в. традиционно большинство офицеров (в 1871–1879 гг., например, 64 %^[16]) проходили цепочку: военная гимназия – военное училище. В 1868 г. он поступил в Николаевское кавалерийское училище и в 1870 г. закончил его – причем по 1-му разряду, с занесением на мраморную доску училища^[17]. В офицеры (корнеты) Плеве был произведен в 1870-м и выпущен в лейб-гвардии Уланский его величества полк. В 1874 г. он получил чин поручика^[18] и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил (полный курс) в 1877 г. также по 1-му разряду. Учитывая трудность этого результата, можно сделать вывод о незаурядных дарованиях молодого офицера. В этом же году за отличия в учебе^[19] он был произведен в штаб-ротмистры.

В качестве обер-офицера (с переводом в Генеральный штаб в чине капитана) при штабе 13-го армейского корпуса П. А. Плеве воевал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Он участвовал в стычке близ высоты Сахар-Тепе (9 августа 1877 г.), сражении при Аясларе (10–11 августа), усиленных рекогносцировках (сентябрь – октябрь), общем наступлении войск Северного отряда и преследовании турок к Шумле (январь 1878 г.)^[20]. За отличия в делах с турками 23 февраля 1878 г. Павла Адамовича наградили орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

После войны до 1880 г. Плеве служил в Болгарии в должности штаб-офицера для поручений при штабе командующего оккупационными войсками княжества Болгарского, руководил отделением Военного министерства княжества, был штаб-офицером для поручений при военном министре. 15 ноября 1879 г. «в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в разновременных делах с турками», он был отмечен орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами^[21]. В 1879 г. Павел Адамович становится подполковником. Служба в Болгарии привела его в члены Главного военного суда – начальника софийского военного отдела. С 19 августа 1880 г. по июль 1881 г. он осуществлял цензовое командование 2-м эскадронном лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка^[22].

С 1880-го по 1889 г. Плеве служил на различных командных и штабных должностях: штаб-офицером для поручений при штабе Казанского военного округа; при Главном штабе; в составе экзаменационной комиссии Офицерской кавалерийской школы; штаб-офицером – заведующим обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами; правителем дел Академии; временно командовал лейб-гвардии Кирасирским Его Величества полком. В 1882 г. Павел Адамович был произведен в полковники^[23].

Являлся Плеве и автором военно-научных работ. Так, в 1889 г. вышли в свет «Очерки из истории конницы» полковника Генерального штаба П. А. Плеве. Работа, предназначаясь прежде всего для юнкеров старшего класса Николаевского кавалерийского училища, охватывала вопросы развития конницы с древности до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. включительно и являлась весьма добротным исследованием по проблеме. Активного офицера привлекла оперативная подвижность конницы – единственного мобильного рода войск в то время. Интерес представляют выводы П. А. Плеве – они были в полной мере подтверждены событиями грядущей войны: «Во все времена конница только тогда являлась способною совершать великие подвиги, когда она была сильна духом настолько, что проникалась готовностью бороться со всяким врагом и со всяким препятствием, уверенностью в себе и твердою решимостью или победить или погибнуть... Военная история подтверждает громадное значение начальника конницы. Ни в одном роде оружия успех не зависит в такой степени от личных качеств начальника и его искусства управления, как в коннице... конница не должна смущаться быстрыми усовершенствованиями огнестрельного оружия: силе огня она может противодействовать крайним развитием подвижности, быстроты действий даже на пересеченной местности и в особенности подъемом духа до постоянной готовности решаться на самые отчаянные предприятия»^[24].

С 26 декабря 1890 г. П. А. Плеве являлся командиром 12-го драгунского Мариупольского полка, а с 27 января 1893 г. – занимал пост генерал-квартирмейстера штаба Виленского военного округа (с присвоением чина генерал-майора^[25]). В новой должности Павел Адамович детально ознакомился с будущим театром военных действий, осуществив инспекционные поездки в Ковенскую и Осовецкую крепости, под Гродно, руководил поездками офицеров Генерального штаба под Ригу, Сувалки^[26].

Неоднократно исполнял Плеве и должность начальника окружного

штаба. С 23 июня 1895 г. Павел Адамович становится начальником Николаевского кавалерийского училища, а с 30 июня 1899 г. – начальником 2-й кавалерийской дивизии с зачислением в списки Генерального штаба по кавалерии.

1 января 1901 г. Плеве произвели в генерал-лейтенанты^[27], а с 20 ноября 1901 г. он – начальник штаба Войска Донского.

С началом волнений в Царстве Польском 7 марта 1905 г. он был назначен комендантом Варшавской крепости. Надо сказать, генерала угнетала новая должность, он всеми силами стремился в строй и в том же году, 4 июля, был переведен на пост командира 13-го армейского корпуса. Павел Адамович считался участником Русско-японской войны, хотя в сражениях непосредственно не участвовал. К этому времени, кроме наград за боевые отличия (ордена Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и Святого Станислава 2-й степени с мечами), он был награжден орденами Святой Анны 2-й и 1-й степеней, Святого Станислава 1-й степени, Святого Владимира 4-й и 3-й степеней, французским орденом Почетного легиона (Командорский крест), румынским Орденом короны (Большой крест), медалями (в том числе за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.)^[28].

С 1906 г. Плеве – помощник командующего войсками уже знакомого по прежней службе Виленского военного округа. А 6 декабря 1907 г. он был произведен в генералы от кавалерии. Служба в мобильных войсках вырабатывала и современный взгляд на войну – не случайно и Плеве, и Брусилов продвигались по кавалерийской линии.

С 17 марта 1909 г. Павел Адамович занимал ответственный пост командующего войсками Московского военного округа. Ко времени формирования на базе округа 5-й армии (июль 1914 г.) за плечами генерала был пятилетний опыт руководства войсками округа: Плеве успел как подготовить вверенные ему части и соединения к предстоящим боям, так и войти во все стороны их жизни. Начальником штаба округа с 1912 года стал генерал-майор (с декабря 1914 г. генерал-лейтенант) Е. К. Миллер – и с тех пор оба генерала составляют неизменный и плодотворный дуэт, великолепно сработавшись друг с другом. Так, Миллер в 1914 году – начальник штаба 5-й армии, в январе 1915 года – 12-й армии, затем опять 5-й армии.

Павел Адамович Плеве на посту командующего округом в силу своей гуманитарной природы широко занимался общественной и благотворительной деятельностью: состоял помощником попечителя

бесплатной лечебницы военных врачей, почетным членом Императорского Московского общества воздухоплавания.

Будущий полководец прошел службу в строю, познал культуру штабной работы, преодолев все ступеньки военной карьеры. Павел Адамович был хорошим семьянином: имел жену (супруга – православная, в девичестве Сухомлинова) и двух дочерей (Ольгу, 1881 года рождения, и Екатерину, 1886 года рождения) и сына (Николая, 1892 года рождения)^[29]. Дети также вероисповедания православного.

Характеризовался П. А. Плева всегда исключительно положительно, «беспорочно».

Начало Первой мировой войны. Галицийская битва

В ходе мобилизации, объявленной с началом Первой мировой войны, на базе управления Московского военного округа с 19 июля 1914 г. формировалось управление 5-й армией под командованием П. А. Плеве. Армии предстояло войти в состав Юго-Западного фронта, сосредоточить главные силы в районе Ковель – Холм – Брест-Литовск^[30] и участвовать в одном из важнейших сражений войны – Галицийской битве. Штаб нового оперативного объединения первоначально находился в Москве, затем в Брест-Литовске и Холме.

Планирование операций против Австро-Венгрии русская Ставка Верховного главнокомандующего осуществляла на базе полученного от своей агентуры плана развертывания австро-венгерских войск в Галиции. На основе этого предвзятого мнения о будущих действиях противника предполагалось концентрическое наступление двух групп армий Юго-Западного фронта (северный фас – 4-я и 5-я армии, южный фас – 3-я и 8-я армии) в операции на окружение. Русские армии фронтальным движением по сходящимся направлениям должны были выйти на фланги неприятеля, смять их, отрезав вражеские корпуса от рек Сан и Днестр, и уничтожить. Главный удар наносили внешние 4-я и 8-я армии, вспомогательный – внутренние 5-я и 3-я.

Австро-венгры вскрыли утечку информации, изменив свой план 1912 года, и отнесли развертывание армий на 100 км к западу, вследствие чего удар русских армий оказался направлен в пустое пространство. Более того, теперь австрийские войска охватывали неприятеля на северном фланге, нависая над ним, где имели превосходство сил и средств (1-я и 4-я австрийские армии с группой генерала пехоты эрцгерцога Иосифа Фердинанда насчитывали до 495 тыс. человек против 337 тыс. русских 4-й и 5-й армий).

В развернувшемся Люблин-Холмском сражении 1-я и 4-я австро-венгерские армии должны были наступать в общем направлении на Люблин, 4-я и 5-я русские – на Перемышль и Львов.

В состав 5-й армии П. А. Плеве входили: 25-й армейский корпус (3-я гренадерская, 46-я и 70-я пехотные дивизии, 52-й Донской казачий полк, 36-я отдельная донская казачья сотня; 25-й мортирный артиллерийский

дивизион, саперные части – всего 48 батальонов, 96 пулеметов, 7 сотен, 156 орудий), 19-й армейский корпус (17-я и 38-я пехотные дивизии, 39-й Донской казачий полк, 18-я отдельная донская казачья сотня, 19-й мортирный артиллерийский дивизион, саперы – всего 32 батальона, 64 пулемета, 7 сотен, 108 орудий), 5-й армейский корпус (7-я и 10-я пехотные дивизии, 41-й Донской казачий полк, 8-я отдельная казачья сотня, 5-й мортирный артиллерийский дивизион, саперы – всего 32 батальона, 64 пулемета, 7 сотен, 108 орудий), 17-й армейский корпус (3-я, 35-я и 61-я пехотные дивизии, 48-й Донской казачий полк, 9-я отдельная казачья сотня, 17-й мортирный артиллерийский дивизион, саперы – всего 48 батальонов, 96 пулеметов, 7 сотен, 156 орудий). Входила в ведение командарма и конница: 7-я кавалерийская дивизия, 1-я, 4-я и 5-я Донские казачьи дивизии (две последние прибыли в ходе сражения), 2-я и 3-я отдельные кавалерийские бригады (составили Сводную кавалерийскую дивизию) – всего 120 эскадронов и сотен, 16 пулеметов и 48 конных орудий. Кроме того, 5-й армии придали: 81-ю пехотную дивизию (16 батальонов, 32 пулемета, 60 орудий, саперы), 5-ю полевую тяжелую артиллерийскую бригаду (36 тяжелых орудий), два отдельных казачьих полка, понтонные, железнодорожные батальоны, телеграфные и авиационные подразделения.

Таким образом, вверенные генералу силы и средства составляли 176 батальонов, 158 эскадронов и сотен, 37 инженерных рот, 3 пеших и 3 конных сотни пограничной стражи, 378 пулеметов, 672 орудия (по штату, реально в начале сражения – 516^[31]), 6 самолетов. 5-я армия насчитывала около 147 тыс. штыков и сабель. Что же касается снабжения боеприпасами и продовольствием, то 5-я армия оказалась в несколько худшем положении по сравнению с другими армиями Юго-Западного фронта (для ее первоочередных частей запас продуктов питания был всего на 9 дней)^[32].

Главным «оппонентом» русской 5-й армии Плеве была 4-я австро-венгерская под командованием генерала пехоты М. Ауффенберга, к которой с 11 августа присоединилась армейская группа эрцгерцога генерала пехоты Иосифа Фердинанда в составе 14-го армейского корпуса и 41-й гонведной пехотной дивизии^[33] с частями усиления (около 65 тыс. человек, 22 батареи). Армия М. Ауффенберга включала в свой состав: 2-й (4-я, 25-я пехотные, 13-я ландверная пехотная дивизии – 40 батальонов, 7 эскадронов, 24 батареи), 6-й (15-я, 27-я пехотные, 39-я гонведная пехотная дивизии – 39 батальонов, 7 эскадронов, 24 батареи), 9-й (10-я пехотная и 26-я ландверная пехотная дивизии – 30 батальонов, 5 эскадронов, 17 батарей), 17-й (19-я пехотная дивизия, 2-я и 9-я маршевые бригады – 29

батальонов, 4 эскадрона, 7 батарей) армейские корпуса, а также 6-ю маршевую бригаду (8 батальонов, 1 эскадрон), 6-ю (24 эскадрона, 2 батареи) и 10-ю (21 эскадрон, 2 батареи) кавалерийские дивизии. Всего – 202 тыс. человек (147 батальонов, 71 эскадрон), 76 батарей (438 орудий).

Всего австрийская группировка, противостоящая войскам П. А. Плева, насчитывала 193 батальона, 80 эскадронов, 98 батарей, т. е. значительно превосходила 5-ю русскую армию в живой силе, а также имела преимущество в артиллерии.

В начале августа 1914 г. русская 4-я армия генерала от инфантерии А. Е. Зальца заканчивала сосредоточение между Перемышлем и Ярославом. 5-я же армия Плева начала наступать на участке Мосциска – Львов, чтобы способствовать выполнению задачи, возложенной на 4-ю армию.

В результате поражения русской 4-й армии под Красником командование Юго-Западного фронта приказало 5-й армии^[34] сделать резкий 90 %-й поворот на запад со своего первоначального движения на юг для оказания помощи левому флангу 4-й армии, чем ставит П. А. Плева в крайне неблагоприятное положение.

Приказ предписывал, обеспечивая себя со стороны Равы-Русской левобланговым 17-м армейским корпусом, направить свой правый фланг севернее Замостья в помощь 4-й армии, а остальные корпуса двинуть уступами и к вечеру 12 августа достигнуть линии Шевня – Лащов – Варенж – Сокаль. Армия Плева должна была выполнять две задачи, заставляющие ее направлять свои корпуса по двум расходящимся направлениям: на запад, для атаки противника, теснящего левый фланг 4-й армии, и на юг, для обеспечения левого фланга 3-й армии. Таким образом, армия должна была выполнять две противоположные задачи, в результате чего она подошла к вероятному полю сражения растянутой по фронту в 100–110 км двумя группами корпусов (25—19-й и 5—17-й), отделенными друг от друга интервалом до одного перехода. При этом левый фланг армии открылся – его обеспечение возлагалось на 3-ю армию генерала от инфантерии Н. В. Рузского, но она была значительно южнее.

13 августа правый фланг 5-й армии (25-й и 19-й армейские корпуса) столкнулся с наступавшим левым 4-й австро-венгерской (вскоре к последней подошли часть сил 1-й армии и группа эрцгерцога Иосифа Фердинанда). Произошедшее между ними сражение получило название Томашевского. Попытка Плева во исполнение полученного приказа развернуться и нанести удар по флангу 1-й австро-венгерской армии привела к встречному бою 3,5 русской дивизии (25-й и 19-й армейские

корпуса) с 8 австрийскими дивизиями.

25-й армейский корпус 5-й армии, разворачиваясь на запад, подвергся лобовой атаке австро-венгерской 4-й пехотной дивизии, фланговому удару 13-й и 25-й пехотных дивизий 2-го австро-венгерского корпуса и 13–14 августа потерпел поражение в районе Замостья. Корпус вел бой в трех разрозненных группах на фронте 20 км и, несмотря на локальные успехи (например, в 70-й пехотной дивизии, взявшей 600 пленных), был отброшен на г. Красностав.

Несмотря на расстройство левого фланга 25-го армейского корпуса, командарм приказал ему перейти в наступление от д. Плойки на Творичев – Судов, удерживая шоссе Замостье – Красностав^[35]. Тем не менее 14 августа под нажимом противника корпус отошел на Красностав.

13 августа в бой вступили 19-й, а 14 августа – 5-й армейские корпуса, успешно сдерживавшие наступающие австро-венгерские войска. Именно из-за действия этих корпусов австрийцы дали 25-му армейскому корпусу возможность оторваться от них на 20 км. Так, бои 13 августа 19-го русского против 6-го австро-венгерского корпуса (с 14 августа и 9-го австро-венгерского корпуса) у Тарнаватки протекали весьма успешно (например, 39-я гонведная пехотная дивизия противника потеряла до 50 % личного состава). Но, несмотря на тактические успехи, положение сложилось тяжелое – отход 25-го армейского корпуса отдалил его на 25 км от 19-го, отступившего к Комарову, при обнаженных флангах.

Опасаясь за тыл 19-го армейского корпуса, 15 августа командарм приказал 25-му армейскому корпусу перейти в наступление на Замостье с целью отвлечь австрийцев от действий против 19-го корпуса.

П. А. Плеве также приказал переместить 4-ю Донскую казачью дивизию к Комарову для заполнения разрыва с 19-м армейским корпусом. Документ^[36] иллюстрирует грамотное поведение Павла Адамовича в быстро меняющейся и, в общем, неблагоприятной оперативной обстановке:

«Генералу Зуеву (Д. П. Зуев – генерал от инфантерии, командир 25-го армейского корпуса. – А.О.), Избица. 15 августа 5 часов утра, г. Холм. ... предписываю Вам сегодня, пятнадцатого августа восстановить соприкосновение с противником продвижением вперед в общем направлении на Замостье, а в случае решительного наступления противника удерживать его оборонительно насколько возможно, что необходимо для отвлечения действовавших вчера против Вас сил от тыла генерала [В.Н.] Горбатовского (командир 19-го армейского корпуса. – А.О.). Предписываю отнюдь не разбрасываться и иметь общий резерв,

постараться восстановить связь с гренадерским корпусом с помощью конной части. По получении... мне телеграфируйте. Генерал Плеве».

Для заполнения разрыва между 25-м и 19-м армейскими корпусами командарм не только перебросил 4-ю Донскую казачью дивизию к Комарову, он также направил к То машеву левофланговые 5-й и 17-й армейские корпуса (первый должен был 14 августа выйти во фланг противнику, противостоящему 19-му армейскому корпусу). Однако они, выполняя марш-маневр, несмотря на хороший первоначальный результат (разгром 10-й кавалерийской дивизии неприятеля с выходом в тыл его 4-й армии), попали под удар подошедшей группы эрцгерцога Иосифа Фердинанда.

Армия П. А. Плеве, потерпев неудачу на флангах, оказалась разобщенной на боевые группы, а изолированный 19-й армейский корпус один сражался с тремя вражескими, наступающими со всех направлений.

Тем не менее Павел Адамович консолидировал фронт на новых позициях, устранив распыление центральных соединений: левофланговый 17-й армейский корпус он подтянул ближе к 5-му, а правофланговый 25-й выполнял самостоятельную задачу у Замостья.

Результатом стали отбитые 19-м русским армейским корпусом атаки 9-го и 6-го австро-венгерских армейских корпусов. Корпус генерал-лейтенанта В. Н. Горбатовского умелым артиллерийским маневром отразил атаки двух корпусов противника, нанеся ему значительные потери и удержав занимаемые позиции. 15-я австро-венгерская пехотная дивизия 6-го армейского корпуса, направленная в тыл русского 19-го армейского корпуса, попала у Лацова под фланговый удар русского 5-го армейского корпуса (ее потери убитыми и ранеными достигали нескольких тысяч, в плен попали 100 офицеров, 4 тыс. солдат, были захвачены знамена 5-го и 65-го пехотных полков и 22 орудия, командир дивизии застрелился, начальник штаба дивизии и командир бригады погибли).

В боях участвовали и части 1-й австро-венгерской армии (особенно активно – 45-я пехотная дивизия).

Тяжелое положение оставалось на флангах армии Плеве.

25-й армейский корпус сохранял значительный разрыв с центральной группировкой армии (причем его отход на Краснастав позволил врагу не только наступать против 19-го армейского корпуса от Замостья, но и обходить его с севера). 17-й армейский корпус, 15 августа атакованный во фланг группой Иосифа Фердинанда, стремительно отходил.

Вырисовывалась перспектива катастрофы центральной группы корпусов (19-го и 5-го) по образцу самсоновской – фланги 5-й армии

оголены и для глубокого ее обхода справа двигался 2-й австро-венгерский корпус. В центре против пяти русских дивизий (двух – 19-го, двух – 5-го и одной – 17-го армейских корпусов) группировалось 7,5 пехотной дивизии 9-го, 6-го и 17-го австро-венгерских армейских корпусов. На левом фланге обходной маневр осуществляли три дивизии группы Иосифа Фердинанда. Еще во сточнее двигались части 2-й австро-венгерской кавалерийской дивизии. К вечеру 17 августа положение казалось безнадежным.

М. Ауффенберг настойчиво проводил план по окружению центральной группы корпусов 5-й русской армии. Три русских корпуса были охвачены полукольцом на фронте в 60–65 км, и для того, чтобы замкнуть кольцо, требовалось преодолеть пространство немногим более перехода (усилия 1–2 дней).

Но, во-первых, наметился успех южных армий Юго-Западного фронта – 3-й (вошла в оперативное взаимодействие с 5-й армией) и 8-й, а во-вторых, Плеве не был Самсоновым.

17 августа генерал приказывал: «25-му армейскому корпусу перейти в наступление и овладеть г. Замостье, чем облегчить положение соседнего 19-го армейского корпуса, выбить противника из Красностава и преградить пути на Холм, 19-му, 5-му и 17-му армейским корпусам энергично выполнять поставленную задачу и... “ни шагу назад”»^[37].

Командиру 25-го армейского корпуса Плеве «приказывает действовать более энергично, пользуясь многочисленной артиллерией»^[38].

Сознавая тяжелое положение своей армии, он докладывал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от артиллерии Н. И. Иванову: «Будем бороться до последней крайности, но желательнее скорейшее приближение частей 3-й армии»^[39].

Однако командир 25-го армейского корпуса генерал от инфантерии Д. П. Зуев не сумел выполнить возложенную на него задачу и приказал своим войскам 18 августа отходить на г. Холм. Не выполнил он и повторного предписания. И тогда Плеве отрешил его от должности и приказал новому командиру, генералу от инфантерии А. Ф. Рагозе с утра 19 августа взять г. Красностав и упорно его оборонять. Эта ситуация ярко высветила решительность генерала П. А. Плеве в достижении поставленной цели и непреклонность при осуществлении боевых задач. Командарм не выпускал из своих рук инициативы, отдавая приказы и контролируя их выполнение войсками.

На 18 августа задача у южной группы корпусов оставалась прежней – наступать в целях утверждения в Томашевском районе. Контратака 19-го

армейского корпуса (наиболее сильно обойденного противником) несколько улучшила ситуацию: его войска сковали 2,5 австро-венгерского корпуса, что облегчило положение на всем фронте 5-й армии. Стоявший ранее в резерве 10-й донской казачий полк также участвовал в контратаках против неприятеля: казаки прорвались к его артиллерийским расчетам и захватили орудие и зарядные ящики^[40]. Журнал военных действий полка отмечал: «... бой у дер. Котлице. Особо отличился пулеметный взвод хорунжего Беляева (уничтожил 7 австрийских улан). 4-я сотня есаула Тапилина в конном строю атаковала окопы австрийской пехоты возле леса у урочища Замчале, порубила и поколола 32 человека, а одного офицера и 101 солдата взяли в плен. Кроме того, прочими сотнями полка взято в плен 103 человека, а всего в этот день полком захвачено 204 австрийца»^[41].

Но непрерывный пятидневный бой измотал личный состав. Потери корпуса оказались значительными: в ротах насчитывалось по 30—100 бойцов (вместо 250), и почти каждая осталась без командного состава^[42].

Соседний 5-й армейский корпус успешно сражался с частями 6-го австро-венгерского, облегчая действия 19-го корпуса. 17-й армейский корпус, отошедший 15 августа к северу после неудачных столкновений с противником, с 16 августа выполнял оборонительные задачи на фронте Добужек – Дутров, приводя в порядок потрепанные части 35-й и 61-й пехотных дивизий и отбивая вражеские атаки.

Но австро-венгерские войска продолжали обходное движение, а помощь 3-й армии левому флангу 5-й запаздывала (отсутствовала оперативная согласованность действий по времени и пространству на стыке двух армий), и тем создавались разрыв и угроза охвата левого фланга 5-й армии. Корпуса 5-й армии понесли большие потери.

18 августа П. А. Плеве принял единственно верное в сложившихся условиях оперативное решение – вывести армию из-под ударов австро-венгерских войск (что не равноценно отходу) в целях перегруппировки для дальнейшего наступления. Он докладывал руководству фронта: «Ввиду значительно выдвинутого относительно 4-й армии положения нашей южной группы корпусов, задержки в наступлении 4-й армии и истощения большими потерями корпусов мною... решено отвести 5-ю армию на одну высоту с 4-й армией с тем, чтобы, укрепившись... перейти в общее наступление одновременно с 4-й армией»^[43].

Принимая непростое решение, П. А. Плеве учел следующие обстоятельства.

1) Между 4-й и 5-й армиями образовался разрыв шириной в 35 км,

создавший угрозу прорыва противника на Брест. Так, Павел Адамович доносил командованию фронта: «Мною приняты меры для выяснения сил противника, занявшего Красновосток; для защиты в случае надобности Холма находящимися там частями войск, которых, однако, очень мало... Ввиду такой обстановки и настойчивого наступления противника на южную группу корпусов я предполагаю, если Красновосток будет занят большими силами и выбить его не удастся, приказать 5-й армии отходить на линию Холм – Владимир-Волынский с целью прикрыть дорогу на Брест»^[44].

2) Положение южной группы корпусов было очень напряженным.

3) Помощь 3-й армии подходила медленно, и тем создавались разрыв и угроза охвата левого фланга 5-й армии.

Маршрут движения на Красновосток и Владимир-Волынский был выбран верно. Командарм осуществил грамотный тактический маневр, позволяющий отойти: он собрал армейскую кавалерию (1-я и 5-я Донские казачьи дивизии), которая во взаимодействии с 25-м армейским корпусом отбросила обходящую австрийскую группировку к Замостью и ликвидировала тем самым угрозу окружения. Удар был нанесен в тыл дивизиям 2-го австро-венгерского корпуса, который вел наступление в обход правого фланга 19-го русского корпуса на Дуб. Внезапная атака внесла панику в австрийские тылы и резервы, русская конная артиллерия открыла огонь по артиллерии противника, обстреливавшей Комаров. В результате этой атаки обе дивизии 2-го австро-венгерского корпуса в панике отошли к Замостью, потеряв 10 орудий^[45]. Обходящие же левый фланг 5-й армии силы противника также были отброшены 7-й и Сводной кавалерийскими дивизиями.

А. Белый отмечал: «Как видно из распоряжений ген[ерала] Плеве, он придавал более важное значение обеспечению стыка 19-го и 25-го корпусов, куда последовательно были направлены Сводная кавалерийская, 1-я и 5-я Донские казачьи дивизии, которые в конечном результате и не допустили полного окружения правого фланга 19-го корпуса и обеспечили выход его из тяжелого боя»^[46].

В итоге 5-я армия оторвалась от противника и благополучно отошла на север на 3 перехода, выполнив новую перегруппировку своих корпусов.

Известный военный историк русского зарубежья генерал-лейтенант Н. Н. Головин впоследствии отмечал: такой отход «отнюдь не являлся вынужденным отступлением; это был отрыв от противника, возвращавший сохранившей свою полную боеспособность армии свободу маневра»^[47].

Как свидетельствует Н. Н. Головин: «Насколько переоценивалась Австро-Венгерским Главнокомандованием “победа у Комарова”, свидетельствует следующий факт. Генералу Ауффенбергу было пожаловано Императором Франц Иосифом наименоваться впредь Ауффенберг фон Комаров. Правда, весьма скоро генерал Ауффенберг-Комаров был обвинен в тенденциозном преувеличении в донесениях и отрешен от командования, но в рассматриваемые дни Австро-Венгерское Главнокомандование верило в полной мере его сообщениям. Австрийцы считали, что нужно ожидать полного развала находящихся против нас русских сил... А между тем... XIX русский корпус совместно с 4-й и 5-й Донской каз[ачьей] дивизиями разбивает группу Эрцгерцога Петра (две пех[отные] и одна кав[алерийская] дивизии), пытавшуюся закончить глубокий охват правого фланга главных сил ген[ерала] Плеве, дравшихся на Томашевском поле сражения»^[48]. «В предвзятом мышлении Штаба 4-й Австро-Венгерской армии, полученные от своих войсковых начальников донесения об этом отходе русских преломилось в “бегство Плеве”... Если поражение, которое нанесли через несколько дней частям той же Австро-Венгерской Армии “убежавшие” с поля сражения войска генерала Плеве, до сих пор не внушило австрийским историкам сомнения в действительности так ими называемой “Комаровской победы”, то тем менее этого можно было ожидать от непосредственных участников самого сражения. Они хотели верить в свою полную победу и создали себе “картины”, против чего предостерегал полководцев Наполеон»^[49].

Историк называл марш-маневр войск Плеве после Томашевского сражения «одним из самых трудных и в то же время самых искусных армейских маневров во всей Истории Мировой Войны»^[50].

Потери армии П. А. Плеве в Томашевском сражении составили менее 30 тыс. человек (в том числе 10 тыс. пленными, в основном, из состава фланговых корпусов), а «победоносных» австро-венгерских войск – 40 тыс. человек (половина из них – пленные). Операция на окружение, задуманная и проводимая австро-венгерским командованием, превратилась в тривиальное оттеснение противника, причем полученный результат не оправдывал понесенных потерь. Итог сражения свидетельствует о более грамотном руководстве войсками со стороны командования 5-й русской армии. А самое главное, эти события дали выигрыш времени, в чем огромная заслуга Павла Адамовича.

Галицийская битва представляет собой своеобразный маятник, и первоочередным было то, когда быстрее по времени наступит успех –

вследствие ли действий австро-венгров (1-я и 4-я армии) на северном флесе битвы или русских (3-я и 8-я армии) на южном.

Тем временем оперативная обстановка изменилась.

3-я и 8-я русские армии продолжали победоносное наступление, выходили непосредственно на тылы 1-й и 4-й австро-венгерских, грозя им полным разгромом. Ф. Конрад фон Гетцендорф попытался собрать в районе Равы-Русской хоть какие-то силы, чтобы обеспечить тыл 4-й армии М. Ауффенберга. Войска последнего разделились на две группы – «преследования» и «маневренную». Первая, эрцгерцога Иосифа Фердинанда (три пехотные и одна кавалерийская дивизии), изображая основные силы, должна была преследовать 5-ю армию Плеве, вторая (главные силы 4-й армии) двинулась на Львов. Ф. Конрад фон Гетцендорф решил силами 4-й, 3-й и 2-й армий нанести поражение русским 3-й и 8-й, оставив на севере лишь заслон (1-ю армию, группу эрцгерцога Иосифа Фердинанда) против 4-й и 5-й русских.

Теперь все зависело от того, главные ли силы противника раньше разобьют армии южного фланга Юго-Западного фронта (3-ю и 8-ю) или 4-я, 5-я и сосредоточивавшаяся 9-я армии уничтожат австрийский заслон.

Австрийцы явно переоценили результат первого сражения, посчитав 5-ю армию небоеспособной. Между тем в нее были влиты пополнения, 25-й армейский корпус усилили 24 орудиями тяжелой артиллерии, к большинству корпусов прибыли второочередные казачьи полки и отдельные сотни корпусной и дивизионной конницы. Теперь Плеве сосредоточил в своих руках 9,5 пехотной, 5 кавалерийских дивизий и 6 отдельных казачьих полков.

22 августа его армия вновь перешла в наступление и сыграла решающую роль в развернувшемся Городокском сражении. В тот же день у Машева 25-й армейский корпус провел успешный бой с 10-м неприятельским, пленив более 1,6 тыс. австро-венгерских солдат. 25 августа 5-я армия во взаимодействии с 21-м армейского корпусом 3-й армии разбила у Посадова группу эрцгерцога Иосифа Фердинанда (потерявшего 2,4 тыс. человек пленными и 18 орудий).

Тяжелейшие бои 26–27 августа закончились русской победой благодаря смелому маневру Павла Адамовича. Во-первых, сформированный им конный корпус (Сводная кавалерийская дивизия, 4-я Донская казачья дивизия, бригада 1-й Донской казачьей дивизии) ринулся в тыл 4-й австрийской армии: у Краснобрда и Фрамполя внес беспорядок в тылы неприятеля, разгромив обозы и части прикрытия, а впоследствии содействовал разгрому группы эрцгерцога в интересах 3-й армии. Во-

вторых, две группы корпусов командарм двинул так, чтобы они вклинились между армейской группой Иосифа Фердинанда и 4-й австро-венгерской армией.

Фактически П. А. Плевел направил две группы своих корпусов по расходящимся направлениям в помощь соседям. Его армия выполняла следующие задачи: правой группой (25-й и 19-й армейские корпуса) содействовала 4-й армии, левой группой (5-й, 17-й армейские и конный корпус) – 3-й армии.

25-й армейский корпус успешно атаковал укрепленную позицию австрийцев в районе Жураве – Заложце, 19-й армейский овладел переправами через реку Вепрж на участке от Детковице до Бодачева. Оба соединения наступлением на Фрамполь – Терешполь и угрозой тылу противника с востока оказали помощь 4-й армии, направляясь для глубокого охвата австро-венгров с востока. Обоим правифланговым корпусам австрийцы оказали упорное сопротивление на Туробинских высотах.

Угроза тылу противника, находившемуся против 4-й и 9-й русских армий, благоприятно отразилась на положении левого фланга 4-й армии. Ее войска вместе с 9-й армией генерала от инфантерии П. А. Лечицкого упорно вели наступление на позиции противника. Причем лобовые атаки войск русских 4-й и 9-й армий первоначально успеха не имели, что заставляло их выжидать развития обходного маневра 25-го и 19-го армейских корпусов армии П. А. Плевел.

27 августа под влиянием настойчивых атак 4-й и 9-й армий противник под угрозой обхода со стороны 25-го и 19-го армейских корпусов дрогнул. Выход соединений армии Плевел на коммуникации, идущие через Фрамполь в обход правого фланга и в тыл 1-й австрийской армии, являлся настолько опасным, что командование 1-й армии приняло решение о прекращении боев и отводе войск за р. Сан.

Левый фланг 5-й русской армии – 5-й и 17-й армейские корпуса – продолжал наступать на участке Поляны – Звяртов и, приближаясь к Томашеву, выходил во фланг и тыл австро-венгерских войск, противостоявших русской 3-й армии у Равы-Русской.

Маневр левофланговой группы корпусов 5-й армии был наиболее опасен для 4-й австро-венгерской армии – 27 августа русские войска вошли в Томашев (захватив свыше 1 тыс. пленных). На следующий день 5-й армейский корпус армии Плевел нанес поражение группе эрцгерцога Иосифа Фердинанда (прикрывающей тыл 4-й армии М. Ауффенберга), с фланга охваченной сводным конным корпусом.

Ставя коннице задачу атаковать в тыл группу австрийцев, действовавшую против 3-й и 8-й армий, П. А. Плевел приказывал: «Самым неотступным и решительным образом преследовать противника, особенно гнать его конницей, что возможно, отрезывать и окружать»^[51]. На 29 августа командарм приказал 5-му и 17-му армейским корпусам энергично наступать на линию Немиров – Любачув, зайдя возможно глубже в тыл противнику.

Начавшееся общее наступление Юго-Западного фронта, а также крупные силы 5-й армии, сосредоточенные в тылу армии М. Ауффенберга, «сломали» неприятеля. С 30 августа началось его общее отступление.

Итогом второго наступления русских армий 21–30 августа стал разгром 1-й австро-венгерской армии и армейской группы эрцгерцога Фердинанда, отступление под угрозой окружения 4-й, 3-й и 2-й австро-венгерских армий, в чем огромная заслуга П. А. Плевел и его армии.

Части 5-й армии сыграли в Городокском сражении роль свободной силы, в чем-то схожей с ролью британского экспедиционного корпуса на заключительной стадии Марнской битвы, но силы, гораздо более активно действующей. Парировать действия 5-й армии, уже записанной австро-венгерским командованием в разряд разгромленных, противнику было нечем, что и решило во многом успех сражения в пользу русских. Маневр Плевел двумя группами корпусов разорвал связность австрийского построения и сорвал замыслы противника. Например, группа Иосифа Фердинанда еще с 24 августа имела задачу поддержать правый фланг 1-й австро-венгерской армии, но из-за движения 25-го и 19-го армейских корпусов Плевел на Туробин и Щебрежин задача эта становится невыполнимой. Как отмечается в Стратегическом очерке войны 1914–1918 гг., «искусные и настойчивые действия 5-й армии в тыл австрийцам, действовавшим против 4-й и 3-й армий, в связи с энергичными действиями этих обеих армий привели к тому, что 27 августа противник дрогнул перед 4-й и 9-й армиями, а 30 августа – и перед 3-й армией»^[52].

Общие потери в боевом составе 4-й и 3-й австрийских армий в ходе Галицийской битвы составили:

3-я армия до 109 тыс. бойцов;

4-я армия 90 тыс. бойцов.

Значительная из этих потерь приходится на бои с войсками армии П. А. Плевел. Командующий 4-й армией М. Ауффенберг признавал: «К сожалению, многие подразделения потеряли до 50 % своего состава»^[53].

Заслуги генерала П. А. Плевел были высоко оценены вышестоящим

командованием – за действия своих войск к во втором наступлении русских армий в конце августа 1914 г. он получил орден Святого Георгия 4-й степени (18.09.1914 г.^[54]) – высшую военную награду России. В официальном сообщении Штаба Верховного главнокомандующего значилось: «Государь Император, в 18-й день сего сентября, Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: ...генералу от кавалерии Плеве 4-й степени – за бои с австрийскими и германскими войсками в период с 24-го августа по 1-е сего сентября»^[55].

В дальнейшем 5-я армия, соединив свои корпуса, продолжила наступление. После успешных боев с австро-венгерскими арьергардами 8 сентября она вышла на р. Сан и взяла крупный город Ярослав, ознаменовав этим событием завершение своего участия в Галицийской битве.

Подводя итоги действиям Павла Адамовича Плеве в Галицийской битве, необходимо отметить следующее.

Завязка Томашевского сражения происходит при очень неблагоприятной для 5-й армии группировке – и не по вине командарма. Фронт северных русских армий составлял для 4-й около 110 км, 5-й – 120 км (в то время как, например, для 8-й армии – 70 км). Австро-венгры своими первоначальными успешными действиями обязаны как превосходству в силах, так и более раннему занятию рубежей и развертыванию. Главное командование противника сумело поставить свои 1-ю и 4-ю армии в очень выгодное исходное положение, детально изучив театр военных действий и использовав местные географические и топографические особенности. Причем противнику удалось заранее создать соответствующую группировку и вести свои корпуса сосредоточенно, а русская 5-я армия, двигаясь на растянутом фронте, должна была маневрировать в непосредственном соприкосновении с австрийскими войсками. Вследствие этого русские войска вступали в бой разрозненно и подвергались фланговым ударам.

В тяжелейшей, почти безнадежной обстановке (как в развертывании, так и численности войск) Плеве не растерялся, сумев переломить ход событий в свою пользу. Волевой и энергичный генерал не снимал руки с пульса боев, динамично реагировал на изменяющуюся обстановку.

От директив генерала так и веет решительностью: «Ген [ералу] Яковлеву (П. П. Яковлев – генерал от инфантерии, командир 17-го армейского корпуса. – А.О.). 16.08.1914 г. Горбатовский и Литвинов (генерал от кавалерии А. И. Литвинов – командир 5-го армейского

корпуса. – А.О.) одержали успех севернее Томашева, взято нами много пленных, несколько знамен, орудий; предписываю вам во что бы то ни стало отбросить австрийцев для завершения удачной операции. Выжидательные действия неуместны, требуются решительные. Доносите чаще... Ген [ерал] Плевел»^[56].

Или другой яркий пример: «Ровно. Генерал-Адъютанту Иванову. 14.08.14 г. ...имея в виду, что на поддержку корпусов, подходящих с юга, рассчитывать нельзя. В виду этого... я приказал держаться на позиции за рекой Войславкой, непременно охранять шоссе Красностав – Холм, для чего занять и самый город Красностав. Удержать эту позицию до подхода прочих сил армии, направляемых во фланг и тыл действовавших против ген[ерала] Зуева сил противника. Ген [ералу] Горбатовскому и Литвинову приказано решительным ударом разбить противника в окрестностях Томашева и ген[ералу] Яковлеву приказано двинуться в общем направлении на Замостье для обеспечения правого фланга и тыла 5-го и 10-го корпусов, а в дальнейшем занять Замостье для действий против фланга и тыла противника. Ген [ерал] Плевел»^[57].

Требование к корпусным командирам действовать во фланг и тыл противника содержат и другие документы за его подписью периода Галицийской битвы^[58]. Верный глазомер П. А. Плевел в Томашевском сражении отмечал Н. Н. Головин^[59].

Не в пример командующему 2-й армией Северо-Западного фронта генералу от кавалерии А. В. Самсонову Плевел не растерялся, не выпустил управления войсками из своих рук, упорно борясь с противником за инициативу, в том числе в условиях полуокружения.

Нашел Павел Адамович в отличие от, например, командующего 1-й армией Северо-Западного фронта генерала от кавалерии П. Г. К. Ренненкампа грамотное применение своей коннице. Образование сводного конного корпуса (одного из первых в русской армии в Первую мировую войну) и нанесение им удара в тыл 4-й австрийской армии 26 августа во втором наступлении, действия 5-й Донской казачьей дивизии и 2-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии для обеспечения благополучного отхода своих войск после Томашевского сражения – ярчайшие тому примеры. Именно казачьи дивизии в конечном результате не допустили полного окружения правого фланга 19-го армейского корпуса и обеспечили выход центральной группировки армии из тяжелого боя.

Ряд приказов командарма требует более активного использования конницы командирами корпусов в общевойсковом бою. Именно

кавалерийская разведка 5-й армии вскрыла изменение плана сосредоточения австрийских войск по сравнению с приобретенным у полковника А. Редля. Ряд важнейших решений, в том числе при оказании помощи 4-й армии, Плевелу осуществил, отталкиваясь от этой информации.

Исследователь роли армейской разведки в период сосредоточения русских армий, сравнивая действия командования 5-й и других (прежде всего 1-й) русских армий, отмечает, что, несмотря на то что 1-я армия имела вдвое больше конницы, «штарм-5 (начальник Штаба армии. – А.О.) дает точную, недвусмысленную задачу, указывает важные для армии районы и, главное, не очень полагаясь на командиров дивизий, прямо указывает, куда именно важно дойти главными силами конницы. Таким образом, командарм-5 не считает необходимым “мариновать” конницу на второстепенной задаче по прикрытию сосредоточения... и не пытается примирить противоположные по способу выполнения задачи прикрытия сосредоточения и разведки в гнилом компромиссе. Он смело бросает конницу вперед и оказывается прав, так как хотя австрийцы и пытались кое-где (Владимир-Волынский) мешать нашему сосредоточению, но сделать ничего существенного не могли. Но вот конницы и 1-й и 5-й армий столкнулись с прикрывающими частями, и в обеих армиях кавалерийские начальники стремятся после короткого боя отскочить назад на ночлег в спокойном месте. Штарм-1 ничем не вмешивается в это дело, – его как будто нет. Командарм-5 “распекает” своих комдивов, настаивает на выдвигании вперед, сменяет особенно упорных. В конце концов штарм-1 “недоволен” результатами работы своей конницы, потому что она не пошла дальше прикрывающих частей, и в силу этого штарму приходится действовать вслепую, а командарм-5 хотя и с большим трудом, но заставил конницу, сбив прикрывающие части, пройти до районов сосредоточения главных сил австрийской армии и дать ему ценные сведения для первой (всегда особо ответственной) операции... его управление конницей бесконечно выше, смелее и правильнее, чем управление Ренненкампа... достаточно... сравнить положение конницы 5-й армии с конницей всех других армий Ю[го]-З[ападного] фронта и 1-й армии перед началом наступления, чтобы увидеть, что командарм-5 по способу управлять конницей был “белой вороной” среди русских командармов. Везде конница боязливо жмет к пехотным частям, и только у 5-й армии она находится далеко впереди пехоты (60–70 верст), т. е. там, где и есть ее настоящее место»^[60].

Н. Н. Головин отмечает, что «командующий 5-й армией, генерал Плевелу, поставив задачу этой дивизии (Сводной казачьей. – А.О.)

проникнуть в глубь Галиции, снял с нее всякую заботу о “прикрытии” района сосредоточения войск. Такая “определенность” приказа старшего начальника позволяла исполнителям набега сосредоточить все свои помыслы и усилия на той активной цели, которая была им поставлена. Мы считаем, что одной из основных причин того, что большей части нашей армейской конницы не удавалось в первый период войны такое же глубокое проникновение, являлось то, что все ее действия были связаны необходимостью выполнения также и задач по прикрытию районов нашего сосредоточения, т. е. тех задач, которые должна была бы выполнять дивизионная (т. е. войсковая) кавалерия, поддержанная подвижными пехотными частями»^[61].

А. Белой так оценивал действия конницы 5-й армии в Томашевском сражении: конница «оперативно была использована командующим армией вполне целесообразно. В наиболее тяжелые периоды боев конные дивизии быстро сосредоточиваются на флангах корпусов или армии или в прорыве между корпусами и боями обеспечивают фланги войск, содействуя последним в полной мере»^[62].

Приветствует Павел Адамович и разумную инициативу подчиненных: «Красностав, генералу Зуеву. ...16-го августа 9 час 5 мин Горбатовский одержал блестящую победу немедленно наступайте самым энергичным образом на Замостье. При удаче преследуйте неотступно, решительно, кавалерию в возможно большем количестве **направляйте для преследования куда окажется по обстановке выгоднее** (выделено нами. – А.О.), а при возможности в общем направлении на Томашев... Лично Вам и штабу корпуса предлагаю держаться ближе к войскам, дабы действительно руководить дивизиями в бою и не допускать самовольных распоряжений по дивизиям, что, к большому несчастью, случилось в бою 14 августа с третьей гренадерской дивизией. Генерал Плеве»^[63].

Грамотно взаимодействует полководец с соседними армиями, исходя как из стратегической обстановки, так и из своих и их интересов. «Люблин, Генералу Эверту (А. Е. Эверт – генерал от инфантерии, командующий 4-й армией. – А.О.). Вчера вечером было получено донесение о занятии противником, наступавшим с запада Красностава, в тылу генерала Зуева, наступавшего к Замостью. Силы противника у Красностава пока еще не определены... вследствие образовавшегося промежутка /30 верст/ между 4-й и 5-й армиями и настойчивого стремления противника прорваться в этот промежуток по направлению к Бресту положение пятой армии становится опасным тем более, что кроме корпуса генерала Зуева, действующего

против Замостья, остальные корпуса действуют против австрийцев, находящихся в районе Томашева... Ввиду такой обстановки прошу вас оказать поддержку пятой армии, дабы избежать обхода ее правого фланга противником... Со своей стороны я приказал генералу Зуеву выбить сегодня же противника из Красностава и преградить ему путь на Холм точка... Генерал Плевел»^[64].

В то же время соседи не всегда платили той же монетой. Так, командарм-4 А. Е. Эверт отказал 13 августа 5-й армии в помощи. Аналогично 15 и 17 августа вел себя и командарм-3 Н. В. Рузский, замороженный «львовским миражом» и долго игнорировавший распоряжение командования фронтом о поддержке левого фланга 5-й армии. В последнем случае лишь деятельность Плевел и стойкость его корпусов (прежде всего 19-го армейского) предотвратили разгром. Действия войск 5-й армии 26–27 августа осуществлялись прежде всего в интересах соседей и иллюстрируют, что П. А. Плевел был одним из немногих командармов фронта, думавших не о личных лаврах, а об успехе общей фронтовой операции.

Из документов видно требование Павла Адамовича поддерживать постоянную связь, подробно информировать его обо всех боевых событиях. Но связь нередко прерывалась, и донесения запаздывали. Темп же развития боевых действий ускорялся, напряжение усиливалось, и командующий стал рассылать доверенных лиц на наиболее ответственные участки сражения. Задачей их было, не мешая командирам управлять войсками, постоянно информировать штаб армии обо всех интересующих его деталях, в том числе о таких важнейших показателях успеха действий войск, как количество потерь, захваченных пленных и трофеев. Ради достижения положительного эффекта в условиях плохой связи Плевел иногда сосредоточивал несколько корпусов в руках наиболее талантливого корпусного командира. Так, 15 августа он объединил действия 19-го, 5-го и 17-го армейских корпусов, ставя задачей этой группе после разгрома противника у Томашева вести наступление в направлении на северо-запад – на Замостье и Щебрежин, для удара во фланг и тыл неприятеля, действующего против 25-го армейского корпуса и 4-й армии. Командующим группой был назначен командир 17-го армейского корпуса генерал от инфантерии П. П. Яковлев. Но когда такой шаг не дал ожидаемых результатов, к вечеру 17 августа Плевел снова взял на себя непосредственное командование корпусами.

Войска, вверенные П. А. Плевел, сумели выскользнуть из окружения только благодаря полководческому искусству командарма. Отвод 5-й армии

возвратил ей свободу маневра, позволил привести в порядок потрепанные части и соединения, вернуться к активным действиям. Избежать катастрофы на северном фланге Галицийской битвы удалось во многом именно за счет грамотных действий Павла Адамовича, ставших классикой отечественной военно-исторической науки.

Так, А. Белой отмечал «искусный выход из боя южной группы корпусов» на заключительной стадии Томашевского сражения.

А. К. Коленковский подчеркивал: несмотря на «желание 19-го, 5-го и 17-го корпусов перейти в наступление, только трезвая оценка военно-хозяйственного положения этих корпусов армейским командованием принуждает к отходу, но только для пополнения и приведения себя в порядок для нового наступления»^[65]. В ходе же Городокского сражения, писал он, когда фронтальные атаки 4-й и 9-й русских армий не привели к успеху, «решительный успех дали действия корпусов 5-й армии»^[66], а также сводного конного корпуса.

Бывший генерал-лейтенант русской армии Я. К. Цихович, автор первой части Стратегического очерка 1914–1918 гг. (в рассматриваемый период – полковник, командир 26-го Сибирского стрелкового полка), применительно ко второму наступлению русских войск в Галицийской битве весьма точно подметил, что «упорство наших войск на фронте в связи с обходом левого фланга австрийцев 21-м корпусом и глубоким движением в тыл австрийцам двух корпусов 5-й армии привело к отступлению неприятеля. Таким образом 5-я армия помогла одной половиной своих сил 4-й и 9-й армиям и другой половиной 3-й и 8-й армиям, применяя маневр глубокого движения обеими своими половинами в эксцентрических направлениях. Хотя, таким образом, операция 5-й армии развивалась в двух направлениях, но была объединена одной мыслью командарма»^[67].

Н. Н. Головин называет Плева «выдающимся командующим армией»^[68]. Причем он отмечает такую черту командарма, как справедливое признание заслуг подчиненных: «Генерал Плева преклонялся перед доблестью и решительностью, проявленными генералом Горбатовским в Томашевском сражении, и был преисполнен благодарности по отношению к нему, что и выразил ему лично на свидании со всеми командирами корпусов, в первых числах сентября, в районе Цешанува, перед движением армии к Сану»^[69].

Тем не менее Н. Н. Головин отмечает, что «нельзя не указать здесь, что велика была заслуга и самого командующего 5-й армией, генерала

Плеве»^[70]. По словам историка, «исполнительность генерала Плеве... делала из его армии гораздо более гибкое орудие маневра для выполнения идей Главного командования, нежели армия генерала Рузского»^[71].

Истинные герои Галицийской битвы, приведшие к успеху русского оружия в одном из крупнейших сражений военной истории, – это генералы П. А. Плеве и А. А. Брусилов^[72] на северном и южном фасах битвы, соответственно.

Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции 1914 г.

Ярко проявился полководческий талант Павла Адамовича в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях^[73].

В первых числах октября 1914 г. его 5-я армия (состоявшая к этому моменту лишь из 19-го и 5-го армейских корпусов) вышла на рубеж р. Вислы между 2-й и 4-й армиями и 11 октября форсировала реку Равка.

После Галицийской битвы австро-венгерские войска на всем фронте начали поспешное отступление, местами переходившее в бегство, и требовалась срочная помощь германских войск для предотвращения надвигающейся катастрофы.

Угроза захвата русскими армиями Западной Галиции, Кракова и Верхней Силезии вызвала рокировку германских частей на помощь союзнику.

9-я германская армия имела в своем составе 12,5 пехотной и 1 кавалерийскую, а 1-я австро-венгерская армия – 11,5 пехотной и 5 кавалерийских дивизий. Три русские армии (4-я, 5-я и 9-я) перебрасывались в район Ивангород – Сандомир, и перед ними ставилась активная боевая задача.

В состав 5-й армии к началу Варшавско-Ивангородской операции входили 5-й, 17-й, 19-й армейские корпуса и 1-я Донская казачья дивизия.

Первостепенное значение (как для немцев, так и для готовившихся наступать русских войск) приобретает борьба за плацдармы (Козеницкий плацдарм вошел в историю как пример мужества русских войск 4-й и 5-й армий) и переправы.

Придавая огромное значение Козеницкому плацдарму, германцы делали отчаянные попытки опрокинуть изолированные части русских войск в Вислу, но, несмотря на большие потери, русские не только удержали плацдарм за собой, но и перебросили на левый берег Вислы 3-й Кавказский армейский и 17-й армейский корпуса. Эти корпуса сковали значительные силы противника и создали этим основу для успешного наступления русских армий.

При сосредоточении своей армии П. А. Плева особое значение придавал вопросам борьбы за плацдармы на Висле. Распоряжения генерала в период операции посвящены обеспечению активного взаимодействия

корпусов своей и соседних армий, особое внимание он уделял наличию сильного резерва. О том, какое значение Павел Адамович придавал вопросам грамотной организации переправ и обеспечению связи между корпусами армии, говорит его телеграмма командиру 19-го армейского корпуса: «Вашему корпусу сегодня, 5 октября, назначена переправа на левый берег Вислы у Скржипки на правом берегу, на Заводовску Кемпу на левом берегу... Каждый рейс будет состоять от полка до бригады пехоты и будет продолжаться два часа. Ваш корпус двиньте к Скржипки с расчетом, чтобы головной эшелон прибыл туда непременно к 12 час. дня, и затем остальные части корпуса прибывают последовательно без перерывов между эшелонами; с войсками переправлять пока только обозы 1 разряда. Для обстреливания левого берега Вислы возможно скорее поставьте тяжелую артиллерию на правом берегу...»^[74] Также: «Предписываю поддерживать тесную связь между 5-м и 19-м корпусами во время и после переправы последнего на левый берег Вислы. Также прочно поддерживать связь со штабом армии...»^[75] Для ускорения переправы войск 19-го армейского корпуса П. А. Плева лично выезжал в войска корпуса.

Фланговый маневр 5-й армии П. А. Плева имел важнейшее значение для успешного завершения Варшавско-Ивангородской операции, одной из крупнейших стратегических операций мировой войны.

На третьем этапе сражения решительное русское наступление (прежде всего силами совершивших марш-маневр 9-й и 5-й армий) приводит к поражению 9-й германской и 1-й австро-венгерской армий. П. А. Плева вновь проявил себя как активный и волевой военачальник. Он требует от подчиненных действовать энергично и результативно. «Принять самые энергичные меры к возможно скорому совершению переправы...»; «... предписываю наступать самым энергичным образом...»; «...держать тесную связь...»; «...осуществлять более энергичное наступление, нажимая особенно... флангом...»^[76] – вот основные мотивы оперативных приказов командующего 5-й армией.

В Варшавско-Ивангородской операции П. А. Плева отличился грамотным руководством армии в бою и осуществлял «героические усилия»^[77] для обеспечения своих войск.

При разработке плана новой крупномасштабной операции на германском фронте русское командование учитывало: во-первых, крупное поражение 9-й германской армии в Варшавско-Ивангородской битве и отход ее к границам Германии и, во-вторых, выгодное расположение русских войск в Польше. Предполагалось крупными силами вторгнуться в

Силезию с последующим ударом на Берлин. Учитывая подход к концу материально-технических ресурсов мирного времени, это была попытка завершить войну до конца 1914 года. Соответственно, со стороны России планировалась наступательная операция с решительными целями в сердце Германии. В то же время слабо учитывались некомплект в войсках, трудности со снабжением и специфика театра военных действий.

Русская группировка включала в свой состав (с севера на юг) 2-ю и 5-ю армии Северо-Западного фронта, 4-ю и 9-ю армии Юго-Западного фронта. Войска 10-й и 1-й армий в Восточной Пруссии, а также 3-й и 8-й в Галиции должны были содействовать главному удару. Активная группировка русских к началу операции – 3 армии Северо-Западного фронта (он впоследствии и ответствен за осуществление операции): 1-я армия (войска прикрытия в Восточной Пруссии – 4 корпуса, 3,5 кавалерийской дивизии) – 123 500 штыков и сабель, 200 пулеметов, 440 орудий; 2-я армия (должна была наступать на Калиш – 5 корпусов, 4 кавалерийские дивизии) – 158 500 штыков и сабель, 350 пулеметов, 540 орудий и 5-я армия (3 корпуса, 1,5 кавалерийской дивизии) – 85 000 штыков и сабель, 190 пулеметов, 320 орудий. Всего 367 000 бойцов, 740 пулеметов, 1300 орудий.

Русские армии, вытянувшись в линию на громадном фронте, не имели армейских и фронтовых резервов для развития успеха или парирования неожиданных ударов противника.

5-я армия П. А. Плеве к началу Лодзинской операции включала в свой состав 5-й и 19-й, 1-й сибирский армейские корпуса, 5-ю Донскую казачью дивизию и Туркестанскую казачью бригаду.

Германское командование не имело какого-либо внятного оперативного плана, войска были истощены непрерывными боями. Тем не менее начальник Штаба главнокомандующего германским Восточным фронтом генерал-лейтенант Э. Людендорф, отлично зная, что самый лучший способ сорвать вражеское наступление – это самому нанести удар в другом месте, продемонстрировал свое оперативное мастерство. Немцы перехватывали русские радиogramмы, что давало им возможность, по словам Э. фон Фалькенгайна, «с начала войны на Востоке до половины 1915 года точно следить за движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие противомеры»^[78].

Осуществив перегруппировку войск, германское командование образовало Восточный фронт (командующий – генерал пехоты П. Гинденбург в тандеме с неизменным Э. Людендорфом – начальником

штаба), включавший в свой состав две армии – 8-ю (командующий – генерал пехоты О. фон Белов) и 9-ю (командующий – генерал кавалерии А. фон Макензен).

Операцию оно планировало совместно с австро-венгерским главнокомандованием. 9-я армия должна была нанести глубокий удар во фланг и тыл русским 2-й и 5-й армиям (в полосе между линиями железных дорог Торн – Лович и Лодзь – Лович) с перспективой их окружения, в связи с чем перебрасывалась из калишско-ченстоховского района к г. Торну. Позиции в районе г. Ченстохова были заняты войсками немецкого Бреславльского корпуса и 1-й австро-венгерской армии. Для усиления основной ударной силы – 9-й армии – перед началом операции с Французского фронта прибыли 1-й и 3-й кавалерийские корпуса, а из состава 8-й армии – 1-й и 25-й резервные корпуса.

Непосредственно участвующие в Лодзинской операции германские войска были структурированы следующим образом:

Ударная группа: 9-я армия – 5,5 армейского корпуса, 2 кавалерийских корпуса (5 кавалерийских дивизий) – 155 000 штыков и сабель, 450 пулеметов, 960 орудий. Непосредственно в ударную группу немцы назначили 11 пехотных и 2 кавалерийские дивизии при 904 орудиях, или 70 % всех сил 9-й армии^[79], создав, таким образом, значительное превосходство над русскими в силах и средствах на участке прорыва. Вспомогательная группа (должна была сковать русские войска, прежде всего 5-ю армию, с фронта) – корпуса «Грауденц», «Познань», «Бреславль» и «Торн»: 124 000 штыков и сабель, 250 пулеметов и 480 орудий.

Итого почти 280 000 бойцов при 700 пулеметах и 1420 орудиях. Направление главного удара 9-й армии – на Кутно в обход Лодзи с востока.

Соотношение сил (русские 1-я, 2-я и 5-я армии против 9-й германской армии, группировки германских вспомогательных корпусов, Силезского ландверного корпуса Р. Войрша и 1-й австро-венгерской армии) – не в пользу русских войск (367 тыс. человек против 380 тыс. и 1,3 тыс. орудий против почти 2 тыс.).

Перед началом наступления силы 9-й армии располагались восточнее Калиша (3-й кавалерийский корпус), вблизи Голина и севернее (11-й армейский корпус), в районе Врешена и юго-восточнее (17-й армейский корпус), у Гогензальца (20-й армейский корпус), юго-западнее Петроков (1-й кавалерийский корпус), юго-западнее Торна (1-й резервный корпус), у Торна (25-й резервный корпус и 3-я гвардейская резервная дивизия).

Каждому корпусу придали по два батальона тяжелой артиллерии (по 32 орудия), авиаотряду и радиостанции. 25-й резервный корпус усилили

большим пополнением опытных офицеров и унтер-офицеров из других частей, оснастили тяжелыми пулеметами.

Обе стороны ставили перед собой наступательные цели, но немцы в отсутствие ясного плана откровенно импровизировали, надеясь прежде всего сорвать русское наступление.

И действительно, внезапный удар группы А. Макензена на Кутно 29 октября спутал карты русского командования. Первыми вступили в бой авангардные дивизии 1-го и 25-го резервных корпусов против правого фланга русских, атака поддерживалась тяжелой артиллерией и бронемашинами. 29–30 октября после тяжелых боев немцы отбросили 5-й Сибирский армейский корпус (левый фланг 1-й армии). В ряде мест его части под давлением превосходящих сил противника отошли на вторые позиции, хотя нигде не позволили ему обойти фланги или прорвать боевой порядок. Попытка окружения корпуса не удалась, с аррьергардными боями он отошел под давлением трех германских (20-й, 25-й армейские и 1-й резервный). С помощью подошедшего к нему на помощь 6-го Сибирского армейского корпуса обстановку удалось стабилизировать.

Зная, что 1 ноября, согласно директиве главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Н. В. Рузского, вверенные ему войска должны начать общее наступление к границам Германии, П. Гинденбург требовал от 9-й армии более энергичных действий. А. Макензен наносил удар 25-м резервным и 20-м армейским корпусами в правый фланг 2-й русской армии – по позициям 2-го армейского корпуса. Его части продержались сутки, затем отошли на Кутно. В этот момент обстановка осложнилась – была разорвана связь между 1-й и 2-й русскими армиями, оголены фланг и тыл последней. Немцы приступили к окружению 2-й армии.

Параллельно атаковали на своих участках германские вспомогательные корпуса, сковывая противостоящие им русские войска. С подходом этих корпусов П. Гинденбург стремился охватить 2-ю армию с обоих флангов и сомкнуть кольцо окружения в районе Лодзи. Для этого 1-й резервный корпус он оставил заслоном против 1-й русской армии, 1-му кавалерийскому, 25-му резервному и 20-му армейскому корпусам поставил задачу – обойти правый фланг 2-й русской армии в направлении через Брезины и вдоль железной дороги на Петроков. 17-й и 11-й корпуса должны были атаковать Лодзь, 3-й кавалерийский и Познанский корпуса – обойти левый фланг 2-й русской армии в направлении на Шадек и Пабянице, а затем конница – замкнуть кольцо окружения южнее Лодзи. Бреславльский корпус с частями 2-й австро-венгерской армии должны

были сковать 5-ю русскую армию^[80].

В это время 5-я армия П. А. Плева начала двигаться на север, 4-я и 9-я армии атаковали, согласно прежнему плану, в ченстоховском направлении. Только 2 ноября командование Северо-Западного фронта, поняв тяжесть обстановки в районе Лодзи, приостановило наступление 5-й, 4-й, 9-й армий, начав перегруппировку сил для противостояния 9-й германской армии.

4 ноября с подходом вспомогательных корпусов П. Гинденбург начал окружение 2-й армии. 5 ноября для обеих сторон сложилась весьма напряженная обстановка. Русский 1-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта А. В. Новикова после энергичных стычек с 3-м кавалерийским корпусом германцев и частями корпуса «Познань» около Ласка начал отходить на восток. Но 5-я армия, развернувшись на фронте Пабянице – Ласк, стремительно перешла в наступление левым флангом и остановила продвижение немецких 3-го кавалерийского корпуса и корпуса «Познань», нанеся им большие потери. К вечеру 6 ноября у русских оказалось прочное положение на левом фланге и в центре и угрожающее на правом фланге 2-й армии, куда все глубже вклинивалась ударная группа генерала пехоты Р. фон Шеффера-Бояделя (25-й резервный корпус, 3-я гвардейская дивизия, 1-й кавалерийский корпус – всего 3 пехотные и 2 кавалерийские дивизии).

В этих условиях командующие 2-й и 5-й русскими армиями – генерал от кавалерии С. М. Шейдеман и П. А. Плева, обсудив создавшееся положение, решили 6 ноября перейти в наступление всеми силами и остановить дальнейший обход немцев. Противник захватил Кутно и наступал на Лович – узел коммуникаций 2-й и 1-й армий.

Теперь началась импровизация со стороны командования Северо-Западного фронта: к Ловичу перебросили наспех собранные части (формируется Ловичский отряд). Немцы фактически охватили 2-ю армию полукольцом, захватив 6 ноября Брезины (конница дошла до Колюшек), в результате чего 2-я армия загнула свой фронт полукольцом.

Однако дальнейшие успехи германцев были остановлены подходящими частями 5-й армии. 2-я армия переживала жесточайший кризис, и П. А. Плева 7 ноября поручили общее руководство войсками 5-й и 2-й армий^[81]. Генерал от инфантерии М. В. Алексеев так оценивал эту ситуацию: «Энергичный и толковый военачальник Плева объединил командование 2-й и 5-й армиями в своих руках»^[82]. Участник Лодзинской битвы, офицер 14-й кавалерийской дивизии и будущий маршал Советского Союза, Б. М. Шапошников с удовлетворением констатировал: «Управление

2-й и 5-й армиями взял на себя командующий 5-й армией Плеве. Командующему 2-й армией запрещалось выезжать из Лодзи»^[83].

Командование же фронтом фактически обстановкой не владело и от руководства операцией устранилось.

8 ноября – кризис у Лодзи, немцы на южной окраине города. Но город остался в руках русских благодаря активным действиям 5-й армии и лично генерала Плеве. Двух дней Павлу Адамовичу хватило для стабилизации обстановки. Он приказал 1-му кавалерийскому корпусу генерал-лейтенанта А. В. Новикова (8-я и 14-я кавалерийские дивизии) срочно перейти с левого фланга 5-й армии (из района Ласка) на правый фланг 2-й (в район Бендкова). Туда же должна была выйти 5-я кавалерийская дивизия, находившаяся в районе Ежова. Кроме того, к району Рзгова подходили 1-я сибирская стрелковая дивизия 1-го Сибирского армейского корпуса, брошенная на усиление правого фланга 2-й армии, и 10-я пехотная дивизия.

Правый фланг 9-й германской армии, корпус «Познань» и 3-й кавалерийский корпус, которым поручалось замкнуть кольцо окружения, наступать уже не могли: они сами с трудом отбивались от атак частей 5-й русской армии – 19-го армейского корпуса и 2-й сибирской стрелковой дивизии.

Левому флангу 5-й армии – 19-му и 1-му Сибирскому армейским корпусам – поступил приказ наступать против корпуса «Познань» и 3-го кавалерийского корпуса неприятеля.

В итоге 7 ноября немцы не только не смогли разгромить противника, но они сами на всех боевых участках были задержаны и атакованы русскими войсками.

П. Гинденбург и 8 ноября продолжал надеяться, что русские не выдержат и начнут наконец отходить от Лодзи. Однако Павел Адамович в этот день также приказал обеим своим армиям наступать по всему фронту, не давая германским флангам сомкнуться к югу от города. С утра 8 ноября завязалось ожесточенное сражение на левом фланге 5-й русской армии. Бригада германского корпуса «Бреславль», австро-венгерская 7-я кавалерийская дивизия, корпус «Познань» и 3-й кавалерийский корпус обрушились на 19-й армейский корпус и 2-ю сибирскую стрелковую дивизию 1-го Сибирского армейского корпуса, пытаясь обойти левый фланг 19-го армейского корпуса. Но последний вместе с подошедшей 7-й пехотной дивизией не только остановил эту атаку, но сам начал теснить противника. Энергичной контратакой 1-й Сибирский и 19-й армейские корпуса вынудили его к беспорядочному отходу с большой потерей пулеметов, орудий и пленных (в частности, была разбита германская 38-я

пехотная дивизия).

17-й и 20-й германские корпуса были атакованы 4-м и 2-м Сибирским армейскими корпусами и с трудом удерживались, главным образом, благодаря огню тяжелой артиллерии. Положение ударной группы Р. Шеффера-Бояделя к концу дня оказалось тяжелым.

П. Гинденбург и А. Макензен предприняли последнюю попытку окружить русских под Лодзью. На 9 ноября их приказ гласил: 3-му кавалерийскому корпусу наступать от Вадлев – Петроков; корпусу «Познань» и 11-му армейскому корпусу на Ласк; 17-му армейскому корпусу на Лодзь с севера; 20-му армейскому корпусу и 3-й гвардейской дивизии на Лодзь с востока; 25-му резервному корпусу двигаться западнее Лодзи; 1-му кавалерийскому корпусу – 6-й кавалерийской дивизией обеспечивать 25-й резервный корпус с юга, а 9-й кавалерийской дивизией ударить частью сил на Петроков, частью на Брезины; 1-му резервному корпусу овладеть Ловичем.

Русское командование в это время также оценивало обстановку как благоприятную для дальнейшего проведения операции (во многом благодаря тому, что 5-я армия парализовала южную «клешню» германского наступления). И Плевелю на 9 ноября от вверенных ему армий требовал: от 5-й – удерживать позиции, от 2-й – наступать правым флангом при поддержке частей 5-й (1-я сибирская стрелковая и 10-я пехотная дивизии, 1-й кавалерийский корпус) против группы Р. Шеффера-Бояделя и совместно с наступающим Ловичским отрядом окружить ее.

В итоге воля и энергия русского генерала взяли верх над напором П. Гинденбурга и А. Макензена.

В итоге к 9 ноября, отбив все атаки противника, Плевелю окружил группу Р. Шеффера-Бояделя. Этот день стал переломным для Лодзинского сражения. Ловичский отряд, двигаясь навстречу наступающим частям 5-й и 2-й армий, сумел восстановить связь с армейской группой Плевеля. Получился «слоеный пирог»: группировка Р. Шеффера-Бояделя, взявшая в полукольцо 2-ю армию, сама попала в окружение. Над немецкой ударной группой нависла угроза катастрофы. Как следует из германских документов: «Командующий Восточным фронтом не располагал более никакими силами, чтобы помочь находившейся под Лодзью в тяжелом бою 9-й армии, он вынужден был быть простым свидетелем той драмы, которая, казалось, там подготовлялась. Вряд ли можно еще было надеяться на освобождение отрезанных войск генерала Шеффера [Бояделя]. Поступающие радиogramмы дают понять, что лишь в особо благоприятном случае можно будет спасти от уничтожения или плена окруженное левое

крыло»^[84]. Когда утром 11 ноября немцы перехватили русскую радиограмму о подготовке эшелонов для эвакуации германских пленных, напряженное состояние германского командования достигло крайнего предела. «Не могу выразить, что я при этом почувствовал, – писал Э. Людендорф, – что было поставлено на карту»^[85].

Плеве уже не сомневается в полной победе. Однако «помощь» остаткам четырех германских дивизий неожиданно пришла со стороны командования... Северо-Западного фронта: Н. В. Рузский, не разобравшись в обстановке, предписал 1-й, 2-й и 5-й армиям начать отход^[86]. Несмотря на протесты Плеве, главнокомандующий фронтом настоял на своем. Его распоряжение в дальнейшем Ставка отменила, но время было упущено и блокирующие части не были усилены.

Группа Р. Шеффера-Бояделя в ночном бою 11 ноября прорвала позиции 6-й сибирской стрелковой дивизии и соединилась с главными германскими силами. Запоздалое преследование не только группы Р. Шеффера-Бояделя, но и германских войск, отходящих по фронту русских армий, также не было организовано, несмотря на телеграмму Плеве командующему фронтом, считавшего, что «войска противника истомлены как большими переходами, так голодовкой, а сверх того наступили морозы. При таких условиях немедленное и безостановочное преследование может дать самые решительные результаты»^[87].

12 ноября 2-я и 5-я русские армии перешли в наступление и через три дня достигли фронта Стрыков – Шадек. Для стабилизации обстановки противник с 14 ноября вел настойчивые атаки на фронте 1-й и в стыке между 5-й и 4-й русскими армиями.

Во второй половине ноября неприятелю пришлось перебросить с западноевропейского театра военных действий 3-й резервный, 2-й, 13-й и 24-й армейские корпуса. Тяжесть обстановки и активность русских армий вынуждали П. Гинденбурга вводить эти соединения в дело не согласованно и одновременно. Как видно, тактике «латания дыр» были подвержены не только русские генералы. Таким образом, силы целой германской армии, способные привести к значительным оперативным результатам, будь они введены в дело сразу на одном участке, растрачивались на сдерживание напора наших войск.

Тем не менее в силу общей обстановки и под напором свежих соединений противника русские войска были вынуждены осуществить общее отступление. 5-я армия начала отходить 18 ноября^[88]. И несмотря на то что 21 ноября ею «все атаки немцев отбиты и положение

упрочивалось»^[89], 23 ноября пришлось оставить Лодзь.

П. А. Плеве же еще в телеграмме от 19 ноября предлагал Н. В. Рузскому закрепиться на занятых рубежах и повременить с отходом, мотивируя это тем, что «войска прочно окопались, продолжают еще усиливаться, положение вполне для нас благоприятное, настроение войск вполне бодрое. По отзывам многих начальников, они и вверенные им войска крайне огорчены предстоящим отходом; полагаю, со своей стороны, что войска 5-й и 2-й армий, оставаясь на линии занимаемых укрепленных позиций, могли бы успешно удерживаться на них до получения возможности перейти в наступление, отход же их при теперешней близости противника представит чрезвычайные трудности, не говоря о неблагоприятном впечатлении на силу духа»^[90].

5—20 декабря армия Плеве вела затяжные бои с частями противника у Иновлодзи и сохранила свои позиции.

В ходе Лодзинской операции группировка П. А. Плеве нанесла значительный урон противнику. В своем донесении командованию Р. Шеффер-Боядель сообщал: большие потери понесли 25-й резервный, 1-й кавалерийский корпуса и 3-я гвардейская дивизия (из 48 тыс. солдат и офицеров этих частей в строю остались только 6 тысяч). Другие корпуса германской армии, которые вели напряженные бои в течение двух недель, также понесли большие потери. Материалы германского Рейхсархива отмечали, что за семь недель 9-я армия потеряла более 100 тыс. человек, из них 36 тыс. – «похоронено на местах боев»^[91]. Однако потери русских 2-й и 5-й армий также были велики. Суммарно их некомплект к началу декабря 1915 г. составил более 131 тыс. военнослужащих^[92]. Понятно, что далеко не все они были ранены или тем более убиты, но тем не менее ситуация впечатляет.

Попытка немцев повторить самсоновский «Танненберг» провалилась. Как писал впоследствии Э. Людендорф: «Крупная оперативная цель – уничтожить русских в излучине Вислы – не была достигнута»^[93]. Этот вывод повторяет М. Гофман: «Мы избежали большой беды, но намечавшийся крупный успех не был достигнут»^[94]. Вместо окружения наших войск под Лодзью противнику пришлось спасать свои корпуса.

Группа из 2-й и 5-й армий под командованием Плеве, оказавшись временно отрезанной от основных сил фронта, должна была действовать самостоятельно. Именно в этой обстановке Павел Адамович смог проявить присущие ему волевые качества, и тяжелое положение его войск в течение всего сражения не повлияло на правильность оперативного руководства с

его стороны. Отступление полуокруженных русских войск превратилось бы в катастрофу, спасти положение могли лишь активные действия войск и выдержка командования. Германское же командование находилось в исключительно благоприятных условиях благодаря систематическому перехвату русских радиотелеграмм и, следовательно, точному знанию оперативных планов русских. На руку врагу были также неудачное развертывание 5-го Сибирского и 2-го армейских корпусов, отсутствие переправ на Висле для переброски резервов в районах дислокации наших войск, не говоря уже об их материально-техническом обеспечении, сильно уступавшем германскому.

Однако лишь благоприятное для немцев стечение обстоятельств позволило им создать угрозу тылу 2-й русской армии, а потом в виде небольших остатков выйти из окружения. Русское командование не имело такого важного козыря, как знание неприятельских планов, довольствовалось скромными данными армейской разведки и, естественно, действовало более осторожно. Несмотря на это, Павел Адамович нашел правильные контрмеры и поставил 9-ю германскую армию в тяжелое положение.

П. Гинденбург и Э. Людендорф были уверены, что русские не выдержат угрозы обхода фланга и начнут отходить. Но противник у них был не тот: Плеве не испугался и на угрозу окружения своих войск ответил угрозой окружения левого фланга немцев.

Создавшуюся ситуацию М. Гофман характеризовал следующим образом: «Вместо ожидавшегося большого успеха мы потерпели чувствительную неудачу. Между левым крылом войск [генерала артиллерии Ф. фон] Шольца и войсками, проникшими в тыл неприятеля, связь внезапно оборвалась. В образовавшийся промежуток продвинулись русские силы... Конница Рихтгофена была отброшена частями 5-й русской армии, подошедшими с юга на поддержку [2-й русской] армии [генерала от кавалерии С.М.] Шейдемана. 25-й резервный корпус, 3-я гвардейская дивизия и конница Рихтгофена были отрезаны и окружены русскими»^[95].

Традиционное пренебрежение германцев к противнику стоило им тяжелых потерь и разгрома группы генерала Р. Шеффера-Бояделя.

Но и русское командование не осуществило своего замысла глубокого вторжения в Германию. По вине руководства Северо-Западным фронтом, а также по причине бездействия русской конницы, наблюдавшей выход немцев из окружения, была упущена возможность взять реванш за самсоновскую катастрофу. Подчеркнем: в отношении военного искусства Лодзинская операция – одна из наиболее сложных в Первую мировую

войну. Достаточно сказать, что такого количества глубоких обходов и окружений до этого не наблюдалось. Когда, например, союзники России по Антанте смогут похвастаться окружением крупной войсковой группировки противника?

Стойкость русских войск и энергия командующего 5-й, а затем группой из 2-й и 5-й армий П. А. Плеве предотвратили катастрофу в форме «Седана», вырвав, казалось бы, уже гарантированную победу из немецких рук.

В тактическом плане генерал П. А. Плеве вновь показал себя как сторонник маневра, активных действий. Он эффективно действует на флангах, применяет конницу. Так, важное значение имела переброска 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта А. В. Новикова с левого фланга 5-й армии (из района Ласка) на правый фланг 2-й армии (в район Бендкова). Корпуса армий Плеве практиковали путем выхода их уступом за свободные фланги и путем загиба их против обходящих сил противника не допускать смыкания немецкого кольца окружения. Умелыми действиями войск своего левого фланга Павел Адамович не только решительно парировал атаки немцев, но последние вынуждены были сами переходить к обороне или даже отступать, неся большие потери.

Особенно разительно управление П. А. Плеве войсками 5-й и 2-й армий отличается от безынициативности командования 1-й русской армии. В этой связи интересно мнение представителя британской армии при русском командовании генерал-майора А. Нокса – оно же дает и психологический портрет Павла Адамовича: «Успешность задуманного плана (окружения и последующего уничтожения группы Шеф фера-Бояделя. – А.О.) зависела от толкового его выполнения Ренненкампом, командующим 1-й армией, и Плеве, командующим 5-й армией. Эта два человека, которые, как и Шейдеман, командующий 2-й армией, принадлежали к давно обрусевшим фамилиям германского происхождения, совершенно не походили друг на друга. Ренненкампф был лихим кавалеристом, обладавшим большой личной отвагой, и всем видом своим напоминал прирожденного вождя. Плеве, напротив, был старичок маленького роста, сутуловатый, слабого здоровья. Ренненкампф пользовался в Вильне еще до войны личной популярностью, хотя и заставлял усиленно работать своих солдат и лошадей своей кавалерии. Плеве в Москве имел репутацию человека, слишком погруженного в подробности, детали, педанта. За исключением своих ближайших сотрудников, он не был популярен из-за своей любви к точности и аккуратности да и сам не искал популярности. Ренненкампф не ладил со

своим начальником штаба, г. Мильянт; известно было, что иногда он не стеснялся среди ночи посылать приказания, изменявшие или совершенно отменявшие распоряжения, только несколькими часами раньше отданные начальником штаба. Мильянт на самом деле, видимо, плохо действовал на нервы своего командарма, так как однажды Ренненкампф прямо заявил ему, чтобы он «убрал свой нос подальше, потому что он не может более переносить его вид!». Плеве же, наоборот, работал в полном согласии со своим блестящим начальником штаба, г. Миллером. Ренненкампф, может быть, сделался бы Мюратом, родился он сотней лет раньше, на посту же командующего армией в двадцатом столетии он был анахронизмом и прямой опасностью для этой армии. Плеве принадлежал больше к школе Мольтке и обладал логическим умом и железной волей. Не удивительно поэтому, что именно Плеве со своей 5-й армией спас 2-ю от надвигавшейся катастрофы, тогда как Ренненкампф всеми порицается именно за то, что не сумел вполне воспользоваться изменением обстановки в благоприятную сторону и позволил немцам ускользнуть. Несколько месяцев позже поклонники Плеве из штаба 5-й армии любили рассказывать, как на походе к нему подскочил офицер, ординарец от Шейдемана, и взволнованно воскликнул: «Ваше превосходительство, 2-я армия окружена и принуждена сдаваться!» Плеве в продолжение одной-двух секунд молча смотрел на молодого человека из-под своих густых, нависших бровей и затем сказал: «Вы прибыли, мой милый, играть трагедию или с докладом? Если у вас есть донесение, то доложите его начальнику штаба, но помните, не разыгрывать трагедий, а то я посажу вас под арест»^[96].

Энергичный генерал П. А. Плеве еще раз подтвердил свою репутацию полководца, воюющего не числом, а умением: его армия к началу операции была самой малочисленной в составе фронта, что не помешало ей сыграть ключевую роль в сражении.

Действия его были высоко оценены как русскими военачальниками, так и противником.

Так, генерал-квартирмейстер Штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов охарактеризовал его как человека «с верным военным пониманием и солдатским сердцем», а его действия назвал «единственно возможными»^[97] в сложившейся ситуации. Он же отметил такие его качества, как выдержка и личная доблесть^[98]. Генерал от инфантерии А. А. Поливанов вспоминал: «В декабре 1914 г., беседа с главнокомандующим Северо-Западным фронтом генерал-адъютантом Рузским, я услышал от него печальное повествование о стратегическом

маневре под Лодзью, который он предпринял с тремя армиями для нанесения удара германцам, сделавшим неосторожное продвижение к Варшаве, и который не только не удался – по причине неумелого руководства войсками командующих двумя армиями, но едва не навлек опасность на наше собственное положение, и только способность командовавшего одной из этих трех армий, П. А. Плева “разбираться в обстановке и принимать быстрые и целесообразные решения” дала возможность выйти благополучно из всей этой операции...»^[99]

Э. Людендорф впоследствии отмечал: «25-й резервный корпус с находившимися при нем частями был отрезан и атакован с юга частями 5-й русской армии»^[100]. А Э. Фалькенгайн заметил: «Очень скоро в Польше стало ясно, насколько неприятельское командование успело подучиться с начала августа»^[101]. Учитывая, что командование русским Северо-Западным фронтом фактически устранилось от осуществления операции, слова эти относятся к русскому Верховному главнокомандованию, и, разумеется, прежде всего к руководству русской группы армий в районе Лодзи. Англичанин А. Нокс также отмечает, что «Плеве не терял времени... 1-й сибирский корпус освободил левый фланг Шейдемана, отбросив штыковыми атаками одну из дивизий германского 11-го корпуса. На левом фланге его поддержал 19-й корпус, разбивший 19-й Бреславский корпус противника»^[102].

Отдала должное действиям талантливого полководца и отечественная военно-историческая наука. Г. К. Корольков, говоря о наметившемся 4 ноября окружении 2-й русской армии – армии, испытавшей «Танненберг», с которой П. Гинденбург вновь хотел сотворить это же, – отмечал, что под Лодзью сравнительно с августом имела место существенная разница, в том числе и потому, что слева «теперь была 5-я армия»^[103]. И еще: «Плеве удивительно верно оценил обстановку и стремился оттеснить противника дальше на запад, так как только этим в полной мере обеспечивался фланг 2-й армии. Такое постоянное стремление не останавливало от занятия широких позиций, получавшиеся разрывы фронта не пугали, так как подвижность войск гарантировала своевременность противодействия вторжения в такой прорыв...»^[104]. Применительно к заключительной стадии операции констатируется, что «когда выяснилась возможность окружения (группы А. Шеффера-Бояделя – А.О.), то только один Плеве задался этой целью, но его распоряжения или опаздывали, или просто не выполнялись, как это было в 1-м корпусе»^[105]. Д. Н. Рыбин подчеркивал: «5-я русская армия, как железный клин, врезалась между заходящими

флангами немцев и не позволила им сомкнуться»^[106]. Участник Лодзинского сражения полковник Ф. Новицкий, крайне негативно отзываясь в своих воспоминаниях о русском высшем командном составе, тем не менее характеризует Плева как человека «очень твердого, прямолинейного и упрямого»^[107] и называет его автором плана окружения немцев. А. А. Керсновский отмечает: «Стойкость войск и энергия командовавшего 5-й армией генерала Плева предотвратили катастрофу, и немцы из обходящих сами оказались обойденными»^[108].

Павел Адамович заслужил славу мастера кризисных ситуаций, о котором вспоминают в тяжелой оперативной обстановке. Директивы генерала пронизаны требованиями «держать связь», «энергично атаковать», «активно применять конницу», «энергично наступать», «действовать самым решительным образом»^[109]. Именно его действиям Лодзь обязана спасением, а Р. Шеффер-Боядель – котлом. И командарм-5 П. А. Плева и командарм-1 П. Г. К. Ренненкампф протестовали против некомпетентного поведения командующего фронтом Н. В. Рузского^[110]. Нерешительность, неумение ориентироваться в быстро меняющейся обстановке современной войны, незнание ситуации со стороны командования фронта не позволили тактическому успеху перерасти в оперативный, а возможно, и в стратегический. О моральном и материальном последствии столь крупного разгрома немцев можно и не говорить.

Второе Праснышское сражение. Февраль – март 1915 г.

Второе Праснышское сражение, или Зимнее Праснышское сражение, 1915 г. – одна из крупнейших операций на Русском фронте Первой мировой войны. Это оборонительно-наступательная операция 1-й и 12-й армий русского Северо-Западного фронта против 12-й и 8-й армий германского Восточного фронта 7 февраля – 17 марта 1915 г. Основные события операции разворачивались в районе г. Прасныш (Восточная Польша) – важного опорного пункта Северо-Западного фронта.

Германское командование, планируя на начало 1915 г. осуществление «стратегических Канн» (удары на флангах Русского фронта: Восточная Пруссия – Карпаты), провело в Восточной Пруссии Вторую Августовскую (25 января – 13 февраля 1915 г.) операцию, во многом точную копию Лодзинской. И хотя противник не сумел достичь окружения 10-й русской армии, он все же оттеснил ее к рубежу рек Неман – Бобр, окружив один ее корпус – 20-й армейский.

Проведение Праснышской операции было обусловлено двумя оперативно-стратегическими факторами.

Во-первых, для русского командования остро стоял вопрос о стабилизации обстановки на северо-западном театре военных действий. Для реализации этой важной задачи на Ломжинском направлении была сформирована 12-я армия (в составе Гвардейского, 4-го армейского, 2-го и 1-го Сибирских армейских корпусов), руководство которой 14.01.1915 г. поручили П. А. Плеве. О формировании армии «для млавского направления» главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта сообщил 5-го января 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич. Ближайшая цель создания этого объединения – «вызвать перегруппировку германских сил в Восточной Пруссии в надежде на то, что при такой группировке можно будет обнаружить ослабление германцев в некоторых районах, куда и можно будет направить наши усилия для прорыва неприятельского расположения и дальнейшего развития успеха в этом направлении»^[111].

На новую армию возлагалось «наступление в Восточную Пруссию на Ортельсбург, Вилленбург, Нейденбург, Сольдау и далее прямо на север, так как вторжение в пределы Пруссии в этом направлении, несомненно,

болезненно отзовется в Германии и, по всем вероятностям, может вызвать оттяжку германских сил с левого берега Вислы и, может быть, из района 10-й армии»^[112].

Генерал-майор И. А. Хольмсен писал: «20-го января командующий вновь формируемой 12-й армией, генерал от кавалерии Плеве, с начальником штаба, генералом Миллером, получили возможность выехать в Насельск, где формировался штаб армии. В командование 5-й армией вступил генерал Чурин. К концу января в состав 12-й армии на правом берегу Вислы вошли: 76-я и 77-я пехотные дивизии, гарнизон и крепость Новогеоргиевск и вновь сформированные: 1-й кавалерийский корпус генерала Орановского (6-я, 8-я и 15-я кавалерийские дивизии) и конная группа генерала Эрдели (14-я кавалерийская и 4-я Донская казачья дивизии)... На Млавском же участке находились также включенные в эту армию 1-й Туркестанский корпус и 63-я пехотная дивизия... 4-я отдельная кавалерийская и Уссурийская конная бригады... Этим войскам 12-й армии была поставлена задача дальше оттеснить противника к государственной границе»^[113].

По свидетельству Ю. Н. Данилова, генерала от кавалерии П. А. Плеве вместе с его начальником штаба генерал-лейтенантом Е. К. Миллером Верховный главнокомандующий «считал наиболее подготовленными для выполнения задуманной операции»^[114].

Во-вторых, немецкое командование решило нанести удар на Седлец (через Прасныш) для совместного с австрийцами (действующими со стороны Карпат) отсечения «польского балкона» с окружением находящихся в нем русских войск. Едва ли не впервые германцы пытаются осуществить общую коалиционную операцию стратегического масштаба вместе с младшим партнером – Австро-Венгрией. Германское командование Восточного фронта видело ближайшую задачу следующим образом: «Удар свежими силами в направлении Прасныша должен был отбросить неприятельские войска, находившиеся против 17-го резервного корпуса. Это позволило бы продвинуть армейскую группу Гальвица до Нарева. Тогда еще это представлялось имеющим серьезное стратегическое значение»^[115].

Для решения главной задачи (удар на Прасныш-Седлец и окружение русских войск в Польше) была создана армейская группа генерала артиллерии М.К.В. фон Гальвица (8-я и 12-я армии – 12 пехотных и 2 кавалерийские дивизии): корпуса Цастрова (2,5 дивизии), Дихгута, 1-й резервный (1-я и 36-я резервные дивизии), 20-й армейский (37-я и 41-я

пехотные дивизии), а также 1-я гвардейская резервная дивизия, 2 кавалерийские дивизии, части ландвера и ландштурма. Костяк армейской группы – 1-й резервный, 20-й армейский корпуса и 1-я гвардейская резервная дивизия. Мощной была и ландверная группировка. Всего противник располагал более чем 4 корпусами, а также 2 кавалерийскими дивизиями.

Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич, убедившись в течение 1914 г. в уязвимости «польского балкона» при удерживаемой немцами Во сточной Пруссии, ставил задачу вторжения в нее 12-й и 1-й армиям Северо-Западного фронта. В случае успеха русских войск и выхода их на Млаву германские силы попадали в тяжелое положение.

На стороне русских на начальном этапе Праснышской операции приняли участие: 1-й Туркестанский, 27-й и 19-й армейские корпуса, 1-й конный корпус, конная группа генерал-майора И. Т. Эрдели и другие кавалерийские части – всего 3 корпуса и 9,5 кавалерийской дивизии. Таким образом, в начале операции немцы имели превосходство в пехоте. Если же учесть, что русские армии имели большой некомплект личного состава, испытывали «снарядный голод» и располагали малочисленной артиллерией, то преимущество явно было на стороне немцев.

Операция развивалась в три этапа: германское наступление на г. Прасныш (7—11 февраля), контрудары 1-го и 2-го Сибирских армейских корпусов (12—14 февраля) и общее наступление правого фланга Северо-Западного фронта (17 февраля – 17 марта).

В течение первого этапа германские войска первыми перешли к активным действиям и после ожесточенных боев потеснили 1-ю русскую армию. 10 февраля германская дивизия генерала Верница продвинулась вперед левым флангом и вошла в соприкосновение с 1-м резервным корпусом у Воля Вержбовска, замкнув кольцо вокруг г. Прасныш. В этот же день противник силами двух корпусов атаковал город, овладел его южной окраиной и казармами в восточной части. Гарнизон Прасныша – 63-я пехотная дивизия – упорно оборонялся. Однако ввиду превосходства сил неприятеля утром 11 февраля город был взят германцами. Один из участников этой обороны так описал ее кульминацию: «11 февраля около 10 часов окончилась драма Праснышского гарнизона. Потеряв больше половины состава от огня, он не мог противостоять подведенным Гальвицем свежим силам...»^[116]

Упорные бои по обороне города дали возможность сосредоточиться 12-й армии во главе с П. А. Плеве. На втором этапе операции ее 1-й и 2-й

Сибирские армейские корпуса сильным фланговым ударом нанесли поражение германской ударной группировке и к 14 февраля выбили ее из Прасныша. Причем 1-й Сибирский корпус нанес поражение 1-му германскому резервному корпусу и захватил 10 тыс. пленных.

Вместе с тем следует отметить, что выгодная диспозиция сибирских соединений не была использована для полного уничтожения противника – прежде всего вследствие безынициативности командования 2-го Сибирского армейского корпуса (несмотря на «подстегивания» со стороны командарма – 13 февраля об окружении врага, 14 февраля о развитии энергичного преследования). Так, в 1 час 20 мин ночи 14 февраля командиром 2-го Сибирского армейского корпуса генералом от инфантерии А. В. Сычевским из штаба 12-й армии была получена следующая телеграмма: «...противник от Прасныша бежит, командующий армией приказал вам развить самое энергичное преследование»^[117]. Большое значение также имело то обстоятельство, что конные группы, приданные сибирским корпусам, не получили конкретных задач и фактически оставались во втором эшелоне.

17 февраля (начало третьего этапа) 1-я, 10-я и 12-я армии Северо-Западного фронта перешли в общее наступление. В ходе его группа Гальвица потерпела вторичное (в рамках одного сражения) поражение. Попытавшись контратаковать в конце февраля, 1 марта фланговым ударом 23-го армейского корпуса со стороны Еднорожца она опрокинута и отброшена на территорию Восточной Пруссии, потеряв свыше 500 человек только пленными.

Следует отметить, что русские войска сражались в исключительно трудных условиях снабжения, начавшихся перебоях с боеприпасами и в условиях весенней распутицы.

Задача победоносных войск Северо-Западного фронта теперь заключалась «в нанесении сильных, но коротких ударов с преследованием лишь до границы, после чего армии Северо-Западного фронта должны занять положение, выгодное для активного прикрытия подступов к Неману, Бобру и Нареву, удерживая в то же время ныне находящийся в нашей власти плацдарм на левом берегу Вислы»^[118].

Итог Праснышской операции был весьма убедительным: до 14 тыс. пленных немцев и 58 орудий (этот «рекорд» был побит лишь французами более чем через полгода в ходе наступления в Шампани).

Русские войска (прежде всего благодаря действиям Павла Адамовича) одержали решительную победу над равноценным противником. Значение

этого успеха трудно переоценить. В значительной мере были устранены последствия неудачного Второго Августовского сражения – Плеве не дал уничтожить 10-ю армию генерала от инфантерии Ф. В. Сиверса. Первоначальные успехи германцев в Августовской операции над армией Сиверса сменились их поражением от войск Плеве (не зря французы впоследствии именовали зимний Прасныш «русской Марной»).

Необычайно важно и стратегическое значение операции: неприятельский план удара на Седлец с северо-запада был сорван, успех русских войск в этом сражении наряду с другими факторами в значительной степени расстроил германский план зимне-весенней кампании 1915 г. Вновь П. А. Плеве (на севере) и А. А. Брусилов (на юге) разрушили планы противника – задуманные им зимние «стратегические Канны» провалились. Генерал Э. фон Фалькенгайн впоследствии признавал: «Операции против обоих флангов русского фронта не оправдали возлагавшихся на них далеко устремленных ожиданий»^[119]. Причем, по его словам, «к середине марта союзники (германские и австро-венгерские войска. – А.О.) вновь на всем Восточном фронте были принуждены перейти к обороне»^[120].

Немцам пришлось планировать новую (Горлицкую) операцию для прорыва Русского фронта (причем на другом театре военных действий). Северо-Запад был очищен русскими войсками позднее в результате «непрямых» (как сказал бы Б. Лиддел-Гардт) действий немцев на другом ТВД и при общей неблагоприятной стратегической обстановке.

П. А. Плеве в очередной раз подтвердил репутацию решительного военачальника. Директивы его традиционно выдержаны в активно-наступательном духе. Так, командир 2-го Сибирского армейского корпуса получил от Павла Адамовича 13 февраля указание «бить противника, преследовать его самым настойчивым, беспощадным образом, если можно, не выпустить его, а взять или уничтожить, вообще проявить крайнюю энергию... стараясь не выпустить отступающие от Прасныша части противника и захватить пути отступления его от Прасныша на северо-восток и север»^[121].

В тактическом аспекте командарм стремится осуществлять фланговые удары и атаковать коммуникации противника. Например, 11 февраля командир 2-го Сибирского армейского корпуса получил от него приказ: «После переправы вашего корпуса через реку Оржиц целью действий должны быть не город Прасныш, а неприятельские войска, которые **необходимо атаковать во фланг и тыл**» (выделено нами. – А.О.). При

этом указывалось: «Необходимо захватить сообщения противника, отходящего на север и северо-восток»^[122].

Деятельность русского командования в операции заслужила высокую оценку как в отечественной военно-исторической науке (обычно довольно негативно характеризующей действия русского генералитета в годы Первой мировой), так и со стороны руководства противника. В качестве первого примера можно назвать высказывание известного военного историка генерала от инфантерии А. М. Зайончковского: «...в действиях западной группы русских войск можно отметить один положительный факт – это все большее и большее вкоренение в привычку частных начальников отвечать на удар контрударом. Праснышская операция является в этом отношении положительным образцом»^[123].

Другой военный историк – полковник А. Борисов – писал: «Успех русских войск в этой операции наряду с другими факторами расстроил германский план весенней кампании 1915 г.»^[124] Г. К. Корольков следующим образом охарактеризовал действия П. А. Плева и его армии во Втором Праснышском сражении: «В начале 1915 г. германцы овладели Праснышем, но в феврале того же года русские вновь заняли его весьма искусным маневром»^[125]. Праснышским боям посвящена и специальная запись в дневнике императора Николая II от 13 февраля 1915 г.: «На нашем Северо-Западном фронте, слава Богу, дела значительно поправились. От Ломжи до Прасныша идут успешные наступательные бои; наши войска забрали порядочно пленных германцев, орудий и пулеметов»^[126].

Германское же командование в лице Э. Людендорфа, отмечая «энергичные контратаки» русских и «значительные потери» своих войск, подчеркивало: «Наши войска получили от русских урок»^[127]. М. Гофман констатировал факт охвата с фланга и обхода немцев со стороны русских под Праснышем^[128]. Э. Фалькенгайн говорил о том, что наступление армейской группы Гальвица «так же мало продвинулось вперед, как малы были и все дальнейшие успехи на севере. Наоборот, русские своими контратаками в некоторых пунктах достигли перевеса»^[129].

Именно действия П. А. Плева дали значительный тактический выигрыш русской армии и позволили в целом в неудачном для России 1915 г. сохранить на северо-западе стабильное и прочное положение.

Операции в Прибалтике. Весна – осень 1915 г.

Военные действия противника в Прибалтике в апреле 1915 г. изначально вытекали из общей установки командования германского Восточного фронта – осуществлять демонстрацию на других участках фронта с целью облегчить проведение операции группы армий А. Макензена у Горлице.

Русское командование, уделяя главное внимание польско-карпатскому участку фронта, недооценивало прибалтийское направление, сосредоточив на нем явно недостаточное количество войск. Силы и средства были представлены, в основном, разрозненными частями слабого состава. Пока наши войска удерживали в своих руках, хотя бы частично, территорию Восточной Пруссии, неприятель не мог продвигаться в направлении среднего и нижнего течения р. Неман. Но в связи с отступлением после февральских боев 1915 г. 10-й русской армии к Неману и Бобру противник получал возможность наступать не только в направлении на Ковно, но и в обход его с севера, со стороны Тильзита на Шавли. Значение Риго-Шавельского района, через который был возможен обход русских войск с севера, приобретало огромную важность.

Уже с начала апреля стало заметно усиление вражеских войск на линии Кёнигсберг – Инстербург с выдвиганием конницы к нижнему течению Немана. Германская демонстрация сил, начатая 14 апреля армейской группой Лауенштейна (6-я, 3-я и Баварская кавалерийские, 78, 36 и 6-я резервные дивизии – ядро будущей Неманской армии), неожиданно принесла успех: продвижение было весьма заметным, русские потеряли г. Шавли (Шауляй). Оценив стратегическую важность этого театра военных действий, германское командование увеличило натиск.

К 25 апреля противник овладел Южной Курляндией и взял г. Либава, тем самым создав угрозу русским военно-морским силам на Балтике. В опасности оказалось и рижское направление. Наши малочисленные войска (68-я пехотная дивизия, части пограничной стражи и государственного ополчения) отошли на Виндаву и Дубиссу.

Для стабилизации обстановки в Прибалтику было направлено управление 12-й армии во главе с П. А. Плеве. Перебросив на угрожаемый участок вначале 19-й армейский и 1-й конный корпуса, а затем управление 12-й армии (24 мая прибыло в Митаву, вскоре переименовано в управление 5-й армии), русские сцементировали фронт, вернув Шавли. Последний

эпизод Э. Людендорф комментирует весьма ярко: «После жестоких боев мы остановились у берегов Дубиссы. Мы не могли долго удерживать Шавли и успели вывезти лишь часть богатых и столь важных для нас кожаных запасов. Уже в мае нам пришлось отдать город противнику»^[130].

Отныне северная Прибалтика (от Немана до Балтийского побережья) – зона ответственности 5-й армии с опорой на г. Рига и г. Двинск^[131]. В мае – июне ее войска с переменным успехом вели бои местного значения с Неманской армией О. фон Белова. М. Гофман так отзывался об этих схватках: «В тяжелых боях в течение мая и июня нам удалось удержать линию р. Дубиссы и левое крыло линии р. Виндавы»^[132]. Фронт стабилизировался по линии этих рек.

В трудное для русской армии время не в последнюю очередь благодаря действиям Павла Адамовича обстановка во вверенной ему зоне ответственности оставалась стабильной. И это при относительной малочисленности армии, к началу июня состоявшей лишь из 3-го, 19-го и 37-го армейских корпусов. Войска Плеве приостановили продвижение германцев в Прибалтике, что в сложившихся тяжелых условиях уже было немало. Ю. Н. Данилов писал: «С прибытием в Риго-Шавельский район генерала Плеве распространение немцев было действительно приостановлено; управление войсками упорядочилось...»^[133]

Неудачное развитие событий на Юго-Западном фронте (Горлицкий прорыв) наложило отпечаток на Северо-Западный. В рамках «Канн» (последняя попытка удара на Седлец) противник осуществлял удары на севере (Третье Праснышское сражение) и юге (июньское наступление А. фон Макензена), под «основание» польского выступа. Это основной план – план Верховного германского командования. В той или иной степени был сорван боевой работой русских войск в Третьем Праснышском, Томашевском и Красникском сражениях. Но параллельно с реализацией общего плана германское руководство Восточного фронта (П. Гинденбург и Э. Людендорф) проводило в жизнь собственный замысел – наступление силами 10-й германской армии в обход Ковно на Вильно и Минск.

Русское Верховное командование могло противопоставить этим замыслам: а) своевременный и организованный отход из Польши; б) достойную оборону оснований польского выступа; в) прочную оборону с элементами активности в Прибалтике.

Реализации последней задачи способствовали действия армии П. А. Плеве на Митаво-Шавельском направлении.

Командующий германской Неманской армией видел задачу своих войск в овладении Поневежем – Шавли, затем Митавой и в продвижении до линии Ковно – Двинск.

Целью же 5-й русской армии было прикрытие путей на Митаву и Двинск, защита Ковно с севера. Причем район Шавли являлся центральным опорным пунктом, прикрывающим все эти направления. Ю. Н. Данилов отмечал: «Верховное Главнокомандование возложило на эту армию задачу по укреплению с сухого пути подступов к Риге и к Двинску...»^[134]

Соотношение сил в Митаво-Шавельском сражении:

<p>Германцы Неманская армия — командующий генерал пехоты О. фон Белов</p>	<p>1-й, 39-й резервные, 1-й кавалерийский корпуса, кавалерийский корпус Шметтова, несколько групп (7,5 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий) — около 120 тыс. бойцов при 600-х орудиях.</p>
--	---

<p>Русские 5-я армия Северо- Западного фронта — командующий генерал от кавалерии П.А. Плеве</p>	<p>7-й Сибирский армейский, 19-й, 3-й и 37-й армейские корпуса, конные части (7,5 пехотных и 7,5 кавалерийских дивизий) — 128,5 тыс. человек (из них 20,9 тыс., т.е. 20% невооруженных) при 365 орудиях.</p>
--	--

Большой отпечаток на боевую силу 5-й армии накладывало то обстоятельство, что многие русские части были недовооружены. Например, сибирские стрелковые дивизии, прибыв в крайне потрепанном виде из Галиции, получили пополнения и еще не закончили обучения. Четвертые

батальоны в каждом полку не имели винтовок – 10,7 тыс. человек из их состава были не вооружены. В 19-м армейском корпусе также числилось 8,7 тыс. безоружных бойцов. Т. о., номинальное численное превосходство русских войск в пехоте превратилось в фактическое превосходство германцев.

Русское превосходство в кавалерии, тем более в условиях северо-запада, оказалось малосущественным. К тому же в составе группировки не было ни одного штаба конного корпуса, и в тех случаях, когда кавалерийские соединения действовали вместе, приходилось прибегать к импровизации.

Соответственно, германцы обладали общим превосходством в силах и подавляющим – в артиллерии.

Назрели проблемы с оснащением войск боеприпасами: указания главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии М. В. Алексева даже предписывали соответствующие тактические приемы. Таким образом, на стороне германцев было не только почти двойное превосходство в числе орудий, но и отсутствие затруднений в снабжении боеприпасами, что должно было иметь решающее значение.

Ко всему вышесказанному добавилась значительная протяженность фронта – до 250 км.

В сложившихся условиях главной задачей, стоявшей перед Плеве, было не допустить прорыва фронта, прикрывая важнейшее рижское направление.

Контуры германского плана – главный удар мощным левым флангом, вспомогательный – правым флангом и заслон в центре. На левом фланге была образована сильная ударная группа. Учитывая, что части 5-й армии на этом участке были значительно слабее, противник создал здесь превосходство над противостоящими русскими силами – двукратное в пехоте и еще большее в артиллерии. Этот «боевой кулак» должен был, пройдя Митаву, с севера окружить русские войска на шавельском направлении.

Недостаток сил и средств не позволял П. А. Плеве принять наступательный план действий и вырвать инициативу из рук противника – ему пришлось ограничиться обороной. Но генерал не мог отказаться от присущей ему активности. Будучи сторонником оперативного контрманевра, Плеве видел в нем не только меру противодействия воле врага, но и инструмент давления на него с целью заставить отказаться от удара в выгодном направлении. Такой план требовал сильного общего резерва в районе восточнее Шавли, а его не было. Район Шавли являлся

центральным опорным пунктом русской позиции, прикрывающим все операционные направления, его удержание имело первостепенное значение.

П. А. Плева стремился держать в своих руках все нити тактического управления войсками. Для него было присуще ограничивать оперативную свободу подчиненных начальников, самому вникать во все вопросы тактического руководства. С одной стороны, это происходило от недоверия к некоторым начальникам (заметим – зачастую весьма обоснованного), с другой стороны – от желания ни на секунду не выпускать нити управления и контроля из своих рук.

Спецификой проведения операции было отсутствие общего резерва у обоих противников – они стремились компенсировать этот недостаток повышенным маневрированием. Но для обороняющегося наличие резерва было еще более необходимым фактором, так как его отсутствие лишает возможности отразить удар противника.

Митаво-Шавельская операция проходила с 1 по 25 июля.

Противник атаковал Шавли 1-м резервным корпусом. Центральные корпус 5-й армии стойко оборонялись, под городом шли упорные бои.

Через три часа после германского наступления Плева разгадал главный замысел противника – что германцы стремятся овладеть именно Митавой, а в центре наносится отвлекающий удар.

Один из принципов русского командарма – на удар отвечать ударом. Действуя согласно своей концепции активной обороны, П. А. Плева решил нанести неприятелю фланговый удар со стороны Шавли силами 19-го армейского корпуса с приданными ему частями – в полосе правого берега р. Виндавы. Сильный удар в этом направлении не только мог остановить наступление германцев, но заставил бы их отойти назад, на левый берег реки. Но отсутствие в районе Шавли армейского резерва оказалось пагубным для этого грамотного шага русского командующего.

За время подготовки к этому маневру обстановка настолько изменилась, что полководец, почти никогда не отменявший своих решений, на этот раз поступил по-другому. Путем перегруппировки частей он создал две сильные группы (на правом фланге армии и в центре). Стремясь исправить главный недостаток развертывания армии – отсутствие резерва, – П. А. Плева приступил к сосредоточению 13-й сибирской стрелковой и 2-й кавалерийской дивизий за правым флангом 5-й армии.

Правильно оценив обстановку, командующий 5-й армией сосредоточил на самом опасном направлении (20-километровый район от Даменек до р. Водокста) достаточные силы. Мероприятия П. А. Плева замедлили

продвижение обходящего крыла немцев и усилили русские войска на опасном направлении. В частности, на угрожаемый участок перебрасывалась Уссурийская конная бригада (боевые качества и бригады, и ее командира генерал-майора А. М. Крымова П. А. Плевелю очень высоко ценил), форсировалась переброска 13-й сибирской стрелковой дивизии.

П. А. Плевелю увидел не только наступление на Митаву конницы и пехоты противника, но и то, что немцы стали обходить фланг 19-го армейского корпуса. Он решает две важнейшие задачи: 1) прочно прикрыть Митаву (усиливая митавское направление 13-й сибирской стрелковой и 15-й кавалерийской дивизиями) и 2) обеспечить удержание за собой г. Шавли (усилив 19-й армейский корпус 4-й Донской казачьей дивизией, 1-й кавказской стрелковой бригадой и частями 73-й и 79-й пехотных дивизий).

За первые два дня сражения германцы продвинулись на 8—65 км, причем русские не только не были разбиты, но на митавском направлении значительно усилились.

4 июля особенно активно действовал левый фланг Неманской армии. Германцы вели наступление в направлении на Туккум и Альт-Ауц.

Решающий удар германской конницы оказался нереализованным.

Гораздо более тяжелым для русских было положение на фронте 7-го Сибирского армейского корпуса. Когда началась артиллерийская подготовка немцев, стрелки не выдержали ураганного огня, начав покидать окопы, в строю осталось не более 50 % личного состава. Для того чтобы упорядочить отход корпуса и привести его в порядок, необходимо было начать немедленное отступление, не дожидаясь германской атаки. Командование корпуса так и поступило, тем самым вынудив начать отход и соседей – Уссурийскую конную бригаду и 15-ю кавалерийскую дивизию.

В этой ситуации П. А. Плевелю приказал 19-му армейскому корпусу с приданными частями немедленно перейти в наступление с целью отвлечь на себя часть сил противника, атакующих 7-й Сибирский армейский корпус. Главный удар – на Окмяны – выполняла 1-я кавказская стрелковая бригада, и ее натиск вначале был успешен (она захватила 7 пулеметов и 500 пленных с 9 офицерами), но дальнейшие успехи были остановлены сильным огнем и прибытием германских резервов. Но 6-я резервная дивизия немцев была отброшена. Э. Людендорф следующим образом прокомментировал это обстоятельство: «В направлении на Окмяны русские нанесли удар наступавшей в центре 6-й резервной дивизии и принудили ее отойти назад. Но мы настолько угрожали правому флангу русских, что они не смогли использовать одержанный ими успех... пехотные дивизии левого крыла уже нанесли удар русским у Ауца, но ввиду событий в 6-й резервной

дивизии дали себя отвлечь на юг. Вследствие этого действенность охвата значительно уменьшилась»^[135].

Нажим с юга вынудил русских прекратить атаки и начать отход.

Обозначился обход русских корпусов и северной группой противника. Группа разделилась на две части – против Митавы был оставлен заслон в составе Либавского отряда и 41-й пехотной дивизии, а для наступления в тыл шавельской группы двигались кавалерийский корпус Шметтова, 78-я и 6-я резервные дивизии. К этому времени русский фронт был разорван в двух местах – между Туккумом и Доблен (шириной до 40 км) и между 7-м Сибирским стрелковым и 19-м армейским корпусами (шириной до 20 км).

Командующий 5-й армией обратился к руководству фронта с просьбой о подкреплении, но в это время армии Северо-Западного фронта вели тяжелые бои на р. Нареве и в р-не Люблина, где были сосредоточены все резервы фронта. Ставка нашла возможным перебросить на усиление армии 1-ю кавалерийскую и 104-ю пехотную дивизии. Т. е. конницу и дивизию из ополченцев (силой в 12 батальонов) и без артиллерии. Впрочем, и это усиление осталось на бумаге.

5 июля П. А. Плева решил отвести части 7-го Сибирского армейского корпуса на Митавскую укрепленную позицию. В этот день 3-я кавалерийская бригада противника овладела г. Туккумом, 8-я кавалерийская дивизия и 18-я кавалерийская бригада овладели Добленом, но далее продвинуться не смогли вследствие сопротивления 15-й русской кавалерийской дивизии. Кавалерийский корпус Шметтова вел упорный бой с 4-й русской кавалерийской дивизией и Уссурийской конной бригадой в районе Ауцгофа.

Под напором превосходящих сил врага правофланговые соединения 5-й армии отходили в восточном направлении. К концу дня армия оказалась разделенной на две боевые группы: северную и южную, между которыми был разрыв фронта шириной до 50 км – он явился следствием наступления левого фланга Неманской армии.

Посредством мероприятий русского командования (формирование отряда в составе 2-й, 4-й кавалерийских дивизий и Уссурийской конной бригады) разрыв был уменьшен до 30–35 км, но и он представлял серьезную опасность для русской армии.

6 июля отряд, оборонявший стык, завязал бои с противником. Превосходство сил германцев заставило П. А. Плева направить на поддержку отряда 15-ю кавалерийскую дивизию, причем она была нацелена для флангового удара. Но противник, вовремя обнаружив опасность, вынудил ее принять бой в районе Грюнгоф. Русские

продержались до вечера, после чего отошли на 7–8 км к р. Швед.

В первые 6 дней операции, придавая большое значение району Шавли, русские в нем оказывали наибольшее сопротивление, германцы же наибольшие усилия вложили в наступление на Митаву – своим ударным левым флангом. Недоформированность и слабые морально-боевые качества «сырых» дивизий 7-го Сибирского армейского корпуса значительно облегчили противнику действия на митавском направлении.

Недооценив своего противника, О. фон Белов в течение 6 дней не смог продвинуться к Митаве, при том что такое продвижение под угрозой флангового охвата заставило бы отойти и шавельскую группировку русских.

В противоположность О. фон Белову П. А. Плевелю не хотел выпускать из своих рук нити тактического управления – сражение показало умение генерала руководить боем в быстро меняющейся оперативной обстановке, высветив не только его качества как тактика, но и проиллюстрировав боевую интуицию. Он производил перегруппировки в связи с изменением обстановки, и перемещаемые им части своевременно располагались на пути наступления противника и тормозили его. Широкий фронт армии, не отвечающий ее силам, не позволял П. А. Плевелю ограничиваться только такими перемещениями, ему пришлось ввести в бой обе сибирские дивизии, хотя они и не были готовы для боевых действий. Форсированная переброска дивизий окончательно их подорвала – к неоконченному обучению и плохой тренировке присоединилась физическая усталость. Именно это и привело к преждевременному оставлению ими окопов, до атаки противника. Слабость сформированного на поле сражения 7-го Сибирского армейского корпуса не позволила командующему армией задержать германцев на своем правом фланге, и он принял смелое решение – допустить разрыв фронта армии, но спасти 7-й Сибирский армейский корпус от окончательного разложения.

На втором этапе сражения германцы планировали окружить центральные дивизии русских движением северной и южной «клевшей» боевого построения Неманской армии – О. фон Белов задумал очередные «Канны». Особое место отводилось разрыву между русскими войсковыми группами – вторжение в него окончательно разрезало русскую армию и южную группу 5-й армии отбрасывало на Ковно, предоставляя возможность продолжить операцию в направлении на Двинск или Вильно.

Но П. А. Плевелю был далек от того, чтобы подчиниться воле противника, он стремился не только противодействовать противнику, но и сломить волю О. фон Белова. Помешать маневру немцев можно было

ударом со стороны Митава (но 7-й Сибирский армейский корпус только что потерпел поражение) или ударом со стороны Ковно (но части гарнизона крепости уже были втянуты в бой на левом берегу Немана). Ситуацию усугубляло уже упомянутое отсутствие резерва в руках командующего 5-й армией.

П. А. Плева принимает решение переехать со штабом армии в Поневеж – ближе к фронту.

7 июля бой развернулся на линии Узинген – Гемауертгоф – Клейн Беркен, в полосе левого берега р. Швед. Русская конница проявила упорство и к вечеру отошла на 5–8 км к р. Платон на участок Гро с Платон – Клейн Бланкенфельд, продолжая прикрывать шоссе Митава – Янишки. Угроза тылу заставила части 19-го армейского корпуса медленно отходить.

7 июля южная группа германцев, действуя встык между 5-й и 10-й русскими армиями, форсировала р. Дубиссу – 36-я резервная дивизия оттеснила русскую 5-ю кавалерийскую дивизию, сильный удар был направлен на войска 37-го армейского корпуса. Маневр двойного охвата начал осуществляться.

В ночь на 8 июля П. А. Плева выехал в Поневеж, где изучал донесения о германском наступлении. Оценив создавшуюся обстановку, он принял решение о немедленном отходе всей южной группы 5-й армии.

Приказ предписывал:

1) 19-му армейскому корпусу продолжать отход к линии Гайлянишки – Гакины, оставив арьергарды на линии Линково – Покрое – Каменка; 2) 3-му армейскому корпусу очистить Шавли и отойти на линию Гакины – Покальнишки, оставив арьергарды на линии Каменка – Вайдзюляны;

3) 37-му армейскому корпусу отходить через Бейсагола и оставить арьергарды на линии Вайдзюляны – Войлайне;

4) отряду Казнакова прикрывать левый фланг армии; 5) отход закончить к утру 9 июля для занятия «более выгодного исходного положения»^[136].

Контрманевр своей главной задачей имел стремление оторваться от противника, вывести войска из-под ударов и укрепиться на более коротком фронте. Аналогичное решение, приведшее впоследствии к оперативному успеху, было принято П. А. Плева в период Галицийской битвы 1914 г.

Прикрываясь конницей, русские корпуса с боем отходили.

На центральном участке 1-й резервный корпус при содействии Баварской кавалерийской дивизии атаковал 3-й армейский корпус, который успешно выдерживал натиск германцев. Но, выполняя приказ, он отошел, и 8 июля Неманская армия овладела Шавли.

На южном участке под натиском 36-й резервной дивизии 5-я кавалерийская дивизия отошла за р. Шушва к линии Войлайне – Мильвиды. Части 37-го армейского корпуса были атакованы 80-й резервной дивизией с фронта с обходом левого фланга, а части 36-й резервной дивизии вышли ему в тыл. С большими потерями корпус отошел на линию Пожабрже – Олекнайцы.

О. фон Белов начинает форсировать операцию на окружение, решив замкнуть кольцо восточнее Щадова.

9 июля русские арьергарды сдерживали наседавшего противника. На центральном участке 1-я резервная дивизия успела захватить до 3 тыс. пленных из состава 3-го армейского корпуса. К вечеру части корпуса остановились на линии Дулькишки – Веришки.

На южном участке 25-я кавалерийская бригада 3-й германской кавалерийской дивизии и 80-я резервная дивизия продолжали преследование 37-го армейского корпуса (остановился на линии Вайдзюляны – Волотканцы). 36-я резервная дивизия стремилась обойти левый фланг корпуса, но была у Михельмонд задержана 5-й русской кавалерийской дивизией, усиленной полком 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Борьба развернулась за обладание г. Поневежем – щитом на пути к Вильно и Двинску.

10 июля с целью воспрепятствовать наступлению противника на Поневеж командующий 5-й армией бросил кавалерийские части в обход фланга 41-й германской пехотной дивизии. Русские войска вели бои, призванные задержать продвижение противника (особенно отличилась Уссурийская конная бригада).

Части 37-го русского армейского корпуса на линии Роканы – Мозги вели упорный бой с частями 80-й и 36-й резервных дивизий. Баварская кавалерийская дивизия попыталась захватить Кракинов, но была отбита 5-й русской кавалерийской дивизией.

На втором этапе сражения, разгадав замысел двойного охвата со стороны врага, П. А. Плеве вовремя вывел войска из намечавшегося котла – соответствующий приказ был им отдан 8 июля. Интуиция и чуткость к изменению обстановки вновь не подвели генерала – решение было принято вовремя.

За три дня боя Неманская германская армия захватила 15 орудий, 8 пулеметов, 44 зарядных ящика и свыше 7 тыс. пленных, но достигнутый тактический успех не привел к желаемому оперативному результату. Тем не менее мощь 5-й армии была существенно подорвана – за второй период

сражения она потеряла не менее 25 тыс. человек (свыше 30 % состава).

На третьем этапе сражения германцы решили обойти левый фланг русской армии через Кракинов. Для реализации этого маневра противник направил 12 батальонов, 24 эскадрона, 94 орудия (противодействовавший отряд генерал-лейтенанта Н. Н. Казнакова насчитывал 30 эскадронов при 18 орудиях). П. А. Плевел решил контратаковать, но боеспособность войск была подорвана длительным боем и постоянным отходом.

11 июля 80-я резервная дивизия сбива руский арьергард и переправилась через р. Невяжу, 36-я резервная дивизия при содействии Баварской кавалерийской дивизии отбросила отряд Казнакова, заставив его отойти к р. Упита, на участок Папишки – Ремигола. 78-я резервная дивизия овладела мест. Пушолаты, также сбив руский арьергард.

П. А. Плевел для противодействия противнику решил применить новую тактику – оставлять на позиции минимум в ойск, а главные силы располагать в резерве для нанесения контрударов.

Но преодолеть инерцию отступления даже такой активный военачальник не смог.

12 июля 36-я резервная дивизия сбива с позиций 5-ю русскую кавалерийскую дивизию, перешла р. Упита и, оставив против нее заслон, двинулась в полосе левого берега Иода на Поневеж. 36-я и 80-я резервные дивизии с фронта и тыла нанесли удары 37-му армейскому корпусу – последний начал незапланированный отход. Части корпуса смогли остановиться только на линии Максвинтышки – Бурбекле, пройдя более 45 км.

Овладев 12 июля Поневежем, Неманская армия обошла левое крыло 5-й армии – 80-я резервная дивизия захватила мост через Невяжу, т. е. стала угрожать коммуникациям 3-го армейского корпуса, левый фланг которого стал подвергаться артиллерийскому огню с тыла. Части корпуса начали отход, отбивая натиск преследовавшей их 1-й резервной дивизии и 25-й кавалерийской бригады.

Обход левого фланга русских решил участь всего сражения.

37-й армейский корпус потерпел поражение, но удалось предотвратить катастрофу 3-го армейского корпуса.

Германцы не смогли использовать свой успех – на следующий день П. А. Плевел отвел армию на полтора перехода, чтобы спокойно привести в порядок пострадавшие части. Одержанная противником с такими усилиями оперативная победа осталась неиспользованной, и через неделю южная группа 5-й русской армии настолько оправилась, что сама перешла в наступление (сражение у Купишки).

На третьем этапе операции германцы пытались осуществить комбинированный удар – фронтальное наступление с обходом левого русского фланга. Обход оказался успешным, но достигнутая победа дала немцам только выигрыш пространства и занятие важного стратегического пункта. Отсутствие преследования значительно понизило достигнутый успех.

Русское командование из-за отсутствия резерва не смогло парировать обходной маневр противника. Вместе с тем решение П. А. Плева отойти назад на 1,5–2 перехода, оставив на месте всю конницу как завесу, было совершенно правильным – только вывод из-под ударов противника позволяет восстановить порядок и боеспособность в потерпевших неудачу частях.

25 июля немцы заняли Митава (хотя пока не окончательно), оккупировав, таким образом, почти всю Курляндию. Армия Плева отступила к Западной Двине, на Ригу, Якобштадт и Двинск, прикрываясь конницей. Участник боев ротмистр лейб-гвардии Кирасирского его величества полка Г. А. Гоштовт 21 июля записал: «Штаб 5-й армии приказал конному корпусу генерала Казнакова прикрыть с юго-востока отход пехоты»^[137].

В результате Митаво-Шавельского сражения, отличавшегося борьбой на широком фронте (армия – 250 км, корпус – 50 км, дивизия – от 20 до 25 км), немцам удалось захватить обширную территорию и оттеснить русскую 5-ю армию к Западной Двине. Германцы приобрели в Прибалтике район для развертывания в перспективе операций стратегического масштаба.

В ходе операции русское командование маневрировало силами и средствами, наносило контрудары (Митава, например, не раз переходила из рук в руки, бои за город шли 10 дней), однако перевес сил решил дело в пользу немцев.

Но территориальные успехи противника не скрыли его главного проигрыша: попытка путем двойного охвата обойти и уничтожить 5-ю армию не удалась. В условиях начавшейся осуществляться операции на окружение, разгадав замысел врага, Плева вовремя вывел войска из намечавшегося котла – соответствующий приказ был им отдан 8 июля.

Павел Адамович разгадал замысел противника и сделал все возможное при сложившейся оперативной обстановке и наличных силах и средствах. Он предпочел сохранить войска, а не территорию (напрашивается аналогия с действиями командования 3-й армии да и всего Юго-Западного фронта во время Горлицкого прорыва, когда вместо своевременного отхода русские

войска цеплялись за территорию и несли большие потери под таранными ударами Макензена).

Так, Г. К. Корольков справедливо отмечал: «В этом решении Плеве идет против требований Ставки – удерживать каждый аршин земли до последней крайности (это привело ко многим излишним потерям без всякой пользы для дела) и этим показывает правильное понимание маневра. Для него разрыв фронта менее страшен, чем напрасная потеря живой силы, он видел, что всякий разрыв может быть исправлен соответствующим маневром»^[138]. Ограниченность сил и средств, не позволившая Плеве вести наступательные действия, не помешала ему вести активную оборону. Г. К. Корольков так говорил об этом: «...он не мог отказаться от активности... контрманевр является не только противодействием воле противника, но выражает стремление оказать на нее давление и заставить его отказаться от удара»^[139]. Активная оборона была во всех отношениях предпочтительнее: «...германцы одновременно вели против русских два главных удара. Один удар на Шавельском направлении... встретил активное сопротивление, и сражение продолжалось 12 дней. Другой удар на Праснышском направлении (Третье Праснышское сражение 30 июня – 5 июля 1915 г. – А.О.) был встречен пассивным сопротивлением, и сражение продолжалось 5 дней. В обоих случаях состояние и материальное снабжение русских войск были одинаковы, но при активном сопротивлении русская армия боролась двенадцать дней и пострадала меньше, чем при пассивном сопротивлении, продолжавшемся 5 дней»^[140].

И. И. Ростунов также отметил крах очередных, на этот раз прибалтийских «Канн» германцев: «Имелось в виду сомкнуть кольцо окружения восточнее Щадова, применив излюбленный прием шлиффеновской доктрины. С утра 8 июля немцы начали маневр двойного охвата. Плеве, весьма здраво оценив обстановку, разгадал этот замысел. Он отдал приказ о немедленном отходе, чтобы вывести войска из-под ударов врага»^[141].

Действия 5-й армии Плеве в Прибалтике были тесно связаны с операциями других наших войск на северо-западном направлении.

Русское командование планировало, сосредоточив у Вильно – Ковно ударный кулак, провести контрнаступление во фланг наступающим немцам. Однако противник опередил, и 10-я германская армия генерал-полковника Г. фон Эйхгорна 26 июля перешла в наступление. Главный удар она нанесла 40-м резервным и 21-м армейским корпусами на участке 34-го

русского армейского корпуса у Ковенской крепости. Штурм этих укреплений начался 28 июля. Первый натиск удалось отбить. Но в результате прежде всего недостаточного взаимодействия обороняющихся с полевыми войсками 3 августа линия фортов была прорвана. Ситуация усугубилась позорным бегством коменданта крепости. Потеря управления привела к неэффективности разрозненных русских контратак. 5 августа Ковно пришлось оставить. Удары немецких 8-й и 10-й армий были дополнены атаками 9-й армии и армейской группы генерала пехоты Р. фон Войрша. В результате 9 августа, оставив Осовец, наши войска ушли с линии реки Бобр.

Эти события на фронте других армий Северо-Западного фронта повлияли и на обстановку на фронте 5-й армии. С момента падения крепости Ковно и форсирования реки Неман путь на Вильно и Двинск оказался для врага открытым.

Германское командование намечало нанести главный удар в направлении севернее Вильно, стремясь окружить находящиеся в его районе русские войска. 10-я германская армия должна была левым флангом (11-й резервный корпус) наступать на Вильно, центром (21-й армейский корпус) – форсировать Неман и правым флангом (группа ландверных дивизий) – на Гродно. Севернее ее планировалось наступление кавалерийской группы. Этому наступлению содействовали Неманская армия слева и 8-я армия справа. Непосредственно перед фронтом 5-й армии Плеве стояла армейская группа Лауэнштейна (из состава Неманской армии) из четырех пехотных и двух кавалерийских дивизий с задачей двигаться на Двинск, нанося главный удар правым флангом.

5-я армия П. А. Плеве прикрывала двинское направление в составе 19-го и 3-го армейских корпусов. На правом фланге армии располагался конный отряд Граббе (две кавалерийские дивизии с полком пехоты), на левом – такой же конный отряд Казнакова, а между ними по железной дороге Поневеж – Двинск – 19-й и 3-й армейские корпуса. Всего в армии было пять пехотных и столько же кавалерийских дивизий, но значительно ослабленных предыдущими боями (всего около 54 тыс. человек).

27 августа германские войска перешли в наступление. Главный удар они нанесли в стык между 5-й армией Северного фронта и 10-й армией Западного фронта^[142], создав для этого «ударный кулак» из 10-й пехотной и 4-й кавалерийской дивизий. Присутствие там лишь русской кавалерийской завесы значительно облегчало немцам задачу. 28 августа 10-я армия противника прорвала фронт у Новосвенцяи – между Вильно и Двинском, чтобы потом всей массой своей кавалерии нанести удар по тылам армий

Западного фронта. Как писал Г. А. Гоштовт: «29.VIII германские войска весь день сжимали стальными клещами правый фланг 5-й и левый 10-й армии, отрывая их все дальше и дальше друг от друга»^[143]. Между ними образовался 50-километровый разрыв, и 10-я германская армия двинулась на Вильно – Сморгонь. Неманская армия наступала на Двинск с целью отбросить русские войска на Западную Двину и этим обеспечить 10-ю армию с севера. Германская кавалерия под командованием фон Гарнье (пять кавалерийских дивизий) должна была прорваться встык между 5-й и 10-й русскими армиями, прикрытый конницей, и ударить в тыл русским армиям с задачей выйти к железным дорогам Полоцк – Молодечно и Орша – Минск.

3 сентября пал г. Вильно, и германская кавалерийская группа, прорвав русские позиции, вышла в тыл 10-й армии Западного фронта. Ударная группа фон Гарнье осуществила Свенцянский прорыв – последнюю маневренную операцию Первой мировой войны на Восточном фронте – в тыл русских армий Западного фронта. Свенцянский прорыв мобильных соединений немцев ставил своей главной задачей разгром тылов фронта, вывод из строя стратегической Минской железной дороги. Ситуация усугублялась наличием у немцев в ударной группе тяжелых гаубиц (8-дюймового калибра). Противник сумел продвинуться к Борисову и перерезать железнодорожную линию Минск – Смоленск.

Впоследствии энергичными действиями русских войск прорыв удалось локализовать и закрыть, в чем большую роль сыграла деятельность Плеве по смыканию левого фланга 5-й армии с правым флангом 10-й в рамках ликвидации Свенцянского прорыва. Уже к концу первых суток германского наступления П. А. Плеве, «поняв опасность прорыва немцев к линии Свенцяны – Двинск... пытается локализовать эти действия немцев соответствующим применением своей стратегической кавалерии»^[144]. Именно кавалерия 5-й армии (части Казнакова) закрыла Свенцянский прорыв.

В ситуации выхода противника на коммуникации своих войск Плеве отвел левое крыло армии на Северную Двину, где в конце августа в районе Двинска остановил немецкое наступление.

Образуется знаменитый «Двинский фронт». Дело в том, что с падением крепости Ковно, где имелись огромные склады с оружием, амуницией и продовольствием, именно Двинск стал важным стратегическим центром обороны русских войск на северном фланге Русского фронта. Первоначальная обстановка в районе этого города была

крайне тяжелой. Германские части вышли на подступы к городу и пытались взять его с ходу. Малочисленность и усталость войск 5-й армии на растянутом фронте создавали дополнительные проблемы.

П. А. Плевэ 6 сентября докладывал главнокомандующему армиями Северного фронта Н. В. Рузскому: «Доношу Вам, что по занятии войсками Двинского района новых позиций после отхода их вчера, 06.09, позиции эти оказываются слишком растянутыми, общая линия, за включением озер, не менее 50 верст, она занята войсками в числе около 35 000 штыков, не считая 3000 ополченцев. В моем резерве только два батальона Тенгинского полка, усиливаю его батальонами Кабардинского полка, которым, однако, нужно пройти около 35 верст. Плевэ»^[145].

По Двинску и его окраинам непрерывно работала немецкая артиллерия. Осуществлялась эвакуация учреждений и предприятий, шел массовый исход местных жителей, в панике оставлявших жилье и имущество. Обозы и тыловые учреждения 5-й армии размещались за Двинском, город подвергался бомбардировке германских самолетов. Очевидец первого немецкого налета писал: «С неба слышались взрывы: Двинск пережил первый воздушный налет. Самолет летел на очень большой высоте, делая круги над городом. Бомбы падали на Петербургский вокзал, на крепость... Во время первого налета немецкий самолет сбросил бомбу, которая упала как раз в середине базарной площади. Паника и крики, которые последовали за этим, закладывали уши. Вокруг бегали полицейские и санитары с носилками. В результате погибло пять человек, еще сорок было ранено. Тех, кто упал в обморок от страха, было бесчисленное множество»^[146].

Германские аэропланы постоянно появлялись в небе города, причем воздушные удары наносились не только по военным, но и по гражданским объектам. Главной задачей немецких летчиков было посеять среди людей панику и лишить войска возможности сопротивляться. Более того, участь города была предрешена и русскими властями – иллюстрацией этому служит строительство железнодорожной ветки в обход Двинска (должна была соединить Рижскую и Варшавскую железные дороги).

Тем, кто был тогда рядом с Плевэ, запомнились его фраза «Пока я в Двинске, ни шагу назад», твердость и непоколебимость в принятии решений по обороне города. Более того, в результате его активных действий произошел перелом в психологии защитников города и жителей. Постепенно под Двинском была создана глубокоэшелонированная оборона, одна из самых мощных на всем Русском фронте. Офицер 1-го Сумского

гусарского полка В. Литтауэр увидел эти укрепленные позиции, когда в составе кавалерийского подразделения пришел сменить отводимую на отдых пехоту: «Траншеи, построенные пехотинцами, были глубокими, с большими блиндажами. В траншеях были установлены артиллерийские орудия. Непосредственно за нами располагалось тридцать два полевых орудия, а дальше тяжелая артиллерия. Полевые орудия должны были открыть огонь сразу после телефонного звонка командира нашего полка с просьбой о помощи. Если бы этого оказалось недостаточно, то в ход пошла бы тяжелая артиллерия. До этого у нас никогда не было столь мощной поддержки»^[147].

Последний этап Виленского сражения – наступление 10-й германской армии 10–18 сентября. Немцы отбиты, причем отступление их носило беспорядочный характер, сопровождающийся потерей пленных и военного имущества.

В октябре русские войска на Двинском фронте перешли в контр наступление. Начальник штаба 5-й армии генерал-лейтенант Е. К. Миллер писал генерал-квартирмейстеру Северного фронта: «Завтра, 18 октября, части Двинской группы V армии, а также 4-й и 14-й корпуса перейдут в наступление с целью разбить противника, расположенного перед Двинской укрепленной позицией, и отбросить его от Двинска. Для главного удара в направлении между озерами Свентен и Ильзен назначаются 21-й корпус в полном составе, два полка 53-й пехотной дивизии и 1-я кавалерийская дивизия; артиллерия для подготовки атаки – 80 легких, 23 тяжелых орудия и 10 гаубиц – установлена...»^[148] Телеграмма начальника штаба 1-й армии генерал-лейтенанта И. З. Одишелидзе от 17 октября содержала следующие строки: «Генерал Плеве считает, что успех наступления завтра, 18 октября, во многом зависит от решительности наступления войск... во фланг и, по возможности, в тыл немцам, стоящим против Двинской позиции»^[149].

Приказ Павла Адамовича командирам корпусов 5-й армии гласил: «Приказываю: завтра, 23 октября, Двинской группе V армии... продолжать выполнение поставленных им задач. Ожидаю от войск полного напряжения энергии для того, чтобы развить завтра достигнутый успех и окончательно сломить сопротивление упорного, но уже сильно поколебленного врага»^[150].

М. Д. Бонч-Бруевич так оценил действия П. А. Плеве в двинской операции: «...германские войска, прорвав фронт, поставили под угрозу двинский плацдарм. Весь штаб 5-й армии, которой командовал Плеве, в один голос настаивал на оставлении Двинска и всего плацдарма. Но

непоколебимая воля Плевел взяла верх. Двинск остался у нас, а германское наступление было отбито с большими потерями для неприятеля»^[151].

Остановку германского наступления в Курляндии, успехи в боях под Двинском и в действиях 10–18 сентября П. А. Плевел мог смело зачислить в свой актив.

На повестке дня даже стоял вопрос о выделении армии П. А. Плевел из состава фронта с подчинением непосредственно Верховному главнокомандующему^[152], исходя как из важности направления, так и из личности командарма. Однако такое решение не было принято, так как образование этого объединения могло идти лишь за счет Западного фронта в связи с эвакуацией из Польши русских войск (ею руководил начальник штаба Ставки М. В. Алексеев) и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич своим вмешательством «опасался стеснить свободу его действий». И это при том, что русское Верховное командование видело огромное оперативное значение Риги-Шавельского района, который «приобретает первенствующее значение при данных условиях обстановки...»^[153]

Относительно боев под Двинском официальная точка зрения русского командования была следующей: «Весь сентябрь прошел под Двинском почти в непрерывных боях. Дравшимся здесь нашим войскам при помощи удачного маневрирования удалось отстоять Двинские позиции, несмотря на сосредоточение перед ними больших сил германцев, получивших задачу взять город во что бы то ни стало... В неоднократных в течение ноября и декабря боевых столкновениях на Двинских позициях немцам ни разу не удалось добиться существенного успеха»^[154].

Германское командование также отдало должное русскому полководцу, стоявшему во главе 5-й армии, оценивая его действия как «искусные» и «активные». Э. Людендорф в начале Митаво-Шавельской операции отметил искусный удар на Окмяны, вынудивший отступить германскую 6-ю резервную дивизию, долгие и ожесточенные бои за предместные укрепления Двинска и Якобштадта^[155]. М. Гофман также подтвердил «энергичную оборону» русских в Митаво-Шавельской операции^[156]. А Э. Фалькенгайн констатировал: «После достигнутого в начале июня успеха у Россиен на реке Дубиссе... [мы] рассчитывали на большее»^[157].

Германское командование оценило значение удержания нашими войсками Двинска на фоне Виленской операции и сочло «необходимым усилить левое крыло 10-й армии, с одной стороны, для того, чтобы придать более размаха предполагаемому удару этого крыла в юго-западном

направлении, и с другой, чтобы располагать более сильными резервами на случай неприятельского перехода в контрнаступление со стороны Двинска»^[158]. Важен был и сковывающий эффект двинской позиции. По словам Э. Фалькенгайна: «Снятие дальнейших сил в настоящее время невозможно. Даже по отбитии атаки оно может последовать лишь тогда, когда по взятии Сморгони и предмостного укрепления у Двинска достигнуто будет сокращение фронта»^[159].

Это при том, что в руках П. А. Плеве оказался не совсем доброкачественный инструментарий для реализации его оперативных замыслов – ополченческие части и сибирские (уже и не сибирские по составу) дивизии были далеки от совершенства, не хватало оружия и боеприпасов.

Отечественные военные историки также отдали должное действиям командования 5-й армии в Прибалтике. И. И. Ростунов отмечал, что русское командование, «находясь в невыгодных условиях, сумело противопоставить врагу способ борьбы, приведший к срыву его намерений. Только генерал Плеве, которого Ставка считала одним из лучших командующих армиями, в Риги-Шавельской операции проявил удивительную настойчивость и требовательность»^[160]. Г. К. Корольков, говоря об отходе 5-й армии в июле – августе 1915 г., подчеркивает: это «показывает гражданское мужество Плеве, так как мало было генералов, способных принять решение, идущее вразрез с требованиями Ставки “ни шагу назад”»^[161].

Обращает на себя внимание быстрота, с которой Плеве оценивал обстановку и принимал решения, что особенно важно при парировании ударов противника. Так, чтобы проанализировать донесения подчиненных, прийти к верному заключению о главном ударе немцев в первый день сражения под Шавли и принять адекватные меры, генералу понадобилось всего три часа. Г. К. Корольков замечает: это «вполне выявляет его умение руководить боем... Такая быстрая ориентировка в изменениях обстановки могла быть достигнута только при хорошо поставленной службе донесений и связи. В этом отношении Плеве проявлял удивительную настойчивость и требовательность»^[162].

Маневр, бесперебойная связь, эффективные перегруппировки войск в связи с изменением обстановки – вот узловые элементы полководческого искусства генерала П. А. Плеве.

Даже отступая, войска 5-й армии, отходя с рубежа на рубеж, на отдельных участках осуществляли короткие, но энергичные контратаки.

Контратака – также излюбленный боевой прием П. А. Плеве. Грамотный анализ обстановки, спокойствие и рассудительность, своевременная распорядительность – именно эти качества командующего 5-й русской армией позволили ему противодействовать сильному противнику, попытаться сломить его волю, а в итоге сохранить главные силы армии и вывести их из-под фланговых ударов превосходящих сил врага.

Однако следует отметить, что на заключительной стадии Виленской операции, после того как Плеве вынудил неприятеля к отступлению, вновь принявший командование Северным фронтом Н. В. Рузский не дал возможности Павлу Адамовичу организовать преследование врага.

Особенно впечатляют стойкость и решительность генерала при сохранении Двинска и двинского плацдарма: как истинный военачальник, он руководствовался стратегическими соображениями и работал на перспективу – этот район требовалось сохранить в расчете на будущее наступление. Имея разрешение руководства оставить плацдарм и почти не имея резервов, удержался.

В тактическом плане заметно умение командарма оперировать на флангах противника: удержать плацдарм на левом берегу реки у Двинска Плеве смог, действуя на флангах Неманской и 10-й германской армий.

Следует упомянуть и о таланте Плеве-руководителя.

Прослужив долгое время в строю и отлично зная солдатскую массу, он приложил все силы для поднятия боевого духа в войсках, особенно в кризисные моменты. Эту цель преследовали речи Павла Адамовича перед прибывающими в Двинск резервами, использование военной музыки. В. Литтауэр упоминает даже проводившийся в Двинске парад, участником которого он являлся и который принимал командующий 5-й армией^[163].

Не пустив германцев в Двинск, Плеве во многом предотвратил возможное неблагоприятное развитие оперативной обстановки на русском театре военных действий, заложив фундамент для последующих операций. Двинский фронт в конфигурации, созданной Плеве, продержался 2,5 года – до начала 1918 г.

6 декабря 1915 г. П. А. Плеве сменил вновь заболевшего Н. В. Рузского на посту главнокомандующего армиями Северного фронта. Офицер управления генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандующего штабс-капитан М. К. Лемке писал: «Указ и рескрипт Рузскому подписаны 6 декабря и посланы ему 7-го с фельдъегерем. Плеве едет в Псков... и ночью будет там»^[164].

В новой должности генерал начал готовить войска фронта к

предстоящей кампании 1916 г., а также наводить порядок в прифронтовых тылах. Последнее обстоятельство, учитывая близость фронта к столице, было весьма актуально.

Уже 8 декабря Плеве писал начальнику штаба, что «двойственную роль играют предприятия, организованные немцами в России под видом “русских акционерных обществ”. Среди них особенно выделились своей вредной во всех отношениях деятельностью общества по эксплуатации электричества. Русское общество “Сименс и Гальске”, русское общество “Сименс – Шукерт”, “Русское общество всеобщей компании электричества”, “Русское электрическое общество 1886 г.”, “Русское общество соединенных кабельных заводов”». Генерал обратил внимание на борьбу с экономическим шпионажем и саботажем – абсолютно новое явление для отечественной контрразведки.

Учитывая ситуацию, сложившуюся в деле укомплектования фронтовых частей офицерскими кадрами, немаловажное значение имело и другое мероприятие командования Северного фронта – П. А. Плеве лично принимал «меры для отправки выздоравливавших офицеров в строй и в штабы на замену здоровых, которым место в строю»^[165].

Прекрасно понимая значение связи и коммуникаций в современной войне, новый командующий фронтом не обошел своим вниманием и эту сферу деятельности – 12 января 1916 г. П. А. Плеве отстранил от занимаемой должности генерал-майора Д. П. Струкова, председателя петроградской военно-цензурной комиссии.

15 января Павел Адамович писал начальнику штаба, что за 18 месяцев войны петроградская военно-цензурная комиссия пришла «в совершенно неудовлетворительное состояние; работа производится спустя рукава; выем внутренних почтовых отправок и телеграмм не производился; письма до востребования не вскрывались; вообще надзор за корреспонденцией почти отсутствует; линия датского кабеля, принадлежащая Северной телеграфной компании, без надзора, часто прерывалась, так как ею пользовались немецкие агенты...»^[166]

Особое внимание он призывал обратить на Финляндию – территорию, являющуюся наиболее благодатной для деятельности германской агентуры.

В данный период Павел Адамович проявил себя и как дальновидный государственный деятель. 30 января 1916 г. он указывал, что соображения начальника штаба о необходимости крайне бережно относиться к финансовым ресурсам государства им уже поданы вышестоящему начальству: «Я отчетливо вижу глубокое уже сознание ближайшими

сотрудниками важности высказанных вами соображений, постоянно сопровождаемое настойчивым с их стороны требованием осуществления всеми подведомственными им чинами и учреждениями разумной бережливости. На соблюдение строгой бережливости в расходовании средств учреждениями многочисленных инженерных организаций общественных и гражданских ведомств обращено особое внимание... при исполнении работ, признанных неотложными, многие отдельные части их, без особого ущерба обеспеченности успеха нашего, могли бы быть выключены из заданий инженерным строительством и отнесены к делу самих войск... Полагаю уместным строго пресечь... все те работы по укреплению позиций, которые не требуют для осуществления своего столько времени, труда и искусства, что могли бы оказаться для самих войск непосильными. Полагаю также, что весьма существенного сокращения расходов действующей армии можно было бы достигнуть, включив разрастающуюся деятельность всевозможных многочисленных вспомогательных организаций в пределы удовлетворения действительно насущных потребностей нашей армии. В составе организаций есть немало лиц, подлежащих привлечению в ряды армии, где и была бы использована их специальная подготовка без каких-либо особых расходов на содержание этих лиц. Между тем весьма крупное число таких лиц находит себе назначение во всевозможных организациях и получает освобождение от призыва непосредственно в состав армии. При этом лица эти сохраняют денежное содержание по должностям их постоянного служения, а в составе организаций приобретают... право на особое еще, весьма крупное вознаграждение, что и вызывает совершенно несообразное расходование средств государства»^[167]. Мы привели эту длинную цитату как иллюстрацию того обширного круга проблем, которыми приходилось заниматься командованию фронта.

В данный период времени на Северном фронте начали формироваться партизанские отряды – из регулярных подразделений и добровольцев, имевшие главной задачей осуществление диверсионных и поисковых действий в ближнем тылу противника. Партизанский отряд поручика Пунина включал в свой состав 5 эскадронов и пользовался полной поддержкой командующего фронтом.

29 января 1916 года на Северный фронт с инспекционным визитом прибыл Верховный главнокомандующий Государь Император Николай II. В 10 часов утра императорский поезд подошел к ст. Вышки под г. Двинском. Императора встречали два блестящих фронтовых генерала – временно командующий фронтом генерал от кавалерии П. А. Плева и командующий

5-й армией генерал от кавалерии В. И. Гурко. Летопись войны сообщала: «Генерал Плеве и остальные военначальствующие лица направились со станции к месту смотра, расположенному от нее в нескольких верстах»^[168]. Приняв рапорт и пропустив караул церемониальным маршем, Верховный главнокомандующий в сопровождении генералитета произвел смотр кавалерийских частей фронта. По свидетельству очевидцев, моральный подъем в войсках в эти дни был необычайный.

Начальник императорской охраны генерал-майор А. И. Спиридович вспоминал: «...Государь прибыл на Двинский или Северный фронт, войсками которого командовал генерал Плеве. Маленький, скрюченный, крайне болезненный, Плеве отличался необычайной твердостью, энергией и железной волею. Везде, где бы он ни был во время Великой войны, он покрыл себя заслуженною славой. Его правой рукой, главным помощником с начала войны и до назначения его главнокомандующим фронтом являлся генерал Е. К. Миллер. В ночь перед приездом Государя у Плеве было кровоизлияние, и утром, бледный как полотно, он насилу держался на ногах... Кроме Плеве, встречали командующий армией генерал Гурко и генерал Миллер... Поехали к войскам. В четырех верстах от станции, около шоссе, близ леса, было выстроено две тысячи человек, считая по два человека, с офицером от каждой роты, эскадрона, команды и в полном составе две кавалерийские дивизии и одна казачья... Ясное морозное утро. Государь тихо объезжал войска, отдельно говорил с частями, благодарил солдат и офицеров. Затем обратился с общей ко всем речью: “Я счастлив, что мог прибыть сюда и увидеть хотя бы представителей вашей доблестной, пятой армии... – звонко звучали слова Государя. – Горжусь, что нахожусь во главе одной из наших армий, которую составляете вы, молодцы”... Этот смотр в 15 верстах от неприятеля, охраняемый целой эскадрой аэропланов, произвел тогда особенное впечатление. Личности Плеве и Гурко... укрепляли непоколебимую веру в победу»^[169].

Но, к несчастью, недолго П. А. Плеве пришлось руководить Северным фронтом. Проблемы со здоровьем нарастали. Так, Николай II 1 февраля (вскоре после вышеупомянутого смотра) писал в письме императрице: «Боже мой, на что похож твой бедный Плеве! Зеленый, как труп, более чем когда-либо слепой и скрюченный и едва передвигает ноги. Сидя верхом, он так сильно откинулся назад, что я подумал, не дурно ли ему. Он уверяет, что очень часто ездит верхом, но я в этом сомневаюсь... После завтрака я имел разговор с Плеве. Он рассуждает вполне здраво и нормально, голова его свежа и мысли ясны, – и когда он сидит, то все ничего, но когда встает,

то представляет грустное зрелище»^[170].

По состоянию здоровья 10 февраля 1916 г. Павла Адамовича освободили от командования, а 11 февраля генералу был вручен соответствующий рескрипт императора. Текст данного документа, констатируя факт ухода Плеве с занимаемого поста, отмечал боевые заслуги генерала: «Павел Адамович. С началом военных действий вы были призваны Мною на должность командующего 5-й армией. Ваша свыше сорокалетняя служба в офицерских чинах на ответственных и разнообразных должностях дала вам возможность с отличным успехом выполнять выпадавшие на вверенную вам армию тяжелые задачи... Искусное и энергичное руководство ваше боевыми действиями вверенной вам армии уже было оценено по достоинству награждением вас, в числе других высоких боевых наград, орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Ваши качества выдающегося боевого начальника дали мне основание два месяца тому назад возложить на вас командование армиями всего Северного фронта, и эта задача была выполнена вами с тем же блестящим успехом, который сопровождал всю вашу деятельность в настоящую великую войну. Однако напряженные труды в течение истекших 19 месяцев войны отозвались на состоянии здоровья вашего, и Я, к искреннему сожалению, вынужден уступить желанию вашему и освободить вас от руководства боевыми действиями наших доблестных армий. Признавая необходимым и впредь пользоваться вашим ценным боевым и административным опытом, счел Я за благо назначить вас членом Государственного совета. Пребываю к вам неизменно благосклонный и благодарный. Николай»^[171].

М. Д. Бонч-Бруевич писал о состоянии здоровья генерала к этому времени: «Плеве был выдающийся кавалерист, неутомимый и ловкий, с великолепной посадкой. Но болезнь давала себя знать...»^[172] В. И. Гурко следующим образом прокомментировал обстоятельства, связанные с оставлением Павлом Адамовичем поста командующего фронтом: «В присутствии его величества предполагалось решить, кто же займет пост командующего армиями Северного фронта (Плеве временно исполнял обязанности командующего. – А.О.). Как видно, решение склонялось в пользу генерала Плеве. Во время аудиенции, данной императором генералу Плеве, государь совершенно ясно увидел, что физические силы генерала – ему было тогда шестьдесят шесть лет – так ослаблены, что для него будет весьма затруднительно исправлять должность главнокомандующего»^[173].

Очевидец, увидевший Павла Адамовича на совещании в Ставке 11

февраля 1916 г., писал: «Плеве поразили всех своей физической слабостью; в декабре он был еще молодцом»^[174]. Участник совещания так описывал обстановку этого мероприятия: «За длинным столом, стоявшим посреди комнаты, разместились: с одной стороны Государь, имея вправо от себя главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Куропаткина, только что сдавшего командование этим фронтом генерала Плеве и начальника штаба фронта генерала Бонч-Бруевича и влево – главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Иванова и начальника штаба фронта генерала Клембовского. С другой стороны стола напротив Государя сел генерал Алексеев, имея вправо от себя главнокомандующего Западным фронтом генерал-адъютанта Эверта и начальника штаба фронта ген. Квещинского и влево – меня, вице-адмирала Русина и генерал-квартирмейстера генерала Пустовойтенко... Плеве молчал, сознавая, очевидно, что он приглашен на совет только в качестве временного пособия для заместившего его Куропаткина...»^[175]

На следующий день после совещания Николай писал супруге: «Бедный Плеве был похож на мертвеца: до того он был бледен. Сегодня он лежит в своем спальном вагоне и не в состоянии двинуться – вероятно, переутомление!»^[176]

Павла Адамовича назначили членом Государственного совета, и он уехал из Действующей армии. После увольнения П. А. Плеве приехал в Москву и жил на квартире при штабе Московского военного округа. Сразу по прибытии генерал занялся восстановлением здоровья, начав лечение расшатанной нервной системы.

Умер Павел Адамович 28 марта в Москве от кровоизлияния в мозг, в Университетской клинике нервных болезней. Накануне кончины генерал принял православие.

Заключение

Хотя человеческие качества для полководца не главное, хотелось бы отметить следующее. Плеве был весьма скромен – почти не сохранилось его фотографий, не любил публичных выступлений. Избегал генерал внешнего блеска и эффекта, не мог, а может быть, не хотел заниматься «саморекламой»: когда почти все командармы – участники Галицийской битвы возглавили фронты, Павел Адамович остался командармом. Но именно с Плеве связаны не только победы русского оружия, но и некоторые яркие страницы в области военного искусства.

Так, уже не раз отмечалось, как грамотно и эффективно он применял конницу, пример тому – действия 5-й армии в Галицийской битве, Лодзинском сражении. В Митаво-Шавельской операции он организовал рейд в тыл германского заслона перед Митавой, причем 1-й кавалерийской дивизии придал для подкрепления полк пехоты. Особую роль в его расчетах играла Уссурийская конная бригада. Полковник М. Позек, начальник штаба 1-го германского кавалерийского корпуса во время боев в Прибалтике, отметил, что «рейд Уссурийской бригады генерала Крымова в глубокий тыл германского расположения удался. Телефонная сеть немцев была разрушена на большом протяжении по фронту и в глубину, а подвоз продовольствия ко 2-й и 6-й кавалерийским дивизиям прерван на 24 часа»^[177]. Плеве, считая Уссурийскую конную бригаду особенно устойчивой частью, пользовался ею и как подвижным резервом (е здящей пехотой).

Кавалерия – важнейший инструмент довершения разгрома и преследования противника. Приказы Павла Адамовича от 16–17 октября 1914 г. (в период Варшавско-Ивангородской операции) гласили: «Конницей и авангардами преследовать противника до темноты... конница 19-го и 1-го сибирского корпусов должна энергично и неотступно преследовать противника и отнюдь не терять тесного с ним соприкосновения»; «Преследование отступающего противника вести энергично авангардами и конницей, последней возможно дальше»^[178].

Грамотно использовал Павел Адамович армейскую конницу и в начале сентября 1915 г. под Двинском, парируя движение сильной неприятельской кавалерии с пехотой и артиллерией,двигающейся в охват с юга двинских передовых позиций.

Заметим, подобное новаторство генерала имело место во время войны,

которая вообще привела к свертыванию кавалерии как одного из важнейших родов войск. П. А. Плеве в отличие от многих кавалерийских и общевойсковых военачальников (причем не только в русской армии) нашел ей место в новых условиях – оно заключалось в деятельности крупных конных масс на коммуникациях противника, по прикрытию своих отходящих войск, выходу на оперативный простор после прорыва неприятельского фронта, разведке.

Наиболее эффективными мерами срыва вражеских замыслов Плеве считал активные, энергичные действия, широкий маневр силами и средствами. Быть сильным везде невозможно – и именно активные действия на другом участке своих войск способны сорвать даже самые большие оперативно-тактические достижения врага.

Настойчивое преследование потерпевшего поражение противника также характеризует Плеве как полководца. Вместе с тем он старался беречь по мере возможности войска, не ставя их на грань уничтожения, иллюстрацией чему служат действия командарма после Томашевского сражения, в Митаво-Шавельской операции. Однако это сочетается с упорством в необходимых случаях, как во время Томашевского сражения и в период обороны Двинска.

П. А. Плеве был признанным мастером маневра русской армии. Так, в тяжелой оперативно-стратегической ситуации, сложившейся после Горлицкого прорыва 1915 г., планировался многообещающий удар по группировке А. фон Макензена силами специально для этого сосредоточенной ударной армии во главе с опытным «маневроспособным» военачальником.

Неизвестно, как изменился бы ход боевых действий на Русском фронте в 1915 г., если бы русское командование реализовало этот проект. Ю. Н. Данилов свидетельствует: «Я полагал, что подобная армия, вверенная опытному военачальнику, уже доказавшему свои маневренные способности, могла бы своим контрударом сыграть решающую роль при подходе неприятеля к прикрывавшей Львов Городокской позиции, за которую должны были зацепиться наши отходившие войска. Мысль моя была одобрена Верховным главнокомандующим, который пожелал видеть во главе проектировавшейся группы войск генерала Плеве, как уже действовавшего – и притом удачно – в данном районе в первый период войны. В соответствии с сим были сделаны необходимые распоряжения о перевозке на Юго-Западный фронт штаба 12-й армии, во главе которой тогда находился генерал Плеве. Однако постепенно к этой мысли охладели, главным образом ввиду того, что сбор такой ударной группы войск мог

быть достигнут лишь путем известных напряжений и даже ценою отхода армий Северо-Западного фронта на более сокращенные позиции по Нареву и Висле, при осуществлении же намеченного сосредоточения пришлось встретиться с различными затруднениями, которые, впрочем, всегда вырастают, если только начать колебаться. В конечном результате, намечавшиеся войска пришлось все равно перебросить на Юго-Западный фронт, но использованы они были не в виде ударной группы, а разрозненно, по частям. Мысль об образовании ударной группы на Юго-Западном фронте была впоследствии даже осуществлена распоряжением генерала Иванова, но неполно и... в такой обстановке, при которой она не могла дать положительных результатов. Чем дальше мы вели войну, тем, под влиянием разнообразных причин, мы решительнее отказывались от маневров и склонялись в пользу непосредственного усиления угрожаемых участков, что и было одною из многочисленных... причин нашего столь глубокого отхода в 1915 году»^[179].

Маневр П. А. Плеве во время Галицийской битвы двумя группами корпусов 5-й армии разорвал связность австрийского построения и сорвал замыслы противника: 5-я армия помогла всем остальным армиям фронта (4-й и 9-й, 3-й и 8-й), применяя маневр глубокого охвата и двигаясь в эксцентрических направлениях. Парировать действия 5-й армии, уже записанной австро-венгерским командованием в разряд разгромленных, противнику было нечем, что и решило во многом успех сражения в пользу русских. Митаво-Шавельское сражение состоит из целого комплекса оперативных маневров – именно благодаря удачному маневрированию 5-й армии удалось относительно благополучно выйти из тяжелого положения.

П. А. Плеве – убежденный сторонник флангового маневра. Иллюстрацией этому служат действия его армии на второй фазе Галицийской битвы, в Лодзинской операции, Праснышском сражении, боях в Прибалтике. Павел Адамович учит и подчиненных действовать аналогичным образом. Например, в телеграмме командующему 4-й армией генералу Эверту от 22 ноября 1914 г. он упоминает о приказе своему командиру корпуса генералу Горбатовскому атаковать противника во фланг^[180].

Своеобразной «визитной карточкой» полководческого искусства П. А. Плеве было умение эффективно применять контрманевр – искусно оторвавшись от противника, произвести перегруппировку и продолжить сражение. Наиболее яркими примерами таких действий являются контрманевры в Томашевской и Митаво-Шавельской операциях.

Успешно П. А. Плевелю противодействовал операциям на окружение – образцом умелого руководства войсками в таких условиях являются Томашевская, Лодзинская и Митаво-Шавельская операции. Один из лучших стратегов России М. В. Алексеев отмечал применительно к Лодзинскому сражению: «Ставка требовала от 2-й армии “держаться в районе Лодзи во что бы то ни стало”. И действительно, малейшее отступление грозило катастрофой обеим армиям. Но распоряжениями Плевелю уже были приняты меры, значительно улучшившие положение 2-й армии»^[181]. Павел Адамович пришел к совершенному заключению – в условиях малой оперативной подвижности наступающей сильная позиционная оборона является лучшим противодействием врагу в условиях операции на окружение. Из этого он и исходил на практике.

Умело оперирует генерал с резервами, определяет им место в общевойсковом бою. Так, еще не закончилась активная фаза Лодзинской битвы, как он начал формировать сильные армейские резервы во 2-й и 5-й армиях, не останавливаясь даже перед ротацией фронтовых частей^[182]. А в Митаво-Шавельской операции генерал проводил перегруппировки в связи с изменением обстановки, и перемещаемые части своевременно перекрывали пути наступления ударных групп противника и тормозили его наступление.

Приветствовал Павел Адамович и технические новинки, являясь сторонником современной войны. Речь идет прежде всего о зенитной артиллерии и броневиках. Именно Плевелю принял участие в становлении автомобильной батареи для стрельбы по воздушному флоту капитана В. В. Тарновского. В конце Второй Праснышской операции в распоряжение штаба 12-й армии (в Ломже) передали автомобильную батарею капитана В. В. Тарновского. Эффективные действия батареи (оборона войск, позиций тяжелой артиллерии, взаимодействие с войсковыми частями) привели к посещению ее командованием 12-й армии в лице командарма П. А. Плевелю и его начальника штаба Е. К. Миллера. Генералы-фронтовики подробно ознакомились со «свойствами батареи и предполагаемыми способами стрельбы»^[183]. И именно командование 12-й армии высоко оценило первые успехи русских зенитчиков, наградив командира батареи капитана В. В. Тарновского орденом Святой Анны 2-й степени, офицеров батареи штабс-капитанов Величко и Боровского – орденами Святой Анны 3-й степени. Заслуженное поощрение на войне – вещь очень нужная, и этот факт придавал дополнительную динамику развитию нового оружия. При организации воздушной обороны Двинска П. А. Плевелю вновь привлек

отлично себя зарекомендовавшую батарею.

Использовал командарм и бронесилы.

В Лодзинской операции «20 ноября 1-я автомобильная пулеметная рота была расставлена в засады по дорогам в прорыве между 5-й армией и левым флангом 19-го корпуса у Пабьяниц. На рассвете 21 ноября пятью бронеавтомобилями были уничтожены два полка немецкой пехоты, прорвавшиеся в охват левого фланга 19-го корпуса, а автоматическая пушка взорвала передок выезжавшей на позиции батареи»^[184]. В феврале 1915 г. три атаки немцев в районе города Прасныш русская пехота отбила при поддержке броневиков. Они врывались в боевые порядки наступающей германской пехоты и в упор ее расстреливали, а при отступлении немцев из-под Прасныша содействовали развитию успеха, не давая врагу возможности остановиться и привести себя в порядок: «В ночь с 12 на 13 февраля 1915 г., в один день перекинувшись из Старожеб через Пултуск под Прасныш, пройдя маршем 120 верст, отряд 1-й автопулеметной роты из 4 пулеметных и одного пушечного автомобиля ворвался на укрепленную позицию немцев у с. Добржанково. Потеряв три машины со всею прислугою, расстрелянными с 30 шагов, занял два моста, отрезав путь отступления немцев»^[185]. В результате подошедшим 2-му и 3-му сибирским стрелковым полкам сдалась бригада немцев!

Во всех случаях речь идет не о новаторстве, а, что куда важнее, об эффективном применении новых боевых средств. Аспект от действий бронетехники в Праснышской операции был настолько велик, что данный факт нашел специальное отражение в личных записях главы Российского государства: «Очень помогли успеху автомобили с пушками и пулеметами!»^[186]

П. А. Плеве – родоначальник штурмовых частей русской армии. Приказ по 5-й армии от 4 октября 1915 г. № 231 гласил: «...приказываю сформировать... в каждой роте особые команды бомбометателей...» В них «избирать людей смелых и энергичных, вооружить каждого десятью гранатами, удобно повешенными на поясе, и топорами произвольного образца, а также снабдить каждого лопатой, по возможности большой, и ручными ножницами для резки проволоки»^[187].

Были определены меры обучения новых подразделений, в качестве инструкторов прикомандировывались военно служащие саперы. В конце года опыт был распространен на всю русскую армию, и штурмовые взводы («взводы гренадер»), появившиеся во всех пехотных и гренадерских полках, насчитывали в своем составе офицера, 4 унтер-офицеров, 48

нижних чинов.

П. А. Плеве как командующему Северным фронтом обязана своим рождением Тыловая позиция Балтийского флота. Флот входил в оперативное подчинение Плеве, и соответствующий приказ им был отдан: «... к востоку от Готланда в районе между меридианом Соммерс и Биорке создать позицию с соответствующей базой флота и оборудованием прилежащего шхерного фронта»^[188]. Это характеризует его как человека с широким стратегическим кругозором.

Важно и то, что Павлу Адамовичу, в основном, пришлось воевать с наиболее сильным противником – германской армией и в тяжелейших условиях местности, усиленных к тому же фортификационными сооружениями. Сложность действий П. А. Плеве на Северном фронте летом 1915 г. подтверждается в том числе и характеристикой войск фронта на этом театре военных действий, данной участником боев полковником А. А. Свечиным, воевавшим во главе 6-го финляндского стрелкового полка: «Он (фронт. – А.О.) был перегружен второочередными дивизиями и новыми формированиями. Хороших войск здесь было очень мало... несмотря на спокойные периоды, [они] находились в худшем моральном состоянии, чем армии, действовавшие против австрийцев, и даже армии, боровшиеся с германцами на центральном направлении»^[189]. Тем не менее Павел Адамович не только остановил германцев, он стал основоположником конфигурации фронта на двинском стратегическом направлении.

С тем бóльшим сожалением приходится констатировать: уход генерала с военной службы и его безвременная кончина совпали с подготовкой крупномасштабных русских наступательных операций 1916 года.

Очевидно, что присутствие энергичного руководителя (даже если не брать во внимание его другие качества) во главе Северного или Западного фронтов (вместо «саботажников» Эверта и Куропаткина) в период Брусиловского прорыва как минимум не позволило бы германцам привлечь части с других участков Русско-германского фронта, а переброшенные из Франции – делить между зонами русской активности. Если тактика нескольких ударов в рамках одного фронта в 1916 г. принесла русской армии такой успех, то одновременные наступления по аналогичной схеме нескольких фронтов (а силы и средства вполне позволяли это сделать) могли привести к обрушению всего Восточного фронта. Словом, у России был шанс победоносно закончить войну уже в конце 1916 г.

Трудно сказать, как сложились бы судьбы России, если бы Северным

фронтом 2 марта 1917 г. вместо «сдавшегося на милость победителя» пораженца Н. В. Рузского^[190] руководил П. А. Плеве. Человек решительный, твердый и порядочный, он не вымогал бы у императора, оказавшегося в стесненных обстоятельствах, отречение, напротив, стал бы для него нравственной и силовой опорой.

Люди, близко знавшие П. А. Плеве, характеризовали его как выдающегося военачальника и настоящего солдата.

Николай II, император всероссийский, в рескрипте на имя П. А. Плеве: «В запечатленных неизменною доблестью наших войск исторических боях 1914 и 1915 годов – под Холмом, Ярославом, Варшавою, Лодзью, в Риго-Шавельском районе и под Двинском вы явили все необходимые качества решительного, настойчивого и мужественного военачальника».

А. Нокс, генерал-майор британской армии: «Плеве принадлежал... к школе Мольтке и обладал логическим умом и железной волей».

Ю. Н. Данилов, генерал от инфантерии: Плеве – человек «с верным военным пониманием и солдатским сердцем».

М. К. Лемке, офицер Ставки Верховного главнокомандующего: «Плеве считается лучшим из командующих армиями».

А. А. Поливанов, генерал от инфантерии, военный министр: «...свыше сорокалетняя служба дала возможность [Плеве] выполнять на войне с успехом тяжелые задачи при командовании армией... такой успех достигался не только вследствие продолжительности службы в офицерских чинах, а... вследствие постоянной и упорной работы по расширению военных знаний, которой П. А. Плеве занимался, требуя такой же работы и от подчиненных и получив репутацию сухого человека и педанта. Такая создававшаяся около него в мирное время репутация не помешала уже после первых больших боевых столкновений с неприятелем распространению широкой молвы в армии: “Кто хорошо разбирается в обстановке – это Плеве, но служить с ним тяжело”».

Честный, смелый и добросовестный солдат, без шор и оглядки назад, с честью выходявший из самых сложных ситуаций, Павел Адамович Плеве оставил заметный след в истории Первой мировой войны. Он вошел в нее как генерал – сторонник активных действий, смелый военачальник, с именем которого связаны самые яркие страницы Великой войны на Русском фронте.

Современной войне, какой она уже являлась, требовались именно такие военачальники – не только грамотные, но и твердые, спокойные, инициативные, такие, как Павел Адамович Плеве.

Воля и решительность. Генерал от инфантерии В. Е. Флуг

...я стою за необходимость более решительных действий^[191].

Начало пути

Василий Егорович Флуг по праву является одним из самых достойных военачальников Русской армии в годы Великой войны 1914–1918 гг. Он был человеком, стремившимся служить Родине, забывшим о личной карьере (о чем, в частности, свидетельствует его жизненный путь, изобилующий взлетами и падениями), решительным и волевым военачальником.

В. Е. Флуг родился 19 марта 1860 г. в семье потомственных почетных граждан Санкт-Петербургской губернии, вероисповедания православного. Будущий генерал окончил: полный курс (7 классов) 2-й Петербургской военной гимназии, Михайловское артиллерийское училище (с помещением имени на почетной мраморной доске) и Николаевскую академию Генерального штаба (по 1 разряду)¹⁹². Данный факт свидетельствует о незаурядных военных дарованиях и интеллектуальном потенциале Василия Егоровича.

На военную службу он поступил 31 августа 1877 г., будучи зачислен юнкером в Михайловское артиллерийское училище. В период нахождения в стенах училища Василий успешно продвигался по службе: 10 апреля 1878 г. он был произведен в унтер-офицеры, а 1 сентября 1879 г. – в портупей-юнкеры с назначением фельдфебелем.

После окончания училища (также по 1-му разряду^[192]) 8 августа 1880 г. В. Е. Флуг был произведен в подпоручики и выпущен в 7-ю конно-артиллерийскую батарею. 20 декабря 1884 г. он прикомандирован к 23-й конно-артиллерийской батарее, а 1 декабря 1885 г. произведен в поручики (старшинство в чине с 1 января 1885 г.). В этот период он был переведен на службу в 23-ю конно-артиллерийскую батарею (8 декабря 1885 г.).

В 1887 г. Флуг решает поступать в Николаевскую академию Генерального штаба и для этой цели командировается в штаб Варшавского военного округа для сдачи предварительного экзамена. Выдержав экзамен при штабе округа, 8 августа 1887 г. он был командирован для сдачи экзамена в академию.

6 октября 1887 г., успешно сдав экзамен, Флуг был зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба. Учеба в академии вновь высветила высокий интеллектуальный уровень Василия Егоровича – за отличные успехи в науках 13 мая 1890 г. он произведен в штабс-капитаны, а закончил учебное заведение по 1-му разряду и причислен к Генеральному

штабу.

После окончания академии 16 мая 1890 г. Флуг был назначен на службу в Приамурский военный округ с прикомандированием на время лагерного сбора к штабу Варшавского военного округа. До отъезда на Дальний Восток он успел поучаствовать в больших маневрах в Волынской губернии между войсками Варшавского и Киевского военных округов – с 7 августа по 9 сентября 1890 г. состоял при штабе 14-го армейского корпуса.

Следующий этап службы офицера был связан с восточной окраиной России – 26 ноября 1890 г. В. Е. Флуг был назначен начальником строевого отделения штаба Владивостокской крепости. В данный период Василию Егоровичу довелось временно исполнять должность начальника штаба Владивостокской крепости (с 1 декабря 1891 г. по 8 января 1892 г.; с 7 по 12 февраля, с 9 по 18 апреля, с 21 июня по 15 сентября, с 29 сентября по 21 октября 1892 г.; с 15 января по 25 февраля 1893 г.).

5 апреля 1892 г. Василий Егорович был произведен в капитаны.

В этот период Флуг приобретал и практический опыт полевой службы – так, он был командирован в распоряжение военного губернатора Приморской области для поверки съемок притоков р. Уссури – Бикина, Ваку и Имы, а с 15 сентября по 1 октября 1892 г. являлся руководителем полевой поездки офицеров войск Южно-Уссурийского отдела и крепости Владивосток.

Офицер Генерального штаба должен был пройти через цензовое командование ротой или эскадрой – и с 4 октября 1893 г. В. Е. Флуг был прикомандирован на 1 год к 11-му драгунскому Харьковскому полку (командовал 1-м эскадрой полка).

22 ноября 1893 г. Василий Егорович был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени – своей первой наградой. А 20 января 1894 г. он назначен членом полкового суда, что свидетельствовало о высоких моральных и нравственных качествах Флуга.

Впоследствии Василий Егорович был старшим адъютантом штаба Кавказской гренадерской дивизии (с 6 октября 1894 г.), а с 15 апреля по 19 июня 1895 г. временно исполнял должность начальника штаба Кавказской гренадерской дивизии. В период службы на Кавказе с 25 июня по 15 июля 1895 г. он был командирован для участия в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Чечню и Дагестан, а с 1 сентября 1895 г. состоял внештатным преподавателем Тифлисского пехотного юнкерского училища.

С 1896 г. служба В. Е. Флуга вновь (и уже надолго) связана с Дальним Востоком. Так, 16 февраля он был назначен исполняющим должность штаб-офицера при управлении 2-й Восточно-Сибирской стрелковой

дивизии, а 24 марта произведен в подполковники с утверждением в должности штаб-офицера. На этой должности 14 мая 1896 г. он удостоился награждения орденом Святой Анны 3-й степени.

Стремление к активности красной нитью проходит через всю армейскую карьеру В. Е. Флуга. Так, он был командирован с охотничьими командами 6-го и 10-го Восточно-Сибирских стрелковых батальонов для исследования переправ через пограничную реку Тумень-Ул у (с 24 марта по 4 апреля 1897 г.); состоял членом комиссии по освидетельствованию ремонтных работ в зданиях инженерного ведомства в урочищах Новокиевском, Новгородском и Славянке (с 22 по 27 апреля 1897 г.); был командирован с охотничьими командами 7-го и 9-го Восточно-Сибирских стрелковых батальонов для рекогносцировки районов подвижных сборов между урочищами Новокиевским и Барабашем (с 16 по 30 июня 1897 г.); участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Посьетском участке Южно-Уссурийского округа (с 20 июля по 10 августа 1897 г.); руководил полевой поездкой офицеров войск Южно-Уссурийского отдела в урочище Новокиевское (с 25 сентября по 5 октября 1897 г.).

С 16 января 1898 г. Василий Егорович был прикомандирован к штабу Приамурского военного округа для исполнения должности старшего адъютанта, а 3 апреля 1898 г. направлен в Порт-Артур в распоряжение начальника 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады.

На новом месте службы Флуг также развил бурную всестороннюю деятельность: участвовал в полевой поездке офицеров флота, Генерального штаба и строевых войск для изучения районов крепости Порт-Артур (с 24 апреля по 5 мая 1898 г.); исполнял должность начальника штаба войск Квантунского полуострова (с 10 по 14 мая, с 21 мая по 13 июня, с 21 июля по 9 октября 1898 г.); был членом комиссии по вооружению крепости Порт-Артур (с 16 октября 1898 г.); помогал командиру Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона при проведении зимних тактических занятий с офицерами.

22 июня 1899 г. В. Е. Флуг был назначен исполняющим должность начальника штаба войск Квантунского полуострова, впоследствии – 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (с 16 сентября 1899 г.), а с 16 октября 1899 г. стал исполнять должность начальника военного отдела штаба Квантунской области.

На новом посту Флуг курировал госпитали Квантунской области, наблюдал за деятельностью Порт-Артурской приготовительной школы Военного министерства. В этот период он был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени (23 января 1900 г.).

С 7 марта 1900 г. Василий Егорович исполнял обязанности начальника штаба Квантунской области по военному отделу, где 9 апреля его застало производство в полковники.

Рост по службе неуклонно продолжался – 20 июня 1900 г. В. Е. Флуг был назначен обер-квартирмейстером и начальником полевого штаба войск Квантунской области и морских сил Тихого океана, 22 июня 1900 г. – начальником военного отдела штаба Квантунской области, а 22 августа – оберквартирмейстером полевого штаба войск Квантунской области. Тогда же он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (28 октября 1900 г.) и золотым оружием с надписью «За храбрость» (15 марта 1901 г.).

27 апреля 1901 г. В. Е. Флуг был прикомандирован к Главному штабу, а с 16 мая по 17 ноября к 1-му Лейб-драгунскому Московскому полку (для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийских частях). Интересен тот факт, что с 27 июля по 5 августа 1901 г. Флуг руководил первой группой офицеров в кавалерийской поездке в район г. Мценска Орловской губернии.

12 января 1902 г. Василий Егорович возвратился к штатному месту службы, вступив 16 января в должность начальника военного отдела штаба Квантунской области, а с 21 января был назначен исполняющим должность начальника штаба области.

В этот период В. Е. Флуг командировался в Мукден, участвовал в поездках в Южную Маньчжурию, Пекин, Шанхай-Гуань. 1 января 1904 г. он назначается начальником временного военного штаба наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, а 29 января 1904 г. – генерал-квартирмейстером Полевого штаба наместника. Со 2 по 26 февраля 1904 г. Василий Егорович исполнял высокую должность начальника полевого штаба наместника.

В рассматриваемый период он был награжден крестами: офицерским французского ордена Почетного легиона и командорским бельгийского ордена Леопольда, знаком Российского общества Красного Креста. 15 декабря 1903 г. Флугу Высочайше было разрешено принять и носить прусский орден Красного Орла 2-го класса с мечами. 15 октября 1904 г. за отличия в делах против японцев он был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами. 22 мая 1905 г. Высочайше ему было разрешено принять и носить большой офицерский крест итальянского ордена Короны.

23 августа 1903 г. Василий Егорович был назначен временно исполняющим должность начальника временного военного штаба

наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, а 27 августа 1903 г. произведен в генерал-майоры.

27 ноября 1904 г. В. Е. Флуг поступил в распоряжение главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, а 14 января 1905 г. стал исполнять должность генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии^[193].

10 июля 1905 г. он был назначен временно исполняющим должность начальника штаба 2-й Маньчжурской армии и награжден орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами (13 июля 1905 г.). Являлся Василий Егорович и автором работ, посвященных Русско-японской войне^[194].

Впоследствии В. Е. Флуг назначается военным губернатором Приморской области, одновременно являясь наказным атаманом Уссурийского казачьего войска (с 21 сентября 1905 г.). В этот период генерал также становится обладателем ряда наград: за отличие в делах с японцами он награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами (23 сентября 1905 г.); удостоен светло-бронзовой медали на Александровской и Георгиевской ленте в память Русско-японской войны 1904–1905 гг. (5 мая 1906 г.); медали Российского общества Красного Креста за участие в деятельности Красного Креста во время войны 1904–1905 гг. с Японией (22 января 1907 г.).

13 мая 1907 г. В. Е. Флугу было предоставлено звание почетного старика Платоно-Александровской станицы Уссурийского казачьего войска, Высочайше разрешено принять и носить японский орден Восходящего Солнца 3-й (4 января 1908 г.) и 2-й (24 октября 1909 г.) степеней, китайский орден Двойного дракона 1-й степени 2-го класса (14 сентября 1911 г.), а 6 декабря 1911 г. он был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.

За отличия по службе 6 декабря 1908 г. Флуг производится в генерал-лейтенанты, а 19 ноября 1909 г. он был назначен начальником 37-й пехотной дивизии с зачислением по армейской пехоте.

С 26 по 30 марта и с 16 по 24 июля 1911 г. Василий Егорович временно командовал 1-м армейским корпусом.

В предвоенный период Василий Егорович реализует наработанный опыт: с 14 апреля по 2 мая 1912 г. был командирован в качестве представителя в комиссию по производству опытной мобилизации в Киевском военном округе; с 15 по 25 июня 1912 г. участвовал в окружной полевой поездке со старшими войсковыми начальниками.

30 июля 1912 г. В. Е. Флуг был назначен начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии, а с 12 сентября по 15 октября 1912 г. временно

командовал Гвардейским корпусом.

В этот период он был пожалован светло-бронзовой медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. на Владимирской ленте (28 декабря 1912 г.) и светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых (21 февраля 1913 г.).

12 января 1913 г. Флуг был назначен помощником Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа, а с 26 июля по 17 августа 1914 г. временно командовал войсками этого округа.

На этой должности его застало начало Первой мировой войны.

Характеризуя довоенную службу генерала, следует отметить, что наказаниям и взысканиям по службе он не подвергался, характеризовался положительно. Достаточен был и боевой опыт Флуга – он был участником китайского похода и Русско-японской войны.

Основные этапы боевого пути.

С 15 июня по 23 сентября 1900 г. – в Китае, Южной Маньчжурии и на Печелийском побережье. В этот период был в следующих боях: с 22 июня по 1 июля – под Тяньцзинем и при взятии укреплений китайских позиций на Лутайском канале; 7 сентября – при взятии крепости Бейтан; 8–9 сентября – при взятии укреплений у города Лутая; 19–20 сентября – при занятии крепости Шанхай-Гуань.

В 1904–1905 гг. – воевал против Японии в Квантунской области (район Порт-Артур – Цзиньчжоу) и Маньчжурии. Был под огнем неприятеля: 26–27 января 1904 г. – при нападении японских миноносцев на Тихоокеанскую эскадру, бое эскадры с японским флотом и первой бомбардировке японцами крепости Порт-Артур с моря; в ночь с 19 на 20 апреля 1904 г. – при отражении третьей попытки японцев заградить брандерами проход в гавань Порт-Артура. Участвовал в сражениях: 12–18 января 1905 г. у деревни Сандепу и 5–26 февраля 1905 г. – под Мукденом.

Василий Егорович был примерным семьянином, отцом четырех дочерей. Женат на Екатерине Валериановне Шпицберг, дочери отставного генерал-майора. Дети: Ксения (род. 20 января 1898 г.), Вера (род. 13 июня 1899 г.), Елена (род. 7 января 1901 г.) и Мария (род. 21 октября 1903 г.). В семье Василия Егоровича проживала и дочь жены от первого брака Ольга Лестич (род. 3 марта 1888 г.).

Как отмечено в послужном списке генерала: «Недвижимого имущества не имеет».

Талантливый офицер Генерального штаба, однокашник крупнейшего русского военного деятеля начала XX века М. В. Алексеева по академии,

В. Е. Флуг к началу Первой мировой войны имел богатый военно-административный и боевой опыт. Интересно отметить, что, блестяще закончив Николаевскую академию Генерального штаба, В. Е. Флуг всю жизнь оставался активным офицером, совмещавшим полевые поездки, участие в маневрах и боевых действиях со штабной и преподавательской работой.

Победа в Восточной Пруссии – во главе 10-й армии в Первой Августовской операции 1914 г.

17 августа 1914 г. В. Е. Флуг отправился в Действующую армию. За отличие по службе он был произведен в генералы от инфантерии и 29 августа 1914 г. назначен командующим войсками 10-й армии Северо-Западного фронта. Армия создавалась после поражения 2-й армии генерала А. В. Самсонова и предназначалась для стабилизации фронта в районе г. Гродно – Августов и действий на территории Восточной Пруссии.

Армия В. Е. Флуга отличилась в Первой Августовской операции 12–30 сентября 1914 г. Операция проводилась войсками Северо-Западного фронта с целью улучшить позиции русских на восточно-прусском театре военных действий, а также сковать противника в период проведения Варшавско-Ивангородской стратегической операции.

8-я германская армия генерала Р. фон Шуберта (позднее Г. фон Франсуа) должна была осуществлять энергичные действия, чтобы также сковать максимальное количество русских войск. 11-й, 17-й, 20-й армейские, Гвардейский резервный корпуса, 8-я кавалерийская дивизия были переброшены в Верхнюю Силезию под командование А. фон Макензена. Оставшиеся войска и составили группировку Р. фон Шуберта.

8-я германская армия (Гумбиннен – Алленштейн) имела в своем составе 7 пехотных (костяк сил армии – 1-й армейский и 1-й резервный корпуса, укомплектованные как раз из уроженцев Восточной Пруссии, 3-я резервная дивизия) и 1 кавалерийскую дивизию, ландверные части. В общей сложности русским 1-й и 10-й армиям противостояли главный резерв Кёнигсберга, 1 кавалерийская дивизия, 1 армейский и 1 резервный армейские корпуса, 3 резервная и ландверная (фон дер Гольца) дивизии, несколько ландверных бригад. Всего около 100 тыс. человек.

Участовавшие в операции 1-я русская армия (средний Неман) включала в свой состав 11 пехотных и 14,5 кавалерийской дивизии, а 10-я русская армия (верхний Неман – Гродненский район) – 9 пехотных и 1,5 кавалерийской дивизии. Сама обстановка, сложившаяся в Восточной Пруссии после августовских неудач русских, была для Северо-Западного фронта напряженной, настроение войск не всегда бодрое.

Следует отметить, что два корпуса 1-й русской армии (4-й и 2-й армейские) 18 сентября были переброшены под Варшаву, армия вела себя пассивно.

Вся тяжесть проведения Августовской операции легла на 10-ю армию В. Е. Флуга.

Сражение состоит из 3 этапов.

Германский удар на Осовец и Друскеники 12–17 сентября.

Русское наступление на Сувалки 15–20 сентября.

Германский контрудар 22–30 сентября.

На первом этапе операции германские ландверные части 12–17 сентября попытались захватить Осовецкую крепость. 12–13 сентября 1-й германский армейский корпус атакует Друскеники. Германские атаки были парированы, а Осовец выручен 6-м армейским корпусом и 11-й сибирской стрелковой дивизией.

Командование фронтом ставило частям 10-й армии пассивную задачу. Как оценивал ее сам командарм В. Е. Флуг: «Наступление прекратить, отведя XXII корпус к Августову, III Сибирский к Осовцу и перейти к обороне на линии Бобр – Нарев до Ломжи включительно, с целью прикрытия железной дороги Ломжа – Белосток; в серьезные бои с противником, впредь до сосредоточения всех корпусов армии, не вступать и ни в каком случае не допускать отдельных поражений частей армии. В этой директиве, обрекавшей армию на пассивную оборону на фронте около 150 верст, явно сквозила навеянная предыдущими неудачами тревога за судьбу нашей третьей по счету армии, выставляемой на Восточно-Прусский фронт, которую отказом от активных действий думали уберечь от участи, постигшей первые две. Такое настроение главного командования (Северо-Западного фронта), объясняемое тем, что к этому времени оно уже могло получить довольно точные сведения о размерах поражения, понесенного I армией, однако едва ли соответствовало обстановке, как она тогда складывалась, ибо сколько-нибудь значительных сил у противника собственно на фронте X армии, очевидно, не было, между тем бездействие последней окончательно развязывало немцам руки. Словом, директива 31 августа повторяла в отношении X армии ошибку, сделанную Ренненкампом в период Танненбергского сражения»^[195].

План самого В. Е. Флуга был следующий: сковать противника фронтальным ударом 2-го Кавказского и 22-го армейских корпусов, атаковавших с юга на север вдоль Немана на Сопоцкин – Копциово и перехватить пути отступления противника 3-м Сибирским и 1-м Туркестанским армейскими корпусами, атаковавшими на Августов – Лык.

В его переписке с командованием фронта видны энергия и желание действовать: «...Простите откровенность, но мне кажется, что мы начинаем действовать “по-маньчжурски”. Катастрофа с Самсоновым произвела, по-

видимому, настолько сильное впечатление, что мы хотим избегать на будущее время всяких действий, сопряженных хотя бы с маленьким риском, забывая, что без риска не бывает победы... Немцы учитывают наше настроение после неудачи с Самсоновым и становятся так же дерзки, как японцы в 1905 г. ...немцы кажутся нам всеведущими и вездесущими... Результатом всего этого может быть деморализация войск, признаки чего усматриваются, например, в том, что войска двигаются черепашьям шагом и после 10-верстного перехода жалуются на крайнее утомление... Прошу Вас... доложить его Высокопревосходительству, что я стою за необходимость более решительных действий»^[196].

В сообщении штабу фронта от 11 сентября В. Е. Флуг вновь сетует на пассивность поставленных задач: «Простите меня за назойливость, но я не могу равнодушно видеть, как немцы постепенно опутывают нас со всех сторон своими... проволочными заграждениями, усиленными орудиями и пулеметами, с тем, чтобы в конце концов совершенно лишить нас возможности маневрировать, если мы захотим, ценою десятков тысяч жизней и с риском неудачи рвать, рвать их укрепленные линии. То, что было легко неделю тому назад, с каждым днем становится труднее. Теперь нельзя уже взять ни Граева, ни Райгорода, ни Августова; скоро невозможно будет проникнуть за северную опушку Августовских лесов, которая постепенно занимает и укрепляется немцами»^[197].

Генералом выдвигались конкретные оперативные предложения. Реакция командования фронтом отсутствовала.

Наконец, хотя и запоздало, с 15 сентября начинается русское наступление. Командование 10-й армией заранее предприняло меры для подготовки к наступлению. Так, с 10 сентября подготавливались переправы через Августовский канал, предпринимались отвлекающие удары с целью дезинформации противника, 75 % сил армии предназначались для активных задач, намечались меры по взаимодействию с 1-й армией.

При удачном взаимодействии двух армий 3–4 дивизии противника реально попадали под угрозу окружения.

В развернувшихся ожесточенных боях 10-й армии В. Е. Флуга противостояли главные силы 8-й германской армии.

Командование 10-й армии, ведя тяжелые бои в Августовских лесах, одновременно осуществило силами двух корпусов обходной маневр (3-й сибирский армейский корпус 15 сентября занял г. Августов и вышел немцам в тыл). Генерал фон Шуберт подтянул на выручку 1-го армейского корпуса 1-й резервный корпус и ландверные части.

18 и 19 сентября в Августовских лесах разыгрались тяжелые бои. Особенность их была в том, что в лесных схватках германцы утратили свои преимущества в управлении и тяжелой артиллерии и кавказские, финляндские и сибирские части одолели противника. Русские войска практиковали энергичные марши, в том числе ночные.

Полковник Б. Н. Сергеевский в своих воспоминаниях так описывает эти бои: «Получился “слоеный пирог”, в котором каждой русской и германской части приходилось действовать вне связи друг с другом и со своим командованием. Таким образом, преимущества германского управления войсками отпали, шансы уравновесились и мы победили.

Русские понесли наиболее жестокие потери в западной части района сражения (сибирские части), германцы особенно пострадали в восточной половине района (против финляндских частей)... Потери от ружейного огня немцев были очень велики... Вскоре выбыли все офицеры, кроме капитана Реймана, и больше половины нижних чинов. В 600 шагах от цепей противника, на совершенно открытом поле, Рейман понял, что остаткам его роты нет спасения: перебьют на месте, перебьют и при отходе к лесной опушке. Тогда он скомандовал “встать, в атаку” и бросился всего с 90 стрелками вперед. С этого момента и вплоть до овладения позицией противника, где ему сдалось более 200 германцев, он не потерял ни одного человека. Германцы в цепи то вскакивали, начиная примыкать штыки, то, побуждаемые своими офицерами, снова ложились и открывали огонь, шедший почему-то поверх голов атакующих. Когда последние были в 200 шагах и начали кричать “ура”, германцы уже большею частью стояли, бросив оружие, с поднятыми вверх руками^[198]... Пулеметная команда 12-го полка успела скрытно занять позицию по обеим обочинам шоссе и, когда колонна подошла, то, открыв огонь из 7 пулеметов, уничтожила ее всю, как уверяли, в несколько секунд. Офицеры штаба корпуса, бывшие на этом месте 20 сентября, говорили мне, что на полотне шоссе так и лежала в страшных кучах целая колонна мертвецов в несколько сот человек. Они видели труп немца, стоявший на одном колене, в позе для стрельбы (ружье лежало тут же) со срезанным пулеметными пулями по линии носа черепом. Среди мертвецов они нашли еще двух живых с перебитыми ногами, бывших в памяти, но в состоянии умопомешательства^[199]... 10-й Финляндский стрелковый полк, идя колонной, внезапно наткнулся на германцев. Командир полка скомандовал: “В цепь!” Но командир бригады генерал Стельницкий бросился вперед: “Какая там цепь – за мной!” 10-й полк остался на ночлег вблизи места боя. На другое утро убрали убитых и

раненых. Убрано около 500 германцев, при чем почти все раненые за ночь умерли, и всего 16 наших стрелков»^[200].

А. А. Керсновский писал: «Так состоялось боевое крещение молодых финляндских полков, и здесь кавказские гренандеры получили от потрясенных танненбергских победителей почетное имя “желтых дьяволов”. «В этих проклятых лесах русские показали свои волчьи зубы, – писал (впоследствии убитый) восточнопрусский гренандер, – мы думали сначала, что это – японцы, потом оказалось, что это были кавказские черкесы»^[201].

Немцы потерпели серьезное поражение.

Германское отступление «местами принимало совершенно беспорядочный характер; нам достались трофеи и брошенное имущество»^[202]. Как писал генерал В. Е. Флуг: «Эта согласованная боевая работа и доблесть сибирских и финляндских стрелков увенчались наконец желанным успехом: понеся большие потери, противник, всюду сбитый, 19 сентября стал поспешно отступать, теряя пленных, пулеметы и орудия. Таким образом, фронт противника в районе к югу от Сувалок оказался прорванным...»^[203]

Своим маневром, выйдя на коммуникации противника, 10-я армия вынудила его очистить 50-верстную полосу, простирающуюся к востоку от г. Августов, и вернула себе утраченную в начале месяца свободу маневрирования, восстановив тесную боевую связь с левым флангом 1-й армии.

Оперативная инициатива была противником утрачена. 20 сентября русские войска захватили г. Сувалки. Как отмечал В. Е. Флуг: «Таким образом, в промежутке времени менее недели был полностью ликвидирован прорыв противника к Неману»^[204].

Отступавший противник ввиду перспективы нового вторжения неприятеля на его территорию решает перед границей еще раз дать отпор. Развернулось встречное сражение. Германский контрудар, несмотря на тяжелый для русских огневой бой, успеха не достиг. Как отмечал русский командарм: «Перейдя к обороне, немцы на всем фронте дрались чрезвычайно упорно, стягивая к полю боя все, что только возможно, и местами переходя в энергичные контратаки, особенно против II Кавказского корпуса, который нес значительные потери. Однако в общем успех склонялся на нашу сторону, особенно на участке XXII корпуса, который под начальством своего решительного командира генерала фон дер Бринкена, проявляя высокое воодушевление, несмотря на сильное

утомление войск, уже неделю не выходявших из боя. Здесь, между прочим, финляндскими стрелками взята неприятельская батарея»^[205].

Противник отводит разбитые части на прусскую границу. Но: «Успех был бы, вероятно, полнее, если бы наступление не тормозилось вмешательством свыше. Так, между прочим, рано утром 24 сентября на основании каких-то сомнительных сведений о произведенном будто бы немцами прорыве фронта II Кавказского корпуса Главнокомандующий прислал телеграмму с приказанием наступление X армии немедленно приостановить, закрепившись на занятых местах, ликвидировать мнимый прорыв сосредоточением к Сувалкам резервов. Пока принимались меры для выяснения истинного положения дел, которое оказалось не соответствующим сведениям штаба фронта и для нас вполне благоприятным, потеряно много драгоценного времени»^[206].

С тактической и оперативной точек зрения сентябрьские Августовские бои являются русской победой. Независимый наблюдатель – представитель британского командования А. Нокс отмечает, что «вновь сформированная 10-я армия (В. Е. Флуга, позднее Ф. В. Сиверса) разбила германцев под Августовом»^[207]. Причем 10-я русская армия наносит поражение 8-й германской в ситуации «один на один».

Все три фазы операции выиграны русской стороной. Учитывая же, что операции 1914 г. характеризовались прежде всего борьбой за русский польский «балкон», сохранение оперативного «статуса-кво» можно засчитать в пользу русских. В. Е. Флуг так определял итоги деятельности своей армии: «Результатом двухнедельной сентябрьской операции X армии были: 1) Отражение противника от Немана и принуждение его к поспешному отходу; 2) деблокада Осовца; 3) овладение Августовом и нанесение сильному заслону немцев поражения в Августовских лесах; 4) очищение от противника почти всей нашей территории к западу от среднего течения Немана; 5) вторжение войск X армии в Восточную Пруссию с овладением гг. Лыком и Бялой; 6) лишение противника инициативы и возможности: а) предпринять что-либо против тыла наших армий, действующих на ср. Висле; б) усиливать за счет оставленных в Восточной Пруссии в ойск свою армию, назначенную для нанесения главного удара в Польше»^[208].

Русские потери В. Е. Флуг оценивает «за всю операцию с 15 по 27 сентября... до 20 000 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими»^[209]. Германские потери неизвестны, но всеми участниками сентябрьских боев в Восточной Пруссии они характеризуются как

исключительно высокие: «Неман был красным от крови»^[210]. Очевидец писал: «Потери немцев под Сувалками, по показаниям пленных, столь велики, что в некоторых их частях осталось не более 20 человек на роту. Весь путь отступления немцев усеян их трупами»^[211]. Урон противника оценивался цифрой до 60 тыс. человек^[212].

Мы будем более осторожны и вслед за авторитетным мнением генерала В. Е. Флуга, отмечавшего, что «потери немцев были не меньше наших»^[213], признаем их также не меньшими, чем 20 тыс. бойцов^[214].

Русские захватили до 3 тыс. пленных (2,5 тыс. взяты 10-й армией^[215]), 22 орудия, пулеметы, несколько десятков зарядных ящиков, автомобили, повозки обоза и разное другое имущество. Так, только в течение дня 20 сентября было захвачено до 1 тыс. пленных, 2 орудия и 7 автомобилей^[216].

Ожесточенность боев привела к тому, что обе стороны понесли крупные потери: до 20 % от общей численности германской и около 17 % – русской группировок.

Один из участников боев отмечал: «Все леса были перерыты окопами. Немцы осыпали нас тяжелыми снарядами, нанесли большой урон, но и сами страшно пострадали. Не выдержав, наконец, нашего натиска, они отступили, и мы дошли до Рачки, где с 23 по 25 сентября шел непрерывный артиллерийский бой. В лесах картина была ужасающая: непрерывные окопы оказались доверху заполненными трупами»^[217]. Или: «Мы подпустили их на очень близкое расстояние, по приказанию командира выкатили из-за прикрытия одно орудие и стали бить их колонны без наводки, по прямой. Расстояние между нами было всего около двух верст по равнине, и вся картина этого боя была как на ладони. Сколько здесь полегло немцев, сказать нельзя, но количество это огромно, так как при спешном наступлении мы нашли братскую могилу, где была приколоты записка с указанием 452 погребенных, далее с 42, а таких могил всюду было раскидано множество»^[218].

Успех был важен именно тем, что произошел в печальной памяти Восточной Пруссии, где: «Катастрофические неудачи, понесенные нами в августе 1914 г. ... сильно понизили дух в войсках. В общем, пессимистическое настроение возрастало снизу вверх и в штабах было, пожалуй, еще более подавленное, чем в войсках... О технической подготовке немцами театра войны, об эффектах их тяжелой артиллерии, броневых автомобилей и т. п. передавались из уст в уста подробности, граничившие с чудесными. Неприятельские летчики вызывали, особенно во второочередных частях, укомплектованных пожилыми людьми, никогда не видевшими этой

диковины, нечто вроде суеверного ужаса»^[219].

Б. Н. Сергеевский писал: «Об этой катастрофе (самсоновской. – А.О.) передавали какие-то нелепые рассказы: штаб 2-й армии, расположившийся где-то в лесной сторожке на пересечении германских шоссе, был будто бы неожиданно окружен колоннами броневых автомобилей и погиб в тылу своих войск. Одному генералу удалось будто бы выскочить в окошко и лесами добраться до Варшавы (?!). Повторяю эти нелепости для того, чтобы показать, во что претворились известные нам теперь в подробностях факты. А ведь этим нелепостям тогда верили, и старшие начальники чувствовали себя совершенно выбитыми из колеи привычных представлений о войне. Стали повсюду в тылу чудиться броневые колонны, шпионы, засады и т. п.»^[220]

Победа армии Флуга в Восточной Пруссии имела особое значение. А. И. Спиридович писал: «20 сентября войска 10-й армии взяли с бою Сувалки и продолжали теснить противника к границе. То была большая наша победа»^[221].

К концу сентября немцы перебросили в состав 8-й армии 25-й резервный корпус. Штаб русской 10-й армии вскрыл его присутствие. По словам В. Е. Флуга, «разведывательное отделение штаба 10-й армии установило прибытие к противнику нового корпуса...», который был переброшен в Восточную Пруссию, где, по мнению немецких авторов, «положение становилось серьезным ввиду нового вторжения русских на германскую территорию»^[222].

Ю. Н. Данилов отмечал: «...в Восточной Пруссии обнаружен был 25-й резервный корпус, предназначавшийся, по нашим сведениям, первоначально к отправлению на Западный фронт»^[223]. Немецкий военный историк О. Швинк, говоря о германских корпусах, направляемых для боев с союзниками на Изер и Ипр, поштучно назвал эти, бывшие тогда наперечет свежие соединения и был вынужден с досадой констатировать: «25-й резервный корпус был крайне необходим в Восточной Пруссии»^[224].

В проведенной операции действия В. Е. Флуга отличают грамотное управление войсками в лесистой местности, применение обходного маневра, что и дало русским победу. Ко дню прекращения наступления 10-я армия, несмотря на почти непрерывные десятидневные бои, оставалась (что, в общем-то, редкость для интенсивных сражений) вполне боеспособной. Фланги и тыл ударной группы были надежно обеспечены, собраны значительные резервы, перемешивание частей устранено.

Решительный генерал не боялся спорить с начальством, отстаивать

свою точку зрения, что и сказалось в будущем на его карьере. Так, в Стратегическом очерке войны приведен спор командарма с командующим фронтом: «Командарм-10 Флуг считает сложившуюся обстановку вполне благоприятной для атаки на Сувалки: II Кавказский, XXII и III Сибирский корпуса схватывают позицию противника, промедление атаки дает противнику время усилиться и усилить позицию, а потому решает 19 сентября (2 октября) начать атаку и просить содействия 1 армии.

Главнокомандующий генерал Рузский считает эту атаку преждевременной, так как в директиве фронта от 16/29 сентября указано, что Сувалки должны быть заняты к вечеру 22 сентября (5 октября), а потому не следует занимать город за 4 дня до срока. Генерал Флуг продолжал настаивать на своем решении, так как корпуса уже нацелены для атаки, и если не атаковать, то придется отходить, что может неблагоприятно отразиться на моральном состоянии войск»^[225].

Тактика В. Е. Флуга позволила русской пехоте проявить в Августовских лесах, где активно практиковались штыковой бой и рукопашные схватки, свои замечательные качества. Очевидец отмечал, что «одиннадцать часов в этот день здесь шел лесной бой на дистанции от двадцати до ста шагов. Подвигались медленно среди стволов деревьев, старых огромных сосен в два обхвата, перебегая через полянки, изрытые окопами, и выбивая немцев штыками. В лесу было тяжело тем, что утрачиваешь связь с соседними частями... Но стрелкам нравилось в лесу... Нравилось потому, что в лесу было “свободнее” от артиллерии. Только дороги осыпались непрерывным градом шрапнелей и гранат, а под деревьями было легко»^[226]. Как писал военный корреспондент: «Неприятель в этой пересеченной, запутанной местности обошел наших. Еще минута, – и те бы их перекололи, но кавказцы нашлись. Выскочили из своего окопа и, вместо того, чтобы податься в сторону, перебежкой ворвались в бывший перед ними неприятельский, штыковым ударом захватили его, на спинах спасавшихся оттуда немцев ворвались во второй ярус траншей, не дав опомниться его защитникам.... Окопы там, это – сплошная ткань, вышитая засеками. Ее бы следовало оставить такой, как она есть, вечным памятником русских солдат и их доблестных офицеров. Ворвись сюда кто-либо другой, – он бы попятился перед неодолимой позицией. Наши, усеивая все наши рвы и окопы своими трупами, брали штыками позицию за позицией. Немцы били их из глубоких провалов, поражали сверху, с деревьев, перебегая на коротких расстояниях из траншеи в траншею, продвинувшихся вперед поражали в спины из хорошо

замаскированных блиндажей, но не могли остановить дивные, воскрешавшие свою историческую славу полки... Обычный штыковой бой длится несколько минут, четверть часа. Эта эпическая схватка достойных друг друга витязей продолжалась два часа, – беспощадная, стойкая и беспримерная по неодолимой мощи напора. Люди заваливали трупами рвы и ямы. Товарищи проходили по их телам, стремясь скорее нащупать штыками отважных врагов. Ломались штыки. Ружья обертывали и работали прикладами. В окопах много именно таких искалеченных ружей. Рассказывают, что в августовских дебрях находили много тел, точно обнявшихся перед смертью. Умирали схватившись. Даже смерть не разжимала рук. Сейчас еще лежат массы павших. Восемь тысяч немцев похоронены только здесь... Но лишь отойдешь в сторону от дороги, – из рва или перепутавшейся поросли на тебя смотрят широко открытые остановившиеся глаза... Германская армия будет помнить Августовские леса»^[227].

Б. Н. Сергеевский отмечал: «Западная группа X армии, овладев районом Августова, успела создать серьезную угрозу сообщениям противника, что и повело к чрезвычайно упорным и кровавым боям 18 и 19 сентября в западной части Августовских лесов, примерно в районе Сувалки – Августов – Рачки. Бои эти, в значительной части штыковые, получили название “боев в Августовских лесах”. Они дали нам успех и сознание своей силы, противнику – огромные потери и панический ужас перед русским штыком. В результате – германцы отошли к границе и отказались от активности на всем фронте, севернее Вислы, что позднее повело и к потере ими части Восточной Пруссии»^[228].

Некоторые тактические новинки В. Е. Флуга осуществлялись параллельно с таковыми же у противника. Так, генерал Э. Людендорф, прибыв на Восточный фронт, придал крепостную артиллерию (орудия Торна, Познани и др. крепостей) действующей армии в качестве полевой, что блестяще себя оправдало, обеспечив за германцами артиллерийское превосходство, тем более важное, что русская пехота в смысле натиска, презрения к смерти и дисциплины оценивалась немцами чрезвычайно высоко.

В. Е. Флуг в целях хотя бы частично сравняться с немцами в артиллерийском отношении решил придать своим корпусам несколько превосходных 6-дюймовых гаубиц, находившихся в Осовецкой крепости и, по заявлению ее коменданта, ему не нужных. Но когда формирование полевых батарей из этих гаубиц уже находилось в завершающей стадии,

оно было отменено распоряжением главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Это распоряжение лишило армию нескольких мощных батарей, которые могли оказать значительное влияние на исход последующих операций.

Энергию и, можно сказать, «непоседливость» В. Е. Флуга отмечали и подчиненные. Так, Б. Н. Сергеевский вспоминал: «В Граеве, куда мы попали часов в 10 вечера, я узнал, что там имеется военный телеграф с Осовцом. В каких-то казармах я нашел этот телеграф. По телеграфу выяснил, что в Осовце только сам генерал Флуг. Штаб же X Армии еще не прибыл из Сибири, где он формировался. При генерале Флуге только какой-то капитан Генерального штаба... Я ему передал обстановку в нашем корпусе... Минут через 40 капитан Иванов передал мне ответ генерала Флуга. Решение командира корпуса вполне одобрялось. “Целую генерала Б. за его мужественное решение и молю Бога о победе”...»^[229]

При всей ограниченности целей и задач Первой Августовской операции, ее локальном характере она повлияла не только на ход боев на Русском фронте, но и на стратегическую обстановку для всей Антанты: германцы не смогли перебросить из Восточной Пруссии войска в Польшу, где осуществлялась успешная для России Варшавско-Ивангородская стратегическая операция.

А из Германии были оттянуты 2 дивизии – 49-я резервная и 50-я резервная (уже упомянутый 25-й резервный корпус), не попавшие на Французский фронт, что имело немаловажное значение в период развернувшихся боев на Изере. Этот корпус М. Гофманом оценен достаточно высоко: «Верховное командование придало этой армии (8-й. – А.О.) один из вновь сформированных корпусов, именно 25-й, хорошо себя показавший в бою»^[230]. В рассматриваемый период в боях у Ипра наступило определенное равновесие в силах, и целый корпус мог позволить германцам переломить ситуацию в свою пользу, но он отбыл в Восточную Пруссию.

Начальник штаба 10-й русской армии генерал барон А. П. Будберг отмечал пользу Первой Августовской операции для союзников по Антанте, называя ее операцией, «которая сломала, наконец, долгое и упорное сопротивление VIII немецкой армии, принудила ее отойти к Летцену и за р. Ангерапп и притянула на наш фронт немецкие резервы, облегчив этим союзников, изнемогавших в это время в ожесточенных боях у Ипра»^[231].

Успешное окончание операции привело к занятию русскими Сталлупенена и Гольдапа, выходу их к Мазурским озерам. Снова была

захвачена большая часть Восточной Пруссии. Но самое главное – это оттянутые резервы противника, в том числе в период напряженных боев союзников по Антанте во Фландрии. Это сказалось на стабилизации Французского фронта, что имело крайне неблагоприятные последствия для германской стратегии, в очередной раз не сумевшей добиться решительного результата.

Но, несмотря на успешные оперативные действия против 8-й германской армии, В. Е. Флуг за «опасную активность» 23.09.1914 г. был отстранен от занимаемой должности – прежде всего вследствие интриг генерал-квартирмейстера штаба фронта генерал-майора М. Д. Бонч-Бруевича, будущего ближайшего советника В. И. Ленина, по непонятным причинам противодействовавшего активным операциям 10-й армии. Так, перегруппировки войск армии встречались в штыки, зачастую (например, 27 сентября) следовали категорические предписания остановить наступление и т. д.

М. Д. Бонч-Бруевич в своей работе «Вся власть Советам» прямо говорит о т. н. стратегических вензелях Флуга: «Не многим лучше, нежели в 1-й армии, было положение и в 10-й, которой командовал генерал Флуг, тупой и чванливый немец. Вероятно, под влиянием военной литературы, в изобилии появившейся после Русско-японской войны, он вознамерился поразить мир своими стратегическими талантами. Решив окружить германские главные силы, Флуг начал проделывать какие-то непонятные маневры, сводившиеся к фронтальному медленному наступлению одних корпусов и к захождению плечом других... По моему настоянию генерал Флуг был вызван в Белосток... Вскоре Флуг был отчислен от должности и заменен более способным и разумным генералом»^[232]. В этой характеристике – весь М. Д. Бонч-Бруевич. Но вся мелочность и склочность этого, не отличающегося военными дарованиями деятеля отлично видна на страницах его работы, где нет хорошего слова ни об одном генерале, за исключением разве что Н. В. Рузского.

Стоит также отметить, что более «способный генерал» – В. Ф. Сиверс, – проводивший по настоянию командования фронтом столь любимую М. Д. Бонч-Бруевичем «линейно-крепостную» тактику в построении армии, проиграл Вторую Августовскую операцию в январе – феврале 1915 г., погубив 20-й армейский корпус.

Генерал-лейтенант барон А. П. Будберг, сравнивая нерешительного командующего 10-й армией В. Ф. Сиверса с ее бывшим командующим В. Е. Флугом, отмечал: «У меня не было и не могло быть никаких сомнений, что если бы в конце января 1915 года нашей X армией

командовал бы генерал Флуг, то он сам, никого не спрашивая, сразу же отдал приказ об отходе армии на восток, так как при спокойной и рассудительной оценке нашего тогда положения никакого иного решения быть не могло»^[233]. Оценил он и позицию командования фронтом: «... генерал Бонч-Бруевич не выносил резких и неправильных линий, выступов и загибов на схемах, украшавших стены его кабинета...»^[234] И «...В период успешных действий нашей армии еще при командовании ею генерала Флуга, а затем и во время нашего вторжения в Восточную Пруссию штаб фронта непрерывно вмешивался в наши распоряжения там, где этого вовсе не требовалось, заливал нас потоками самых мелких указаний, лез во все мелочи, учил, наставлял и пытался всячески подчеркнуть свое мудрое руководство... одним словом, делал все, чтобы показать, что и “они пахали”. Зато во времена тяжелых испытаний, неудач и заминок того же периода от этого вмешательства и руководства не оставалось и следа; наоборот, тогда надо было сделать очень много усилий чтобы добиться от штаба фронта каких-либо решений или указаний по самым важным вопросам его неоспоримой компетенции, раз эти указания или решения были связаны с возможностью последующей соприкосновенности с нашими неудачными и невыигрышными операциями»^[235].

А. П. Будберг так охарактеризовал тандем Рузский – Бонч-Бруевич: «В те времена фактическим Главнокомандовавшим Северо-Западным фронтом по оперативной части был достаточно всем известный и достаточно всеми презираемый и ненавидимый Бонч, великий визирь при совершенно выдохшемся Рузском, отдавшем все оперативные бразды правления в руки своей “Маскотты” (так он называл Бонч-Бруевича, приписывая ему все свои успехи на Австрийском фронте) и утверждавшем все, что докладывалось ему этим пустопорожним и безграмотным в военном деле честолюбцем, захлебнувшимся в доставшейся ему власти и не знавшим ни удержу, ни предела в проявлении последней»^[236].

Командующий Северо-Западным фронтом генерал от инфантерии Н. В. Рузский, показав свою недееспособность (выразившуюся, в частности, в отсутствии элементарной координации действий вверенных ему армий), нашел виноватого в приостановке наступления в лице энергичного командарма. Факты недовольства командующего фронтом В. Е. Флугом наблюдались и ранее. Так, уже на совещании, состоявшемся в Гродно в ночь на 18 сентября, на которое были приглашены командующие 1-й и 10-й армиями с их начальниками штабов, генерал Н. В. Рузский

выразил сожаление, что дал свое согласие на атаку Августова, так как это «положило начало всем последующим “рискованным предприятиям” 10-й армии». А командующему последней было поставлено на вид, что, «увлекаясь несбыточными утопиями, вроде окружения и уничтожения неприятельских корпусов, – несбыточными в силу невозможности для нас “состояться с немцами в искусстве маневрирования”, – армией упускается из виду данная ей задача...»^[237]

Как отмечал А. А. Керсновский: «В общем, наша 10-я армия нанесла поражение VIII германской. Несмотря на одержанную победу, командовавший ею генерал Флуг был отрешен от должности: его неизменно наступательные директивы пугали малодушного главнокомандовавшего фронтом и его штаб. В его действиях Рузский и Бонч-Бруевич усмотрели “опасную активность”. Штаб фронта запретил 10-й армии использовать августовскую победу фланговым ударом... от Граева в тыл германцам и предписал корпусам действовать исключительно кордонным расположением – плечом к плечу»^[238]. «Взяв Сувалки 20 сентября, генерал Флуг навлек на себя величайший гнев генерала Рузского за недостаток “методики”. Гофкригсрат Северо-Западного фронта заранее (16 сентября) назначил взятие Сувалок на 22-е число»^[239].

Промедление решения командующего фронтом и перенос продолжения наступления 10-й армии с 20 на 24 сентября стали главной причиной неудачи возобновившихся атак. При том, что сам командующий фронтом, командиры 3-го Сибирского, 22-го армейских корпусов и комендант Осовецкой крепости были награждены, командующий 10-й армией и начальник штаба армии генерал-лейтенант С. Д. Марков были отчислены от должностей «в распоряжение»: первый – Верховного главнокомандующего, а второй – главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта.

Так завершилась самая успешная из операций В. Е. Флуга.

Следует отметить, что В. Е. Флуг был одним из тех русских генералов, кто понимал значение морального фактора в современной войне. Выдающийся теоретик и практик военного дела, византийский император Маврикий писал в своем трактате, что для поднятия морального духа войск необходимо одерживать тактические успехи, пусть стратегически и не нужные, но позволяющие воинам ощутить вкус победы и приободриться (при виде трофеев и пленных) перед грядущими сражениями.

В. Е. Флуг был полностью солидарен с полководцем древности. Он писал: «Начальствующими лицами всякое активное предприятие с нашей

стороны признавалось “опасным”, “рискованным” и т. п., несмотря на то что ежедневно немцы на наших глазах с явным намерением бить по нервам противника позволяли себе несравненно более дерзкие предприятия, сходявшие им с рук совершенно безнаказанно. Словом, в нас начинало закрадываться пагубное сознание превосходства врага – залог будущих поражений. Чтобы такое душевное состояние не передалось вновь прибывающим на Восточно-Прусский фронт войскам, казалось необходимым придать их действиям, в пределах данной стратегической задачи, возможно активный характер, пользуясь “нахальством” противника для одержания над ним первоначально хотя бы небольших успехов»^[240].

Он понимал огромное значение пусть стратегически и ненужной победы русского оружия именно в Восточной Пруссии. Германцы разделяли этот подход, оголив Французский фронт переброской войск на данный театр военных действий.

И, как считал сам командарм, он переломил моральную ситуацию, в том числе применительно к нижестоящему командному составу: «Расстроенный августовскими неудачами XXII корпус во второй половине сентября уже лихо наступает и блестяще атакует противника, ведя в течение целой недели тяжелый бой с неослабевающей энергией; командир III Сибирского корпуса, получив 18 сентября несоответствующее, по его мнению, приказание приостановить наступление, объявляет приказание подложным и на свой страх и риск продолжает атаковать, заслужив своим войскам название чудо-богатырей; начальник 1-й кавалерийской дивизии в бою у дер. Курьянка самоотверженно выручает свою пехоту; командир II Кавказского корпуса с занятием Сувалок не считает свою задачу выполненной, но, обнаружив противника, занятого укреплением позиции, атакует его, подчинив себе подошедший к полю боя корпус соседней армии; комендант крепости Осовца, не поддаваясь эффекту грозной германской артиллерии, в короткое время посылающей ему 50 000 снарядов и взрывающей часть его боевого комплекта (который за недостатком погребов наполовину лежит открыто на земле), доблестно ведет неравный бой на передовых позициях и отражает врага; командир Туркестанского корпуса по своему почину атакует и, искусно маневрируя, берет укрепленный Лык, после чего немедленно посылает половину своего корпуса в помощь соседу; штаб армии, несмотря на свежесть впечатления от падения твердынь Льежа, Намюра и Мобежа, не поддается действию энергичной демонстрации немцев под Осовцом, грозящей прорывом оборонительной линии Бобра и крушением левого фланга армии, настойчиво и без колебаний проводя свой план сосредоточения сил армии к

правому флангу. Все эти проявления положительных личных качеств командного состава X армии... были вызваны к жизни данным армией наступательным импульсом и тем успехом, которым он с самого начала сопровождался. При этих условиях, не боясь ошибиться, можно сказать, что, будь маневренная способность и техническое снабжение наших войск на том же уровне, как у противника, размеры понесенного им поражения и стратегические результаты нашего наступления в сентябре 1914 г. были бы несравненно значительнее»^[241].

В трудную пору – боевая служба в период кампании 1915 г.

В период нахождения в резерве, как вспоминал Василий Егорович: «В октябре 1914 г., состоя в распоряжении Верховного Главнокомандующего, я получил от Его Императорского Высочества (Великого Князя Николая Николаевича. – А.О.) повеление вновь сформировать XIII армейский корпус, почти целиком погибший катастрофе, которая в августе месяце того же года постигла нашу 2-ю армию генерала Самсонова в Восточной Пруссии»^[242].

Но ситуация вновь изменилась – и после продолжительного бездействия 08.06.1915 г. В. Е. Флуг был назначен командиром 2-го армейского корпуса, которым он командовал по май 1917 г. Фактически это понижение в должности для бывшего командующего армией, генерала от инфантерии (6 декабря 1914 г. ему был присвоен этот чин).

Но В. Е. Флуг хотел быть полезным Отечеству, что доказал впоследствии.

В ходе летней кампании 1915 г. русские войска перешли к стратегической обороне – противник, сосредоточив основные усилия на Русском фронте мировой войны, пытался добиться решительных целей.

В. Е. Флуг отличился при осуществлении Виленской операции 1915 г. и локализации Свенцянского прорыва, за что был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Как явствует из Высочайшего приказа о военных чинах от 9 января 1916 г.:

«Утверждается пожалование главнокомандующим армиями Западного фронта за отличия в делах против неприятеля по удостоению Местной Георгиевской Кавалерской Думы ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени командиру 2-го армейского корпуса генералу от инфантерии Василию Флугу за то, что в период Виленской операции в сентябре 1915 г., когда противник задался целью разъединить войска Северного и Западного фронтов и врезался клином между 5-й и 10-й армиями, а конница его, направленная в район Молодечно, оперировала в тылу 10-й армии и когда для противодействия замыслам неприятеля была выделена группа корпусов под общим руководством генерала Флуга, он не только удержал натиск противника, но, переходя в наступление частями группы корпусов, приковывал силы противника. Результатом проявленных

генералом Флугом энергии, мужества и искусного руководства замысел германцев был парализован, и генерал Флуг, выдержав бой с превосходным по силам противником, выручил своих от грозившей им опасности»^[243].

Смелым и широко задуманным Свенцяньским прорывом немцы стремились достигнуть важной оперативно-стратегической цели. Они хотели окружить русские армии, прижать их к бездорожной лесисто-болотистой полосе между линией Лида – Молодечно и р. Неманом, прервать железно-дорожные линии на Полоцк и Минск и разгромить крупную группировку русских войск. Но последняя маневренная операция на Восточном фронте цели не достигла – германцы были частью оттеснены в нарочские болота, частью уничтожены, и фронт окончательно стабилизировался. Исследователь Свенцяньского прорыва Н. Евсеев писал: «Следует отметить, что отход войск Западного фронта был достаточно толково организован всеми командными инстанциями, а отрыв частей от немцев в тактическом отношении был выполнен безукоризненно. При этом немцы не выказали достаточной бдительности, обычной в условиях непосредственного соприкосновения противника. Благодаря вышеприведенным обстоятельствам русским удалось отлично отойти, особенно из исходящего угла 10-й армии»^[244].

Вышеуказанный специалист дал следующую оценку Свенцяньского прорыва: «Немцы задались целью окружить 10-ю русскую армию и правый фланг 1-й армии, т. е. окружить десять русских корпусов, до того уже истощенных и представлявших, в общем, примерно десять дивизий по числу штыков, пулеметов и орудий, если сравнить со штатной их численностью. Для этой операции немцы располагали примерно такими же силами, и примерно в такой же степени истощенными... операция по окружению успехом не увенчалась: русские оставили Вильну и отошли на всем фронте. Немцы выиграли пространство. Иными словами, операция не привела к решительному результату. Правда, некоторые германские авторы в своих мемуарах пишут о 30 000 пленных, но это мы берем под сомнение. Что же касается поражения тех или иных частей и соединений, то в ходе операции та и другая стороны наносили друг другу частные поражения, которые привели и тех и других к потерям, большим или меньшим, но ни один полк не был окружен и взят в плен. Если бы эта операция преследовала цель не окружения, а овладения Виленским районом, то представляется, что немцы могли этого добиться более дешевой ценой, чем та, которую они заплатили разгромом их конницы»^[245].

И огромна роль в ликвидации прорыва противника частей 2-го

армейского корпуса 10-й армии, командиром которого был В. Е. Флуг. Более того, ему было доверено командование группой корпусов (2-й и 5-й армейские, Гвардейский, 3-й Сибирский армейский) – фактически армейской группой.

Группа В. Е. Флуга сыграла решающую роль в сражении.

26-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса уже с начала операции выполняла ответственные задачи командования армией и фронта, а 3-я гвардейская и 2-я пехотная дивизии с приданной конницей генерала Тюлина 15 сентября выполняли следующий приказ – отбросив противника за Вилию, оборонять позиции от Михалишки до Буйвидзы.

Контрудар 2-го армейского корпуса с 16 сентября и последующие бои во многом способствовали выравниванию оперативной ситуации. Как отмечал Н. Евсеев: «Нам кажется, что главная заслуга в успешном проведении этой операции принадлежит 3-му сибирскому и 2-му армейскому, отчасти гвардейскому и 1-му кавалерийскому корпусам, ограничившим охват с востока и обеспечивавшим развертывание 2-й армии. Только благодаря этому развертыванию войска 10-й армии получили пути для своего отхода на восток. 10-я армия, дравшаяся с перевернутым фронтом, вернее, полукольцевым фронтом, стремилась перегруппировкой сил с левого фланга усилить свой правый фланг и выпрямить фронт»^[246]. Также войскам группы В. Е. Флуга «...принадлежит вместе с 1-м конным корпусом та заслуга, что они положили предел охвату армии германской пехотой»^[247].

Сам Василий Егорович в составленной 14 февраля 1916 г. записке о действиях вверенной ему группы корпусов писал:

«Задача, возложенная на группу, видоизменяясь в подробностях по дням, в общем сводилась к тому, чтобы, сдерживая напор противника с запада, энергичными действиями в северном направлении не давать немцам перебрасывать войска в прорыв, образовавшийся между 5-й и 10-й армиями, в тыл последней, впредь до выхода в этот промежуток корпусов 2-й армии. Задача усложнялась тем, что к моменту фактического вступления моего в командование группой кавалерия противника, усиленная пехотными частями, успела проникнуть довольно глубоко в тыл 10-й армии, перерезав тыловые пути войск группы и прервав железную дорогу Полоцк – Молодечно – Вильна, что не замедлило с самого начала отразиться на подвозе войскам всего необходимого, главное же – ружейных и пушечных патронов. Другой неблагоприятной данной для развития энергичных действий являлось то, что, за исключением 3-й гвардейской

пехотной дивизии, все остальные пехотные части группы были до крайности ослаблены и сильно расстроены почти непрерывными боями предшествующего месяца; в среднем в полках состояло налицо менее 1/3 штатного боевого состава. Группа вела бой одновременно фронтом на запад, север и восток; нахождение сверх того в юго-восточном от группы направлении частей противника, силы коих преувеличивались от донесений тыловых учреждений, создавало иллюзию почти полного окружения...

Если задача, возложенная на группу, была достигнута, а именно: немцам, прикованным к фронту группы энергичными и доблестными действиями ее частей, не удалось направить вслед за своей прорвавшейся конницей крупных пехотных частей (что дало возможность 2-й армии своевременно примкнуть к правому флангу 10-й армии), то справедливость требует указать, что результат этот, сведший на нет всю задуманную немцами операцию окружения 10-й армии и сопровождавшийся взятием трофеев – 5 пулеметов и 125 пленных, был достигнут благодаря талантливой, неутомимой, самоотверженной работе моего штаба...»^[248].

С ноября 1915 г. по октябрь 1916 г. корпус В. Е. Флуга входил в состав 7-й армии Юго-Западного фронта. В этот период 2-й армейский корпус участвовал в неудачном наступлении 7-й армии 16–25 декабря 1915 г., в ходе операции на р. Стрыпе 14 декабря 1915 г. – 6 января 1916 г.

Противник занимал сильно укрепленные позиции, имеющие 2–3 ряда окопов с широкими полосами проволочных заграждений. Австрийские позиции на участке прорыва 7-й армии были уже далеко не теми, с которыми приходилось иметь дело русским войскам в сентябре: они были значительно усилены и укреплены в расчете на применение русскими войсками тяжелой артиллерии. Оборонительные позиции все время совершенствовались, адаптируясь к зимним погодным условиям и с учетом германского боевого опыта на Французском фронте. Австрийские позиции (особенно узловые опорные пункты и ключевые высоты) были фактически превращены в крепости. Так, высота 382 была, как отмечает архивный документ, «очень укреплена», так же как и окопы противника на западном берегу р. Стрыпы, между Гайворонкой и Вельневкой. Пространство между высотой 382 и Бурканувским лесом фактически представляло из себя тактический «мешок», в который попадала пехота наступающего. Противник не просто занимал господствующие высоты – они имели между собой огневую связь и фактически входили в состав единого оборонительного комплекса.

Главный удар в ходе операции наносил 2-й армейский корпус, в основе

тактических действий которого лежали элемент внезапности и факторы быстроты и энергичности при нанесении удара.

Автору удалось найти в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) неизвестный, но чрезвычайно интересный документ, составленный В. Е. Флугом Доклад от 28.12.1915 г. командира 2-го армейского корпуса командующему 7-й армией о действиях корпуса с 17.12. по 26.12. в период операции на Стрыпе^[249].

Как писал В. Е. Флуг: «Веря в способность приданной тяжелой артиллерии на несколько часов пробить брешь шириною в 2 версты, высокий подъем духа наших войск – все это побудило произвести атаку 17 декабря, без систематической подготовки, вслед за овладением передовыми позициями противника.

Сопряженный с таким образом действий риск, казалось, уравновешивался меньшей готовностью противника, захватываемого врасплох, а результаты в случае успеха могли быть гораздо плодотворнее, т. к. неприятель не успел бы противопоставить новые преграды нашему решительному наступлению на р. Стрыпа».

2-й армейский корпус задействовал 84 орудия штатной артиллерии, всю приданную армии тяжелую артиллерию (36 орудий) и гаубичный дивизион 16-го армейского корпуса (12 орудий) – всего 72 легких и 60 тяжелых орудий. Плотность артиллерии – около 17 орудий на 1 км фронта, что для условий позиционной войны было крайне недостаточно.

Налицо общий недостаток сил и средств при осуществлении прорыва глубокоэшелонированных позиций противника. Все это принесло свои плоды.

Вследствие малочисленности тяжелой артиллерии обработать огнем всю полосу прорыва не представлялось возможным, и для прорыва 17 декабря был намечен 4-км участок (господствующие высоты 382–384 и позиции между ними). Главные усилия В. Е. Флуг направил на высоту 382 (ее должна была атаковать 26-я пехотная дивизия, усиленная дивизионом 43-й артиллерийской бригады) и на высоту 384 (атака была возложена на два полка 43-й пехотной дивизии с дивизионом артиллерии). Два полка 43-й пехотной дивизии и 3-я Туркестанская стрелковая бригада составили резерв командира корпуса для развития успеха.

Надежда на эффект внезапности не оправдалась, а для ведения «систематического огня» снарядов было недостаточно. Пехота нашла проволочные заграждения целыми по всему фронту и, когда пыталась разрушить их своими средствами, была встречена сильным ружейно-пулеметным огнем с флангов позиции и отошла на свои исходные позиции.

«Атака 17 декабря хотя и не удалась, но неуспех ее... можно было приписать тактическим ошибкам (не поддержание передовых войск, прорвавшихся за проволочные заграждения, недостаточное подпирание резервами) и только отчасти дефектам артиллерийской подготовки, зависевшим, между прочим, от неблагоприятной погоды», – писал в отчете В. Е. Флуг.

Русская артиллерия молчала всю ночь, позволив противнику оправиться от потерь и восстановить позиции. Это объяснялось как нехваткой боеприпасов, так и необходимостью перегруппировки батарей, т. к. малочисленная артиллерия 7-й армии не могла в должной мере подготовить наступление на всем участке прорыва, ширина фронта артиллерийской подготовки была сокращена еще вдвое. Это вызвало перемещение орудий и, как следствие, новую потерю времени.

18-го декабря наступление продолжилось.

Перед наступлением в этот день огонь артиллерии был сосредоточен уже на 2-км участке. Артиллерийская подготовка длилась полчаса. Окопы противника серьезно пострадали, но проволочные заграждения были разрушены только в одном месте. В итоге лишь 2–3 ротам удалось ворваться в расположение противника, но они попали под фланговый огонь и огонь из второй линии обороны – и атака вновь была отбита.

«Ввиду этого, чтобы использовать не успевший еще остыть наступательный порыв войск и имевшиеся вполне свежие резервы, я решил повторить атаку на следующий день, потребовав от войск устранения замеченных недочетов, а от артиллерии – для большей действенности огня – сосредоточения ее подготовки на значительно более узком фронте... на высоте 382.

Опять-таки атака не удалась... на этот раз еще большее число войск успело ворваться в окопы противника, а успех был не использован, а затем потерян только благодаря недочетам в управлении войск при условии наступившей темноты...»

Вследствие необходимости выделения дополнительного времени русской тяжелой артиллерии, осуществлявшей пристрелку, следующая атака началась лишь 21 декабря – противник получил 2 дня на укрепление обороны. О неожиданности наступления в дальнейшем думать уже не приходилось.

Главным действующим лицом на этом этапе наступления была 43-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса – ей была передана вся тяжелая полевая артиллерия (24 гаубицы и 12 пушек), а также один легкий и два горных артиллерийских дивизиона 26-й пехотной дивизии – 18 полевых 76-

мм и 24 горных 76-мм орудий. Фронт атаки был еще более узким – 400 саженей (менее километра). Тяжелая артиллерия должна была пробить дорогу частям прорыва, а мортирные дивизионы получили задачу обстреливать соседние боевые участки. Причем тяжелая артиллерия получила и специальную задачу – пробить два прохода в проволочных заграждениях. Для достижения нужного эффекта перед началом наступления должно было пристреливаться каждое орудие.

Части 43-й пехотной дивизии дошли до проволочных заграждений и преодолели две полосы обороны противника (необходимые проходы были сделаны), но были остановлены на 3-й полосе обороны австрийцев. Последняя фактически осталась не поврежденной. В ходе артиллерийской подготовки позиции первых двух линий обороны (прежде всего проволочные заграждения) были разрушены, но живая сила австрийцев, укрывшаяся в убежищах, пострадала незначительно.

Под воздействием сильного флангового стрелково-артиллерийского огня с наступлением темноты русские части отошли в исходное положение.

В. Е. Флуг писал: «...так как намерения наши после 17 и 18 декабря не могли остаться тайной для противника, который... принимал меры для парирования занесенного удара, то приходилось заняться более тщательной подготовкой.

На новом, намеченном для удара участке были детально разведаны важнейшие цели, которые и распределены между дивизиями и батальонами, артиллерийские позиции и наблюдательные пункты выдвинуты возможно больше вперед, налажена самая тесная связь между артиллерией и пехотой. Для производства атаки была назначена другая дивизия корпуса, сравнительно свежая, на подготовку к предстоящей задаче ей было предоставлено время по 21 декабря, когда и была произведена атака (3-я по счету) на опорный пункт противника на высоте 384.

Атака опять успеха не имела. На этот раз не удалось даже небольшой части войск проникнуть за проволочные заграждения, результат ограничился только некоторым продвижением вперед нашего фронта, местами вплоть до заграждений, но преодолеть их войска оказались не в силах ввиду отсутствия достаточного числа готовых проходов.

Таким образом, на этот раз слабые результаты артиллерийской подготовки проявились с еще большей очевидностью; кроме того, оказалось, что уничтожение препятствий другими принятыми средствами, широко отпущенными атакующей дивизии, не дали достаточного результата.

Некоторое утомление войск, как следствие крайне тяжелых жизненных условий (сырость, отсутствие всякого жилья, недостаточность подстилки и топлива), также сказалось в ходе боя 21 декабря.

К огромным потерям от огня противника, понесенным во время наступления и при беспрестанном обстреле наших окопов, стали присоединяться потери от болезней в угрожающих цифрах, низведшие части до 30–15 % от штатного состава».

25 декабря приданная 2-му армейскому корпусу 3-я Туркестанская стрелковая бригада двинулась в атаку. Она захватила участок позиции противника – высоты юго-восточнее Куйданова, но не смогла закрепиться на них и была отброшена в исходное положение. Вторичная атака также окончилась неудачей.

Василий Егорович следующим образом комментирует наступление бригады у Бобулинце: «Необходимо было – или возможно скорее сделать еще одно крайнее усилие для выполнения задачи, возложенной на корпус, или совершенно от нее отказаться.

Располагая еще частью сравнительно мало еще пострадавшей – 3-й Туркестанской стрелковой бригадой и надеясь что остальные войска окажутся способными дать еще последнее напряжение энергии хотя бы для того, чтобы выйти из неимоверно тяжелых условий своего существования (с 21 декабря в довершение к прежним бедствиям наступила полная оттепель, превратившая окопы в сплошную грязь и до крайности затруднившая все подвозы). Я назначил на 25 декабря четвертую атаку высоты 384 туркестанскими стрелками.

В артподготовку к этому новому удару были внесены все поправки и усовершенствования, которые указывались предыдущим опытом. Особое внимание – ввиду заявления начальника бригады о недостаточности обучения его частей разрушению и преодолению искусственных препятствий – было обращено на саперную подготовку, которая на этот раз в связи с разрушениями, произведенными артиллерией, дала действительно блестящий результат, т. к. на фронте главной атаки оказалось до 15 сквозных проходов.

Это помогло стрелкам, проявившим большой порыв в наступлении, почти безостановочно достигнуть опорного пункта противника и захватить его, но введение австрийцами в дело свежих сил положило предел наступлению.

Потеря туркестанцами, при первоначальном преследовании противника и захвате многочисленных пленных и трофеев, порядка, недостаточно быстрое выдвигание вследствие чрезмерного истощения

людей, резервов, назначенных из состава 43-й дивизии, – все это привело к тому, что захваченное, за исключением двух пулеметов и 1000 пленных, было утрачено. С уверенностью можно сказать, что если бы свежая бригада 16-го армейского корпуса, прибывшая в д. Метеушовку к 3 часам дня 25 декабря, находилась там хотя бы 8—10 часами раньше, то высота 384 осталась бы за нами.

26 декабря началась смена корпуса войсками 16-го армейского корпуса, а в ночь на 28-е корпус окончательно сменился и отошел в армейский резерв».

На каждом этапе операции имелись свои тактические просчеты, но был приобретен горький опыт того, что в условиях позиционной войны недостаточными силами нельзя штурмовать укрепленные позиции противника.

Вместе с тем русские войска приобрели опыт штурма эшелонированной обороны, а тактические уроки и выводы, вынесенные и усвоенные русским командованием по результатам тяжелых боев на Стрыпе, позволили 7-й русской армии блестяще осуществить операцию по прорыву обороны противника на Стрыпе впоследствии – в ходе летнего наступления Юго-Западного фронта 1916 г.

«Эпидемический прорыв» – во главе 2-го армейского корпуса в кампании 1916 г.

При подготовке наступления Юго-Западного фронта 1916 г. командующий 7-й армией генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев принял решение прорвать фронт противника именно на участке корпуса В. Е. Флуга у Язловца.

Василий Егорович применил массирование имеющихся сил и средств (9 полков на 7-км фронте – т. е. 75 % войск корпуса было сосредоточено на направлении главного удара)^[250], организовал штурмовые плацдармы, позволяющие осуществить сближение с противником с минимальными потерями, артиллерия в целях сохранения секретности заняла свои позиции лишь за 2 дня до атаки. Инспектор артиллерии сосредоточил в своих руках руководство всеми артиллерийскими частями прорыва. Особое значение придавалось грамотной организации связи. Все это и принесло блестящие тактические результаты.

24 мая корпус (левый фланг армии – направление главного удара) перешел в наступление, имея в своем составе (с приданными частями) 26-ю и 43-ю пехотные, 3-ю Туркестанскую стрелковую и 6-ю Донскую казачью дивизии.

В первый же день были заняты 2–3 линии окопов, отбиты ночные контратаки противника, и в дальнейшем корпус был лидером армейского наступления, сбивая неприятеля и закрепляясь на новых позициях.

К концу 25 мая противник был окончательно сломлен, а 26 мая авангарды 2-го армейского и 2-го конного корпусов сбили удерживающиеся на левом берегу р. Стрыпа арьергарды австрийцев.

В боях у г. Язловца корпус Василия Егоровича сбросил в р. Стрыпа 13-й австро-венгерский армейский корпус, взяв в плен свыше 9,5 тысячи человек.

При проведении операции сказался значительный боевой опыт Флуга.

Так, как отмечает исследователь Брусиловского наступления Л. В. Ветошников, «...по всему фронту армии началась артиллерийская подготовка, организации которой было уделено особое внимание на участке ударного 2-го армейского корпуса. Штабы начальников артиллерийской и ударной групп этого корпуса работали в полной связи между собой, сверяя донесения о разрушениях в проволочных

заграждениях и окопах противника с наблюдательных артиллерийских пунктов и от начальников пехотных частей. На основании личных наблюдений и указанных донесений штабом артиллерийской группы делались распоряжения о переносе огня тяжелых и гаубичных батарей с разрушенных участков на новые и о взятии разрушенных участков под огонь легких батарей. Чтобы не позволить противнику за ночь восстановить разрушенные заграждения и окопы, а также для того, чтобы держать его все время в нервном напряжении, огонь продолжался без перерыва днем и ночью»^[251].

Атака была молниеносной, 15-я пехотная дивизия австрийцев была в значительной степени уничтожена. В приказе командующего армией прозвучало: «Молодецкие части 2-го армейского корпуса и Туркестанской дивизии новым дружным натиском опрокинули австрийцев, ворвавшись на их плечах в Язловец, захватив много пленных и трофеев. Австрийцы в беспорядке отступают за Стрыпу...»^[252]

А. А. Керсновский дал такую оценку Язловецкой операции: «Прорыв II армейского корпуса генерала Флуга удался блестяще. Позиции у Язловца, считавшиеся германцами неприступными (и модель которых была выставлена в Берлине и Вене), были сокрушены туркестанскими стрелками 3-й дивизии, поддержанными справа 26-й, слева 43-й дивизиями. 13-й австро-венгерский корпус был сброшен в Стрыпу»^[253].

Только с 24 по 29 мая частями 2-го и 16-го армейских корпусов были захвачены в плен 414 офицеров, 17 тыс. солдат, 29 орудий, 66 зарядных ящиков, 7 бомбометов.

Австрийцы назвали прорыв на Стрыпе «эпидемическим».

Успех операции во многом был обеспечен тактически грамотными действиями В. Е. Флуга. Русский военный деятель А. Незнамов писал: «Язловецкий прорыв... показывает, что и с небольшими средствами, но хорошо использованными, можно делать большие дела и... Что боевые успехи, обусловленные особыми заботами и умением начальства, лучше всяких слов и приказов будят в массе... спортивное чувство и через него – дисциплину»^[254].

На июньской стадии брусиловского наступления 7-я армия наступала на линию Бржежаны, Подгайцы, Монастержиска.

Сводка за 22 июня так обозначила успехи корпуса В. Е. Флуга: «...во 2-м армейском корпусе части 26-й и 43-й пехотных дивизий энергичным натиском овладели первой линией окопов австрийцев на всем фронте, местами заняты две линии. При продвижении дальше части 43-й дивизии

встречены сильнейшими контратаками подошедших значительных сил австрийцев. Произведенные до сего времени шесть контратак отбиты, части 26-й дивизии подошли к сильно укрепленной высоте 403, Бариш, 3 версты западнее мест. Бариш. При атаке корпусом взяты пленные (пока зарегистрировано до 2000), пулеметы и минометы. Всю ночь противник вел беспорядочную стрельбу, в 23 часа повел наступление на 171-й полк, но был отбит, причем взято более 300 пленных при 6 офицерах; около 5 час. вновь повел наступление на 171-й и 102-й полки, – атака отбивается огнем»^[255].

Стратегический очерк войны так сообщает о ходе боев в этот день: «Части II корпуса перешли в энергичное наступление и опрокинули неприятеля; на всем фронте корпуса австрийцы стали отступать на запад и юго-запад, преследуемые кавалерией; пехота II корпуса дошла до р. Барышки. Произведенные на следующий день контратаки австрийцев были отбиты»^[256].

«Трофеи 2-го армейского корпуса за 21 и 22 июня – по приблизительному подсчету: офицеров 162, нижних чинов пока зарегистрировано свыше 6000, пулеметов 29, бомбометов 6, минометов 3, орудие одно 1,5-дюймовое, более 5000 винтовок и баллоны с горючей жидкостью»^[257].

В ходе июньских боев у Гайворонка корпус Василия Егоровича вновь ждал успех – опрокинутые австрийцы оставили в руках русских войск 186 офицеров, 7 тысяч солдат, 29 пулеметов, более 5 тысяч винтовок и много другого военного имущества.

Создавалась благоприятная обстановка для развития успеха, но у командующего 7-й армией не было подвижной группы, которую можно было бы бросить в прорыв для развития успеха.

В начале июля главные силы 7-й армии были нацелены на Галич – Станислав. 2-й армейский корпус должен был прорвать позиции австрийцев на р. Коропец, на участке Слободка, Залесье и выйти на фронт Монастержиска – Вычулки для действий в тыл Савалуски с целью разгрома германской группировки в районе Монастержиска – Савалуска – О леша.

15 июля 2-й армейский корпус В. Е. Флуга в тяжелых условиях местности и под огнем противника форсировал болотистую р. Коропец на участке Чехов, Залесье и ворвался в первую линию австрийских окопов.

В то же время попытка остальных корпусов прорвать оборонительную полосу противника не удалась.

31 июля ударом по Южной германской армии Ф. фон Ботмера 7-я

армия начала победное сражение под Збаражем – именно корпус В. Е. Флуга форсировал Золотую Липу и взял г. Збараж. Трофеями армии стали 166 офицеров, 8415 нижних чинов, 4 орудия, 19 пулеметов, 11 бомбометов.

В августе армия нанесла поражение Южной германской армии на рр. Золотая и Гнилая Липа. Причем корпус В. Е. Флуга у Нараевки вел бои с отборными германо-турецкими частями.

С октября 1916 г. корпус Василия Егоровича действовал в составе 9-й армии Юго-Западного, а с декабря 1916 г. – Румынского фронта.

Конец карьеры

В. Е. Флуг принадлежал к числу волевых и решительных генералов русской армии, был человеком прямым и открытым, сторонником активного маневра – и неудобным подчиненным. И это в то время, когда, по замечанию А. П. Будберга, долгое время служившего на различных должностях в русской армии, «мы и вышли на войну с таким старшим командным составом, среди которого было множество лиц высокой воинской доблести и с самым блестящим стажем мирного времени, но было сравнительно очень мало начальников с сильным самостоятельным характером, с настоящим гражданским мужеством и с достаточно развитой способностью бестрепетного и сознательного принятия на свою единоличную и не ограниченную по размерам ответственность самых смелых и самых рискованных, но требовавшихся обстановкой и интересами общего дела решений, не считаясь при этом со своей личной судьбой и со всеми последствиями, которыми эти решения могли бы грозить в случае неудачи или неуспеха. А между тем война вообще, а тяжелые боевые кризисы и катастрофы в особенности требовали старших начальников как раз той категории, которой мы были так бедны. За это мы и заплатили тем, что произошло с нашими армиями и в Восточной Пруссии, и в Галиции, и на Завислинском театре военных действий»^[258].

К категории генералов, оказавшихся на своем месте, и принадлежал В. Е. Флуг.

Временное правительство избавилось от многих заслуженных генералов, в их числе был и Василий Егорович. С 30.05.1917 г. он состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа.

Активная жизненная позиция не позволила генералу остаться в стороне в период Гражданской войны. Но служил он на административных должностях.

После октября 1917 г. Василий Егорович уехал на Дон. 14 ноября 1917 г. Флуг с семьей прибыл в Новочеркасск и предложил свои услуги генералу М. В. Алексееву, формировавшему Добровольческую армию. В декабре 1917 г. он был в нее зачислен.

Весной 1918 г. В. Е. Флуг в качестве представителя Добровольческой армии был командирован в Сибирь и на Дальний Восток. Генерал-лейтенант А. С. Лукомский писал: «Придавая большое значение Сибири и Поволжью, генерал Корнилов послал в Сибирь ряд писем к местным

политическим деятелям (в том числе Пепеляеву), и по его просьбе генералом Алексеевым был командирован туда генерал Флуг, на которого была возложена задача ознакомить сибирских политических деятелей с тем, что делается на юге России, постараться объединить офицеров и настоять на создании там противобольшевистского фронта»^[259].

Командировка Флуга носила как военный, так и политический характер – он должен был возглавить сибирский отдел Союза защиты Родины и Свободы. По приезде в г. Харбин Василий Егорович был назначен военным министром в составе «Всероссийского правительства», входил в состав Дальневосточного комитета, занимая должности во властных структурах Дальневосточного региона.

После возвращения на Юг России в 1919 г. он занимался отчислением офицеров, годных для боевой службы, из непомерно разросшихся тыловых учреждений. В сентябре 1919 г. Флуг был назначен помощником по военной части главноначальствующего и командующего войсками Киевской области.

После оставления Киева эвакуировался в Крым. А в 1920 г., после оставления русскими войсками Крыма, уехал в Югославию. Служил в югославском Военном министерстве, занимался писательской деятельностью.

В своих работах генерал подчеркивал волевою природу руководства войсками, предлагая все усилия при обучении и воспитании командных кадров сосредоточивать на развитии волевых качеств военнослужащих. В. Е. Флуг во многом являлся последователем суворовской школы подготовки командного состава.

Скончался он в 1955 г. в г. Сан-Франциско.

В памяти любителей военной истории генерал от инфантерии В. Е. Флуг останется прежде всего как храбрый и решительный генерал Первой мировой войны, успешно проводивший ряд боевых операций, ратный труд которого был отмечен высшими военными наградами Российской империи.

Ученый и практик. Генерал от инфантерии П. С. Балувев

Война уже с самого начала резко подчеркнула, что она ведется при других условиях, чем мы привыкли думать и чему нас учили^[260].

В штабах и в строю – служба П. С. Балужева до мировой войны

Генерал от инфантерии Петр Семенович Балужев – один из самых профессиональных и успешных военачальников русской армии периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. Родился будущий генерал 21 июня 1851 г. в семье генерал-майора, происходил из дворян Ставропольской губернии. Вероисповедания православного.

Учился отлично – окончил 1-е военное Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (по 1-му разряду)^[261].

В училище Петр Балужев поступил 15 августа 1874 г., будучи воспитанником Владимирской Киевской военной гимназии, а 10 сентября 1875 г. был произведен в портупей-юнкера.

После окончания училища 10 августа 1876 г. Балужев был выпущен прапорщиком в Александропольскую крепостную артиллерию.

П. С. Балужев – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За мужество и распорядительность, проявленные будущим генералом на должности командира одной из осадных батарей, обстреливавших крепость Карс, 19 июня 1877 г. он был произведен в подпоручики. За мужество и героизм Балужев был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (30 июня 1878 г.).

В январе 1878 г. – марте 1879 г. Петр Балужев командовал ротами Кавказского осадного парка. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. памятна для него также производством в поручики (18 декабря 1878 г.) и награждением серебряной медалью на Андреевско-Георгиевской ленте в память осады крепости Карс в войну 1877–1878 гг. с Турцией.

По собственному желанию 29 апреля 1879 г. молодой офицер был направлен в Петербург для сдачи приемного экзамена в Николаевскую академию Генерального штаба.

Выдержав экзамен, 12 октября 1879 г. он был зачислен в академию.

После окончания академии 7 апреля 1882 г. Петр Семенович был причислен к Генеральному штабу с назначением на службу в Кавказский военный округ и прикомандированием на время лагерного сбора к Петербургскому военному округу.

Среди вех армейской службы Балужева – временное прикомандирование к штабу Кавказского военного округа (12 октября 1882 г.); назначение в

штаб Закаспийской области на должность обер-офицера Генерального штаба для поручений (24 ноября 1882 г.); назначение для особых поручений в штаб 4-го армейского корпуса (21 января 1883 г.).

Войсковая практика П. С. Балугева выразилась в участии в полевых офицерских поездках (в кавалерийской поездке офицеров 4-й кавалерийской дивизии с 10 по 20 сентября 1883 г.; в полевой поездке офицеров 4-го армейского корпуса с 5 по 17 мая 1884 г. и с 5 по 17 мая 1885 г.; в полевой поездке офицеров Генерального штаба между Минском и Белостоком с 5 по 25 сентября 1885 г.).

К этому же периоду жизни и службы Петра Семеновича относятся и первые шаги в сфере преподавательской деятельности – 25 октября 1885 г. он был прикомандирован к войсковому штабу Войска Донского для преподавания военных наук в Новочеркасском казачьем юнкерском училище.

В дальнейшем П. С. Балугев занимал различные административные должности в Войске Донском: с 31 октября 1889 г. был старшим адъютантом штаба; с 7 по 30 мая 1891 г. исполнял должность начальника штаба пробномобилизационной льготной Донской казачьей дивизии; с 1 по 17 июня 1891 г. исполнял должность помощника начальника войскового штаба Войска Донского; 2 апреля 1892 г. был назначен исполняющим должность управляющего канцелярией войскового наказного атамана Войска Донского.

В этот период происходит проба сил Петра Семеновича в деле создания военных инструкций и наставлений – в 1893 г. он выработал инструкцию и формы переписных листов для проведения военно-конской переписи.

13 июня 1895 г. Балугев был назначен управляющим канцелярией войскового наказного атамана Войска Донского. Петр Семенович фактически являлся донским казаком – 14 июля 1895 г. он был зачислен в войсковое сословие Войска Донского по станице Михайловской Хоперского округа.

Среди форм поощрения Балугева в этот период – Высочайшее повеление выдать на подъем годовой запас жалованья по чину из сумм Главного штаба с награждением перстнем с бриллиантами и розами из Кабинета Его Императорского Величества (7 мая 1887 г.); награждение орденами Святого Станислава 2-й степени (12 ноября 1887 г.), Святой Анны 2-й степени (6 мая 1891 г.), Святого Владимира 4-й (6 мая 1893 г.) и 3-й (6 мая 1895 г.)^[262] степеней, персидским орденом Льва и Солнца 2-й степени (12 мая 1896 г.).

12 мая 1900 г. полковник П. С. Балугев был прикомандирован на 4 месяца к 124-му пехотному Воронежскому полку для командования батальоном. А в 1901–1904 гг. он последовательно занимал должности полкового командира (157-го пехотного Имеретинского полка), командира бригады (1-й бригады 40-й пехотной дивизии), командующего дивизией (40-й пехотной).

В межвоенное десятилетие (1904–1914 гг.) Петр Семенович был командиром 2-й бригады 16-й пехотной дивизии, начальником штаба 6-го армейского корпуса (21.10.1904– 08.07.1910 гг.), временно исполнял должность генерал-губернатора и начальника 3-го района охраны Ломжинской губернии.

Практика Балугева в данный период выразилась: в руководстве северной группой полевой поездки офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа (с 15 по 29 мая 1905 г.); в участии в военной игре офицеров Генерального штаба (с 7 по 24 марта 1907 г.); командировке на Рембертовский полигон для практического ознакомления с условиями боевой стрельбы полевой артиллерии и с материальной частью артиллерии (с 25 июня по 18 июля 1907 г. и с 4 по 24 июня 1911 г.); в участии в полевой поездке офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа (с 14 по 24 июля 1909 г.); в руководстве специальными занятиями офицеров Генерального штаба 6-го армейского корпуса (с 21 декабря 1907 г. по 27 января 1908 г., с 8 по 14 декабря 1908 г. и с 19 по 25 января 1909 г.); в руководстве комиссиями и участии в маневрах и в оенных играх.

Рост Петра Семеновича в чинах выглядел следующим образом: произведен в штабс-капитаны 17 апреля 1883 г., в капитаны – 24 марта 1885 г., в подполковники – 24 апреля 1888 г., в полковники – 5 апреля 1892 г., в генерал-майоры – 19 февраля 1904 г., в генерал-лейтенанты – 9 июля 1910 г.

С 9 июля 1910 г. П. С. Балугев – начальник 17-й пехотной дивизии, с которой и вступил в Первую мировую войну. 6 апреля 1914 г. Балугев был зачислен по Генеральному штабу.

Помимо вышеуказанных наград, П. С. Балугев был пожалован: орденами Святого Станислава 1-й степени (28 января 1906 г.), Святой Анны 1-й степени (6 декабря 1912 г.). Имел серебряные медали: на Александровской ленте в память царствования императора Александра III и на Андреевской ленте в память священной коронации, темно-бронзовую медаль за труды, понесенные при проведении первой всеобщей переписи населения Российской империи (1 января 1897 г.), светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых (21 февраля

1913 г.).

Значителен был боевой опыт генерала.

В его активе как участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: переход границы под Александрополем с транспортом боеприпасов осадного парка на крепостную позицию у селения Кюрюк-Дара (20 апреля 1877 г.); выдвигание с осадным парком из укрепления Кюрюк-Дара для присоединения к главным силам Действующего корпуса на кавказско-турецкой границе под крепостью Карс (лагерь у селения Маура); установление блокады Карса (22 апреля 1877 г.); отражение вылазок войск Карского гарнизона: у селения Аравартан (30 апреля 1877 г.) и у селений Аравартан и Чифтлик (3 июня 1877 г.); участие в бомбардировке северо-восточных фортов Карса – Араба, Карадага и Мухлиса (4 июня 1877 г.).

В качестве командира 4-орудийной 9-фунтовой осадной батареи № 7 он сражался на позиции на левом фланге первой линии блокады Карса (8 июня 1877 г.); участвовал в бомбардировке форта Карадаг (с 9 по 15 июня 1877 г.).

В составе 1-й роты Александропольской крепостной артиллерии Петр Семенович занял западный форт на правом (турецком) берегу р. Арпачай, напротив крепости Александрополь (15 августа 1877 г.). В составе 2-й полевой пешей батареи (сформированной из 9-фунтовых стальных пушек осадного парка) он выступил из Александрополя и 1 сентября 1877 г. вошел в состав отряда генерал-лейтенанта Геймана. Впоследствии с батареей занимал позиции на горе Кара-Яла, напротив Аладжинских высот (9 сентября 1877 г.).

А 19–22 сентября 1877 г. участвовал в сражении с турецкой армией на Аладжинских высотах и у гор Большая и Малая Ягна. Принимал участие в занятии передовых позиций у селений Хаджи-Вали и Субботан и поражении турецкой армии на Аладжинских высотах (3 октября 1877 г.).

5 октября 1877 г. Балуюв вместе с 1-й ротой Александропольской крепостной артиллерии присоединился к главным силам Действующего корпуса на кавказско-турецкой границе, под крепостью Карс и принял участие в ее второй осаде (8 октября 1877 г.).

24 октября 1877 г. П. С. Балуюв был назначен командиром 4-орудийной 24-фунтовой осадной батареи № 7, с которой встал на позицию напротив форта Хафиз-паша и с 25 октября по 5 ноября 1877 г. осуществлял бомбардировку этого форта. Он участвовал в штурме и взятии крепости Карс (в ночь с 5 на 6 ноября 1877 г.), а впоследствии вошел в состав Карского гарнизона, где оставался до его расформирования (с 9 ноября 1877 г. по 25 октября 1878 г.).

Петр Семенович был женат на дочери титулярного советника Турбо Софии Петровне, имел дочь Любовь (род. 18 апреля 1887 г.). Жена и дочь вероисповедания православного. Послужной список генерала констатировал, что Балувев «в штрафах и под судом не был. Недвижимого имущества не имеет».

Победитель у Тарнаватки – участие в Галицийской битве 1914 г.

Наиважнейшей вехой боевой службы генерала П. С. Балужева стало его участие в Первой мировой войне.

17-я пехотная дивизия Балужева входила в состав 19-го армейского корпуса (командир генерал-лейтенант В. Н. Горбатовский) – самого стойкого корпуса 5-й армии генерала от кавалерии П. А. Плеве. При объявлении всеобщей мобилизации (18 июля 1914 г.) П. С. Балужев, будучи начальником гарнизона г. Холм, принял меры к обороне государственной границы от Замостья до Владимира-Волынского.

А 1 августа 1914 г. он выступил в поход в составе управления 17-й пехотной дивизии. Уже первые бои прославили балужевскую дивизию. 3 августа в бою у г. Владимира-Волынского отличился 68-й пехотный Бородинский полк, окруженный австрийской кавалерийской дивизией и 2 батальонами пехоты.

Во главе дивизии Петр Семенович принял участие в Галицийской битве Юго-Западного фронта 6 августа – 13 сентября 1914 г. Именно 19-й армейский корпус стал стержнем и опорой 5-й армии в Томашевском сражении, вследствие крайне неблагоприятного стечения обстоятельств попавшей в тяжелое оперативное положение.

Корпус выполнял важнейшую задачу, противостоя австрийским частям 9-го, 6-го армейских корпусов и конного корпуса Витмана. Так, бои 13 августа у Тарнаватки протекали весьма успешно.

Была разгромлена 39-я гонведная^[263] дивизия противника: она потеряла до 50 % личного состава, оставила до 1,3 тыс. пленных, 5 пулеметов и 2 орудия^[264], 67-м пехотным Тарутинским полком было захвачено знамя 11-го гонведного пехотного полка (гонведный полк был уничтожен почти полностью). В своих воспоминаниях командующий 4-й австрийской армией писал: «Я сначала не верил этому, но дальнейшие сведения дали печальные доказательства, что действительно в некоторых частях потери достигли этого громадного процента»^[265].

Потери 17-й пехотной дивизии: 68-й пехотный полк – 23 офицера и 607 рядовых^[266]; 67-й пехотный полк – 7 офицеров и 123 рядовых (по другим данным, 67-й Тарутинский пехотный полк балужевской дивизии понес высокие потери – до 20 офицеров и 700 рядовых^[267] – прежде всего

из-за отбитой венграми вечерней атаки на окопавшегося противника^[268]).

Действия 66-го и 67-го пехотных полков 17-й пехотной дивизии в бою у Тарнаватки были решающими.

Именно П. С. Балугев в делах у деревни Тарнаватки и посада Комарова с 13 по 18 августа 1914 г. нанес противнику поражение.

Как обозначено в послужном списке генерала: руководя действиями 7 батальонов, 13-го августа он отбил австрийцев от Дджеронжи, разбил венгерскую дивизию (вышеупомянутую 39-ю гонведную) и штурмом взял укрепленную позицию у деревни Гуты; 14 августа командовал правым флангом 19-го армейского корпуса у дер. Тарнаватки и, будучи окружен, вел бой на три фронта, а с 15 по 18 августа под Комаровом «вел бой с австрийской армией Ауффенберга».

П. С. Балугев показал искусство в проведении одного из самых сложных видов боя – встречного. Разгром противника у Тарнаватки и захваченное знамя были отмечены высокой наградой – П. С. Балугев был удостоен Георгиевского оружия (приказ от 15.08.1916 г.).

Победу у Тарнаватки трудно переоценить: 19-й армейский корпус стал стержнем операций 5-й армии, гранитной стеной, о которую разбился натиск превосходящих сил противника, сама же победа была достигнута в период, малоуспешный для русского оружия, и потому имела огромное моральное значение.

После Тарнаватки противник не ослабил натиска, пытаясь взять в кольцо центральную группу корпусов 5-й армии. Этот бой был тяжел для 17-й пехотной дивизии также тем, что противник отрезал дивизию П. С. Балугева от обозов с боеприпасами, бои происходили в полуокружении, австрийцы развивали сильнейший огонь. Тем не менее «все атаки были отбиты частями 17-й и 38-й дивизий, взявшими до 1000 пленных»^[269]. 17-я дивизия переходила в неоднократные контратаки, способствуя срыву операций австрийского 6-го армейского корпуса.

Эти бои – свидетельство стойкости, инициативности и мужества русских войск, а также дивизионного и корпусного командования, сражавшихся с превосходящим противником в условиях недостатка боеприпасов, продовольствия и наносивших врагу большие потери.

О напряженности боев в условиях полуокружения свидетельствует донесение П. С. Балугева: «Правый фланг отступает. Резервов у меня нет. Все в боевой линии. Связь телефоном с боевой линией не действует... 38-я артиллерийская бригада без снарядов. Генерал Балугев»^[270].

За дни Томашевского сражения 17-я и 38-я пехотные дивизии 19-го

армейского корпуса понесли большие потери – в некоторых ротах оставались по 30 человек (вместо 250), а многие имели не более 100 бойцов; почти все роты остались без офицеров^[271]. Общие потери – до 50–60 % личного состава.

Только русская армия могла воевать и побеждать в таких условиях.

Особо нужно отметить, что «Канны» 4-й австрийской армии для 5-й русской армии в Томашевском сражении не удались, в том числе из-за блестящих действий 17-й пехотной дивизии П. С. Балужева.

В результате комаровских боев полки Балужева выбили австрийцев из лесного массива у Руцизна с относительно незначительными потерями, на сутки задержав развертывание частей австрийской 26-й ландверной пехотной дивизии для атаки Комаровских высот и оттянув на себя австрийскую 10-ю пехотную дивизию.

Кроме того, в этом бою были добыты ценные сведения о противнике, подтверждавшие данные о развертывании дивизий 9-го австрийского армейского корпуса для обходного маневра правого фланга русского 19-го армейского корпуса.

Велика заслуга дивизии П. С. Балужева и в отражении австрийского маневра на окружение главных сил 5-й русской армии – отбитые атаки противника завершались контрнаступлением частей 17-й дивизии, а бои в окружении зарекомендовали П. С. Балужева как превосходного тактика.

Бои протекали при превосходстве врага в живой силе и мощи огня, местность также благоприятствовала маневру австрийцев. Н. Н. Головин дал следующую оценку действиям балуевской дивизии в боях 16 августа: «Противник, подобно тому как и накануне, пользуется для подступа к позиции нашей 17-й пехотной дивизии лесами, лежащими перед этой позицией. С опушки этих лесов он произвел целый ряд энергичных атак, посредством которых ему удавалось захватывать некоторые участки нашего расположения. Но контратаками доблестных полков нашей 17-й пехотной дивизии он был каждый раз отбрасываем, неся большие потери убитыми, ранеными и пленными. К концу дня неприятель был даже изгнан с восточной опушки лесов, служивших ему исходным рубежом для накапливания атакующей пехоты. В течение дня продолжались и попытки неприятеля охватить правый фланг нашей 17-й дивизии; эти попытки были тоже ликвидированы...»^[272]

С 18 по 20 августа 1914 г. был осуществлен стратегически целесообразный отход 5-й армии, в которую входила 17-я пехотная дивизия, по направлению к г. Холму. Необходимо отметить, что при отходе

корпуса 68-й пехотный полк дивизии Балужева помог задержать выход в тыл корпуса австрийской бригады Реймана.

Во главе дивизии П. С. Балужев участвовал и во 2-й стадии Галицийской битвы – Городокском сражении: с 21 августа по 2 сентября 1914 г. осуществлял наступление на Замостье и Белгорай.

Выход дивизий 19-го армейского корпуса на пути, идущие через Фрамполь в обход правого фланга и в тыл 1-й австрийской армии, был настолько опасен, что послужил главной причиной принятия противником решения о прекращении боев и отводе войск за р. Сан, – австрийцы признали свое поражение в Галицийской битве.

Стоит отметить высокий уровень подготовки 17-й пехотной дивизии. Исследователь Томашевского сражения Б. Кузнецов отмечает, что «по боевой подготовке 17-я дивизия отличалась от 38-й в лучшую сторону, отлично стреляла и тактически более грамотно действовала»^[273].

Способный командир дивизии пошел на повышение – с 30 августа П. С. Балужев получает в командование 6-й армейский корпус. Но еще до вступления в новое командование (вступил только 4 октября – всегда проблематично в период боев и начавшегося преследования вступить в командование соединением, находящимся на другом фронте), 2 сентября 1914 г. части балужевской 17-й пехотной дивизии пересекли границу и вступили в пределы Австро-Венгрии.

Завершающий этап боевой деятельности П. С. Балужева в данный период в составе 5-й армии характеризовался наступлением на Сосновку, Ярослав и Ржешов (с 2 по 20 сентября 1914 г.) и отходом к Варшаве (с 21 сентября 1914 г.). Генерал участвовал в форсированном марше: к г. Люблину (с 22 по 26 сентября 1914 г.); от Люблина к Варшаве (с 26 сентября по 10 октября 1914 г.). Данные действия осуществлялись в рамках Варшавско-Ивангородской операции Северо-Западного и Юго-Западного фронтов (15 сентября – 26 октября). Марш-маневр 5-й армии явился одной из важнейших предпосылок выигрыша русскими войсками одного из крупнейших сражений войны, и на первом этапе сражения П. С. Балужев продолжал руководить 17-й пехотной дивизией 19-го армейского корпуса 5-й армии.

Корпусной командир – П. С. Балугев во главе 6-го и 5-го армейских корпусов. Октябрь 1914 г. – февраль 1916 г.

4 октября 1914 г. П. С. Балугев наконец вступил в командование 6-м армейским корпусом, входившим в состав 2-й армии Северо-Западного фронта. С 5 октября 1914 г. корпус в составе отряда генерала от кавалерии Н. П. Бобыря действовал у крепости Новогеоргиевск (на Млавском направлении).

6-й армейский корпус должен был усилить оборону участка р. Вислы к югу от Варшавы, являясь одним из важнейших средств усиления 2-й армии – ключевого участника Варшавско-Ивангородской операции.

В дальнейшем (с 12 октября 1914 г.) корпус вошел в состав 1-й армии, имея задачей прикрытие правого фланга и тыла армии, действующей к западу от р. Вислы. Корпус Балугева с 13 октября по 4 ноября 1914 г. вел наступление на Рационж, Серпец и Рыпин. Активными действиями он прикрывал тыл и фланг русских войск, действующих на левом берегу Вислы (в рамках Лодзинской операции 29 октября – 6 декабря).

9 ноября 1914 г. П. С. Балугев был отчислен по болезни (пришлось даже эвакуироваться в Петроград) от командования 6-м армейским корпусом и определен в резерв чинов при штабе Минского военного округа.

6 декабря 1914 г. генерала ждало новое назначение – он становится командиром 5-го армейского корпуса и вступает в его командование 23 декабря 1914 г. П. С. Балугев вновь вернулся в 5-ю армию, с которой и ушел на войну.

Петр Семенович был назначен командовать участком позиции на реках Равке и Бзуре, занимаемым 5-м и 23-м армейскими корпусами 5-й армии Северо-Западного фронта, что и осуществлял с 1 января по 4 февраля 1915 г. Уже в течение декабря 1914 г. германцы сделали несколько попыток прорваться к Варшаве. Это привело к кровопролитным боям на Бзуре и Равке: у Боржимова, Болимова, Воли Шидловской. Прорыв к средней Висле германцам не удался, наши армии удержали свое положение. «Сражение на четырех реках» – Бзуре, Равке, Пилице и Нице – шло с переменным успехом. Бои на Бзуре были одними из самых кровавых на Русском фронте – это повсеместно отмечается самими германцами.

Корпус П. С. Балугева был выведен в резерв, включен в состав 12-й

армии (вновь под началом командарма П. А. Плева) и переброшен к г. Ломжа (с 4 по 12 февраля 1915 г.).

Петру Семеновичу было поручено руководство отрядом в составе 5-го армейского корпуса, 2-й кавалерийской дивизии, 1-й отдельной кавалерийской бригады, 3-й Туркестанской стрелковой бригады и бригады 57-й пехотной дивизии. Войска П. С. Балугева принимали участие в заключительном этапе победоносного для русских войск Второго Праснышского сражения 7 февраля – 17 марта 1915 г. – общем наступлении войск Северо-Западного фронта.

С 12 февраля по 17 апреля 1915 г. отряд П. С. Балугева вел бои с немцами севернее г. Новгорода. Во главе своего 5-го армейского корпуса генерал занимал вышеуказанные позиции с 17 апреля по 30 июня 1915 г.

Во главе вверенного корпуса П. С. Балугев участвовал в великом отходе русской армии из Польши, с 30 июня по 4 августа 1915 г. ведя непрерывные бои с наседавшим противником.

Корпус был выведен в резерв под г. Белостоком, включен в состав 1-й армии и переброшен к г. Вильно (с 4 по 9 августа 1915 г.) и 10 августа 1915 г. вошел в состав 10-й армии.

На это время (август – сентябрь) приходится пик кризиса русской армии в тяжелом 1915 г. П. С. Балугев принял командование над остатками нескольких дивизий (56-й, 65-й и 125-й пехотных, 2-й и 4-й финляндских стрелковых), отходящих от Ковно, и с 12 августа по 4 сентября 1915 г. части балугевского корпуса и бригады 53-й пехотной дивизии вели бои с немцами севернее Лендворово, у р. Виляя.

Период Виленского сражения, 9 августа – 19 сентября, и Свенцянского прорыва, 27 августа – 6 сентября, – апогей германской активности на Русском фронте в 1915 г. Интересно отметить, что командир 6-го финляндского стрелкового полка 2-й финляндской стрелковой дивизии полковник А. А. Свечин, дающий нелицеприятную характеристику (в тактическом аспекте) многим русским генералам во время событий, непосредственным участником которых он был, писал о генерале П. С. Балугеве: «Командование 5-м корпусом (генерал Балугев), работавшее, в общем, неплохо...»^[274]

4 сентября корпус был выведен в резерв и переброшен к местечку Сола, на правый фланг 10-й армии. С 4 по 10 сентября 1915 г. он вел бои с немцами, обходящими правый фланг и тыл армии у Сола, Мильцева и Экантана. В дальнейшем балугевский корпус был вновь выведен в резерв, вошел в состав 2-й армии и переброшен на правый фланг армии (с 10 по 12 сентября 1915 г.).

И вновь соединение Петра Семеновича в огне – с 12 по 14 сентября 1915 г. ведутся бои с немцами, обходившими правый фланг армии, у Сосновки и Осташкова. Бои, успешные для русского оружия, в итоге 15 сентября было начато преследование отходившего противника. 2-я армия решила исход сентябрьских операций в пользу русского оружия.

Весьма значительный отрезок боевой карьеры П. С. Балужева был связан с фронтом в районе озера Нарочь. После 48-часового непрерывного боя (16–18 сентября 1915 г.) у озера Нарочь он разбил германскую 75-ю резервную дивизию (командир Макс фон Сейдвиг) и отбросил ее к Близнякам. И это при том, что местность в районе действий корпуса (пересеченная крупными озерами) до крайности стесняла наступательные действия, а противник укреплялся. Войска 5-го армейского корпуса были одними из понесших наибольшие потери среди корпусов – участников Виленского сражения и последующих боевых событий: 7-я пехотная дивизия из 7965 штыков потеряла 5174 штыка, 10-я пехотная дивизия из 6148 штыков потеряла 2121 штык^[275].

В составе 2-й армии корпус П. С. Балужева с 18 сентября по 10 ноября 1915 г. занимал позиции у оз. Нарочь, а с 10 ноября 1915 г. по 20 января 1916 г. был выведен в резерв армии.

В данный период Балужева ждало очередное производство – в генералы от инфантерии (27 января 1916 г.: старшинство в чине с 27, затем с 18 сентября 1915 г.).

Командир армейской группы – бои у озера Нарочь. Март – апрель 1916 г.

Отличился Петр Семенович во время Нарочской операции Северного и Западного фронтов 5—17 марта 1916 г.

В связи с развитием германской операции под Верденом 11 февраля 1916 г. в русской Ставке состоялось совещание, на котором был выработан план совместной операции Северного и Западного фронтов в районе Двинск – озеро Нарочь – озеро Вишневское.

Главная задача – отсечь виленскую группировку немцев от г. Ковно и от переправ через р. Неман. Важнейшей целью операции была помощь французам, истекающим кровью под Верденом.

Проводившееся в условиях весенней распутицы и глубоко-эшелонированной обороны противника наступление (при том что недостаточно продуманная система ведения огня русской артиллерией и недостаточная ее мощь привели к сохранению проволочных заграждений немцев и, соответственно, высоким потерям русской пехоты) привело к захвату двух линий обороны противника и взятию в плен 18 офицеров, 1255 нижних чинов, захвату гаубицы, 18 пулеметов, 36 минометов.

Западный фронт, наносивший главный удар, атаковал тремя группами корпусов 2-й армии: 1) генерала от кавалерии М. М. Плешкова (1-й и 27-й армейские корпуса, 1-й сибирский армейский корпус, 7-й кавалерийский корпус), 2) генерала от инфантерии Л. О. О. Сирелиуса (4-й сибирский и 34-й армейские корпуса), 3) генерала от инфантерии П. С. Балужева (35-й, 5-й, 36-й армейские, 3-й сибирский армейский корпуса, Уральская казачья дивизия).

Войскам Петра Семеновича была поставлена следующая задача: прорвать расположение противника на фронте озеро Нарочь – озеро Вишневское (22 км) и, обеспечивая себя слева, развивать дальнейшее наступление в общем направлении на озеро Большая Швакшта – Лынтуны. Германские позиции имели несколько линий окопов, представляя собой полосу полевых укреплений глубиной до 1,5–2 км. В окопах через каждые 10 метров чередовались закрытые траверсы. Проволочные заграждения располагались перед 1-й линией окопов (1–2 полосы) и прикрывались рогатками.

Группа П. С. Балужева (самая южная в ударной группировке армии) атаковала между озерами Нарочь и Вишневское. Исследователь Нарочской

операции Н. Е. Подорожный, исследуя организацию артиллерии трех групп корпусов, отмечает, что вопросы организации артиллерии «в группе Плешкова были учтены недостаточно и повели в проведении операции к большим осложнениям и неудаче... В группе генерала Балужева управление артиллерией было построено на совершенно иных основаниях... организация управления артиллерией в группе Балужева подкупает нас своей гибкостью в смысле поддержки наступающей пехоты...»^[276]

В ходе операции корпусам группы П. С. Балужева было предоставлено право развить частную инициативу. Вместе с тем был сделан и ряд ошибок, особенно в первый день операции. Так, рассредоточенная по фронту группы артиллерийская подготовка началась с трехчасовой задержкой (из-за неготовности части 68-й пехотной дивизии и желания провести одновременную атаку). Тягостное ожидание снизило наступательный настрой войск. Сигнал к атаке был дан только в 15 часов.

7-я и 10-я пехотные дивизии 5-го армейского корпуса двинулись на запад вдоль южного берега озера Нарочь. Их встретили не разрушенные укрепления противника, а его артиллерийский, а местами и стрелковый огонь. Частями корпуса временно была захвачена д. Занарочь. Наступление остановилось, а к концу дня корпус отошел в исходное положение, потеряв за день 80 офицеров и 4 тыс. солдат.

Южнее вдоль северо-восточного побережья озера Вишневецкое атаковали 25-я пехотная дивизия и 269-й пехотный Новоржевский полк 68-й пехотной дивизии (36-й армейский корпус). Части успешно продвигались по постепенно понижающейся местности к широкому болоту, из-за которого с севера немцы открыли сильный артиллерийский огонь. Наступающие залегли, запросив поддержку артиллерии своего и 3-го Сибирского армейского корпусов. С прежних позиций цели были вне дальности огня орудий, поэтому пришлось менять расположение батарей. Атакующий порыв выдохся, лишь на некоторых участках достигнув проволочных заграждений противника, удалось занять д. Островляны. 36-й армейский корпус 5 марта потерял 19 офицеров и 2030 солдат.

Тем не менее наибольший успех в операции выпал на долю войск под командованием П. С. Балужева. Во время атак и боев с 5 по 8 марта 1916 г. войска Петра Семеновича штурмом взяли сильно укрепленную позицию немцев у оз. Нарочь. 8 марта части 7-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса, захватив укрепленную позицию противника, заняли фронт от оз. Нарочь через господский двор Августово. Именно на участке балуевского корпуса были взяты местечко Поставы и захвачено большинство вышеупомянутых трофеев (8 марта на участке 7-й пехотной дивизии были

взяты свыше 1 тыс. пленных, в том числе 17 офицеров). 10-я пехотная дивизия также имела успех: «...37-й полк прорвал укрепленную полосу противника западнее Колодино и стремительным движением овладел кладбищем... к северо-востоку от г. дв. Стаховцы. На плечах убегающих немцев 37-й полк ворвался во 2-ю линию окопов противника. Здесь немцы оказали отчаянное сопротивление, и 37-й полк понес большие потери при захвате этой линии... Обойдя фланг 37-го полка справа, 38-й полк стремительным ударом овладел третьей линией окопов противника... Для развития успеха командиром 5-го корпуса немедленно были двинуты резервы корпуса – 26-й и 36-й полки – и для преследования отходящего противника назначены две сотни Уральской казачьей дивизии... Противник оказывал незначительное сопротивление; он или был уничтожен в схватках за свои первую и вторую линии, или взят в плен. Но, усиленный подтянутыми резервами, он все же успел занять свои последние окопы по линии перелесков, примерно вдоль дороги г. дв. Августово, Мокрицы и высоты севернее большого болота и на этой линии остановить продвижение 5-го армейского корпуса»^[277].

8 марта 25-я и 68-я пехотные дивизии 36-го армейского корпуса пытались наступать вдоль озера Вишневокское, но залегли и преодолеть заграждения противника не смогли.

Прорыв 8 марта укрепленной полосы противника, морально потрясенного русским успехом в связи с захватом двух линий обороны и отсутствием у противника значительных резервов, давал возможность рассчитывать на дальнейшее развитие успеха. Но трудности при подходе резервов в связи с огнем неподавленной артиллерии противника и тяжелой местностью не позволили тактический прорыв преобразовать в оперативный.

Более поздние атаки успеха не имели.

П. С. Балугев, понимая объективные трудности наступающих дивизий, несмотря на категорическое требование командующего армией наступать, ходатайствовал об отмене атаки, перегруппировке войск и уходе в тыл сильно ослабленного 3-го Сибирского армейского корпуса.

С 7 часов 9 марта группа Балугева возобновила артиллерийскую подготовку, а в 13 часов 7-я и 10-я пехотные дивизии перешли в атаку. Немцы ответили контратакой, по всему фронту группы шел напряженный бой с германскими войсками, получившими в подкрепление две дивизии. Русское наступление развивалось слабо, и в 19 часов Балугев приказал приостановить его на 8 часов. Днем 9 марта шел дождь, а ночью ударил мороз, появились обмороженные.

В 3 часа 30 мин 10 марта атаковали все три корпуса группы Балужева. Встреченные сильным огнем, они продвигались медленно. На левом фланге в 4 часа 55-я пехотная дивизия заняла первую линию германских позиций в районе д. Балтагузы. Однако на правом фланге, на южном берегу оз. Нарочь 3-й Сибирский армейский корпус к 6 часам добрался лишь до заграждений противника. Преодолеть их полки не смогли. Бойцы проваливались в размокший и растаявший грунт, орудия при выстрелах уходили в грязь, снаряды заканчивались, что вынудило отложить продолжение.

Атака 18 марта высоты «Фердинандов нос» из-за сильного огня противника успеха не имела. Захватывающие неприятельские позиции русские части отрезались вражеским огнем от подвоза боеприпасов и подхода резервов.

Генерал П. С. Балуев докладывал командующему армией, что атака захлебнулась, а при том количестве тяжелых снарядов, которые отпускаются, при страшном утомлении и расстройстве частей, при полной невозможности двигаться из-за наступавшей распутицы всякая другая попытка атаковать будет иметь тот же успех.

Группа П. С. Балужева потеряла в мартовском наступлении 30 % личного состава.

Германское командование, отмечая большое упорство русских, говорит о критическом положении немцев в нарочских боях. В течение недели (с 22 по 30 марта нового стиля) русского наступления прекращаются немецкие атаки на Верден, части германской армии в полосе Западного и Северного фронтов не смогли перебросить на Французский фронт в этот период (важнейшее время для верденской операции) ни одного соединения.

Э. Людендорф отмечал, что «с 18 по 31 марта (здесь и далее в высказываниях германского генералитета – нов. ст. – А.О.) положение 10-й армии было критическим... 21 марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным, западнее Постав их атака была лишь с трудом отражена... Всеми овладело напряженное беспокойство... Положение армейской группы Шольца и 8-й армии было не менее тяжелым»^[278]. Э. Фалькенгайн писал: «Для усиления атакованного фронта понадобилась... одна... дивизия из общего резерва, которая была подвезена из Барановичей, южнее Немана, где она стояла...»^[279]

Количество германских войск против группы Балужева к концу операции практически удвоилось. Ряд удачных атак русских с захватом

немецких окопов нанес противнику значительные потери, особенно если учесть упорство германцев при обороне своих позиций.

М. Гофман так оценивал русское наступление: «Участок для наступления был хорошо выбран: главный удар последовал, с одной стороны, между озерами Вишнево и Нарочь, с другой стороны, у Постав. Двойной напор должен был охватить и опрокинуть 21-й германский корпус и таким путем осуществить широкий прорыв на Вильна – Ковно... Атака открыта была 15 марта ураганным огнем невиданной на нашем фронте силы. С 18 по 21 марта и затем еще раз 26-го длились пехотные атаки, веденные, как всегда, смело и настойчиво, несмотря на тяжелые потери»^[280]. П. Гинденбург в этой связи отмечал: «Каждый, кто был знаком с обстановкой, в которой оно осуществлялось, должен был изумляться, как можно было начинать такие действия в такое время года, когда вследствие таяния снега исполнение с каждым днем становится все труднее и труднее и когда оттепель обратила поля сражений в бездонные болота»^[281].

В исследовании, посвященном Нарочской операции, отмечаются твердость генерала П. С. Балужева и то, что он «...имел большую теоретическую и практическую подготовку, немалый боевой стаж»^[282]. Командуя группой из 5-го, 35-го, 36-го и 3-го Сибирского армейских корпусов и Уральской казачьей дивизии, Балужев вел бои с германцами между оз. Нарочь и Вишнево и позже – с 25 по 30 марта 1916 г. С 1 по 13 апреля 1916 г. его корпус находился в резерве 2-й армии.

Вновь балужевский корпус на позиции у оз. Нарочь вел бои с немцами 14–15 апреля 1916 г., а с 20 апреля по 13 июня 1916 г. находился в резерве главнокомандующего армиями Западного фронта.

В наступлениях Юго-Западного фронта – участие в летних кампаниях 1916–1917 гг.

Успешно участвовал П. С. Балуев в наступлении Юго-Западного фронта 1916 г. (Брусиловском наступлении).

14 июня 1916 г. его корпус вошел в состав 11-й армии Юго-Западного фронта. Во главе соединения генерал вел бои по развитию Луцкого прорыва (с 14 по 22 июня 1916 г.), участвовал в разгроме немцев у Дубовой корчмы и на реках Липа и Стырь (с 30 июня по 8 июля 1916 г.), занимал позиции у Звиняче и между реками Липой и Судиславкой (с 8 июля по 8 ноября 1916 г.).

В это время корпус побывал в составе двух армий: 8-й (с 22 июля по 20 октября 1916 г.) и Особой (с 20 октября по 8 ноября 1916 г.).

Особо знаменателен успех 5-го армейского корпуса П. С. Балуева в июльском наступлении 11-й армии на р. Липа. Так, в боях 2–4 июля части 10-й пехотной дивизии захватили 45 офицеров и 3132 нижних чинов из состава сразу трех дивизий противника (49-й, 61-й австрийских, 108-й германской), 8 пулеметов, 7 бомбометов, более 3 тыс. винтовок^[283], в боях 7–8 июля – 32 офицера, 1054 солдата, 2 пулемета, 2 бомбомета, 4 орудия^[284].

Корпус П. С. Балуева был на острие главного удара армии, с июля – ударной армии Юго-Западного фронта (уже не вспомогательного, а наносящего главный удар). Как отмечал Л. В. Ветошников: «В результате этих боев 11-й армии удалось не только сорвать австрийский план контрудара группы Марвица, но и отбросить противника на запад, выпрямив свой фронт и захватив много пленных. Войска 11-й армии подошли вплотную к Бродам, захват которых являлся вопросом лишь некоторого времени»^[285].

С 8 ноября 1916 г. по 24 февраля 1917 г. и с 17 марта по 2 апреля 1917 г. П. С. Балуев временно исполнял обязанности командующего Особой армией (совмещал командование корпуса с руководством армией).

Ее командующий, генерал от кавалерии В. И. Гурко, сдавая командование П. С. Балуеву (в связи с временным назначением начальником штаба Верховного главнокомандующего), характеризуя своего преемника и говоря о том, почему его выбор пал именно на кандидатуру Петра Семеновича, писал: «Я не был достаточно хорошо знаком с

генералом Балугевым; кроме того, он не был старшим по производству среди моих корпусных командиров. Однако все увиденное мной в его корпусе, его волевые качества и неукротимая энергия, ответственное выполнение им моих многочисленных, непростых и трудноисполнимых распоряжений военного характера и разумные меры, принятые им при их реализации, – все эти факторы расположили меня в его пользу»^[286].

Генерал-квартирмейстер штаба Особой армии генерал-майор Б. В. Геруа давал следующую характеристику исполняющему обязанности командующего армией: «Во временное командование Особой армией вступил генерал Балугев, командир 5-го корпуса. Это был человек кубического склада, плотный, широкоплечий, с короткой шеей и мясистым квадратным лицом, со щеткой жестких волос на голове, еще не очень седых. На его толстом носу сидели очки, а на лице, во всю щеку и частью на подбородке, было малиновое родимое пятно, сильно его безобразившее. К этому, однако, можно было привыкнуть, а по уму и характеру Балугев оказался приятным начальником. Твердый и определенный, умевший ясно и просто взглянуть на вещи. Тяжеловесность его исчезала в нужные решительные минуты, и он мог тогда быть быстрым не менее Гурко»^[287].

П. С. Балугев был утвержден командующим Особой армией 2 апреля 1917 г. и командовал армией по 9 июля 1917 г. (армия находилась в составе Юго-Западного фронта).

При штабе Особой армии в конце марта 1917 г. была организована школа для подготовки инструкторов гренадерского дела. В мае состоялись первый выпуск школы и показательные учения в присутствии командующего армией генерала от инфантерии П. С. Балугева. Фактически генерал был одним из основоположников ударных (штурмовых) батальонов русской армии. В оперативном отделении штаба Особой армии увидело свет Наставление для ударных частей – первый документ такого рода в русской Действующей армии. Оно было издано приложением к приказу Особой армии за № 320/48 и было утверждено П. С. Балугевым 25 марта 1917 г.

Согласно этому документу, при каждой пехотной дивизии должен быть сформирован «ударный батальон» (бойцы-штурмовики продолжали именоваться грендерами) в составе трех стрелковых рот, по три взвода каждая, и технической команды, состоящей из пяти отделений: пулеметного (4 пулеметных взвода и 2 ручных пулемета), минометного, бомбометного (4 взвода), подрывного (подрывной и ракетный взводы) и телефонного (6 телефонных и 4 подслушивающие станции).

Учтя опыт неудачных наступлений периода позиционной войны, Наставление^[288] провозглашало, что «образование отдельных ударных частей имеет целью прежде всего обеспечить нам успех в тех боевых действиях, которые основываются на особенностях позиционной войны... Ударные части предназначаются только для активных действий...»

В этом документе подробно регламентировались тактика применения ударных частей, вопросы организации, обучения и снабжения. Интересно, что подразумевалась преемственность штурмовых частей русской армии 1915–1916 гг. и ударных частей 1917 г. В частности, указанный документ содержал следующее требование: «Все солдаты ударного батальона (кроме нестроевых) должны пройти полный курс гранатного боя и получить по испытанию звание гренадера»^[289]. Главная форма боя – бой ручными гранатами. Основной задачей ударных частей, так же как и их предшественников – штурмовых взводов и рот, было осуществление траншейного боя.

Теоретик и практик военного дела П. С. Балувев прекрасно понимал, что в сложившихся к третьему году войны условиях именно ударные части будут лидером в грядущих наступательных операциях.

Наставление особый упор делало на энергичный характер действий ударников в бою и слаженность таких действий.

Тактика ударных частей включала в себя: «а) Прорыв фронта; б) захват участка или укрепленного пункта – работа в связи с действиями пехоты; в) захват и удержание участка неприятельской позиции; г) нападение с целью захвата пленных или разрушения оборонительных сооружений противника; д) контратака ворвавшегося на нашу позицию противника; е) поддержка атакующей пехоты, ворвавшейся на позиции противника, но задержанной гренадерами или сильными оборонительными сооружениями неприятеля»^[290].

Был учтен неудачный опыт прорыва оборонительных полос противника в ходе операций на Стрыпе, у Нарочи и под Митавой.

Вместе с тем в новых батальонах совместились решение и боевых и политических задач в сложном 1917 году – именно ударные части (ударные роты и батальоны, батальоны «смерти» и пр.) стали средством прорыва в то время, когда основная часть армии, разлагаясь, утрачивала боеспособность. С другой стороны, в составе батальонов собрались бойцы, верные долгу и желающие воевать, в том числе и из состава прежних гренадерских взводов.

То есть в 1917 г. ударные (штурмовые) батальоны должны были не

только действовать на острие прорыва, но и стать костяком порядка, верности долгу и носителями высокого боевого духа, вокруг которых в условиях начавшегося разложения армии должны сплотиться все верные присяге войска. В то же время особые тактика и подготовка стали утрачиваться (хотя задача прорыва для этих частей как в интересах соединения, так и в интересах армии и фронта осталась), и постепенно ударными и частями «смерти» стали именовать себя обычные войсковые части и соединения.

Перед началом июньского наступления Юго-Западного фронта 1917 г. армия П. С. Балужева была развернута в Полесье, выделив половину сил в резерв фронта, и включала в себя 31-й, 39-й, 46-й армейские и 4-й конный корпуса. В ходе наступления армии отводилась пассивная (сковывающая) роль.

Но после катастрофы, постигшей армии фронта, П. С. Балужев, как один из самых способных генералов, 8 июля был назначен командующим 11-й армией (командовал ей с 8 по 20 июля) с целью стабилизации обстановки.

Но к моменту принятия Петром Семеновичем командования армия представляла собой лишь беспорядочно отступающие и деморализованные толпы.

10 июля армия собралась на р. Стрыпа. Правофланговая группа корпусов (32-й, 5-й Сибирский, 1-й Туркестанский армейские и 7-й конный корпуса) оставалась на Волынско-Галицком рубеже, в районе Брод, а разгромленная левофланговая группа (5-й, 17-й, 25-й, 45-й, 49-й армейские и 1-й гвардейский корпуса) была растянута от р. Серет до р. Стрыпа.

10 июля германская ударная группа А. фон Винклера нанесла удар на Тарнополь, была отбита 1-м гвардейским корпусом, но 12 июля потерпел поражение 5-й армейский корпус, и гвардия оставила Тарнополь. Дальнейшее продвижение противника было остановлено.

Фактически П. С. Балужев участвовал не в собственно наступлении Юго-Западного фронта, а в ликвидации германского Тарнопольского прорыва (с 8 по 16 июля 1917 г.). Неудача в этих боях – не вина П. С. Балужева. Э. Людендорф, характеризуя русские войска лета 1917 г., отмечает, что «это уже были не прежние русские солдаты»^[291]. А «русская армия в беспорядке отходила назад – ее мозг был одержим недугом революции»^[292].

Петр Семенович в меру сил пытался бороться с развалом Действующей армии. Так, как вспоминал очевидец: «...12 июля, Балужев...

составил и послал энергичную телеграмму по команде и прямо военному министру.

Копия этой... телеграммы случайно у меня сохранилась... Балув не предлагал, а требовал единственно возможного средства: восстановления дисциплины, введения полевых судов за ее нарушение и прекращения какой бы то ни было политической пропаганды в армии»^[293].

В период 20 июля – 4 августа П. С. Балув становится главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, а с 5 августа по 12 ноября он являлся главнокомандующим армиями Западного фронта.

В ноябре 1917 г. генерал был отстранен от должности Военно-революционным комитетом фронта – гибла русская армия и заканчивалось участие России в Первой мировой войне.

Творческое наследие П. С. Балужева

На основании приказа Наркомата по военным делам от 30 марта 1918 г. П. С. Балужев с 12 апреля 1918 г. был уволен в отставку с пенсией.

С 1919 г. Петр Семенович служил в РККА инспектором военных сообщений Высшей военной инспекции. В 1920 г. он – член Особого совещания при главкоме и Комиссии по исследованию и использованию опыта Первой мировой войны. Был включен в списки Генштаба РККА от 15.07.1919 г. и 07.08.1920 г. В дальнейшем находился на преподавательской работе.

П. С. Балужев – один из самых достойных генералов русской армии Первой мировой войны, человек с высшим военным образованием и боевым опытом. Он известен и как автор ряда военно-научных работ. Среди них – «Восьмая армия в Луцком прорыве. Мировая война 1914–1918. Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г.».

Это один из наиболее квалифицированных трудов, посвященных действиям армии в период наступления Юго-Западного фронта в мае – июле 1916 г. Особый интерес представляют выводы генерала о причинах неуспеха такого крупномасштабного наступления, каким явилось наступление Юго-Западного фронта: «Ни разбитие австрийской армии, ни уничтожение ее живой силы, ни занятие громадного пространства территории не повлияли на исход кампании. В прежние времена такой успех в конечном результате мог бы привести к окончанию войны. Война же 1914–1918 гг. с самого начала показала, что подобные частные победы не имеют влияния на исход войны и что на сцене появились новые факторы, которые имеют решающее значение. Война уже с самого начала резко подчеркнула, что она ведется при других условиях, чем мы привыкли думать и чему нас учили. Уже с 1915 года выяснилось, что война ведется не постоянными армиями, а народными, что доминирующую роль в ней играют технические средства и что ни разбитие целых армий, ни пленение целых корпусов, пока в стране имеются ресурсы живой силы и технических средств, войны не кончают. Благодаря появлению в главной роли технических средств настала для всех неожиданная позиционная война, которая потребовала новых приемов и способов ведения наступления и обороны. Между тем мы до конца войны придерживались старых способов ведения войны и, главным образом, принципов полевой

войны и, рассчитывая преимущественно на наше превосходство в живой силе, упустили из виду, что превосходства этого, без достаточного количества технических средств, еще недостаточно.

В этом кроется, по нашему разумению, главная причина вообще наших неудач в бывшую войну... в настоящую операцию живой силы было достаточно, но при отсутствии должного количества технических средств ее хватило только на прорыв. Развить же этот прорыв у нас уже не было ни сил, ни средств, а когда стали прибывать подкрепления с других фронтов, то было уже поздно, так как и немцы, пользуясь превосходно развитыми в своем тылу путями сообщения, успели подкрепить австрийцев, и все наши усилия развить успех повели только к лишним потерям в людях и средствах.

Вообще в отношении нашей готовности вести позиционную войну всю кампанию можно разделить на три периода: первый – в начале кампании, когда мы имели превосходную армию, но без технических средств, второй – 1915 и 1916 гг., когда у нас армия обратилась уже в народную, слабее обученную, а технических средств было хотя и больше, чем в первый период, но недостаточно для ведения решительных операций, и третий – 1917 г., когда у нас было превосходство в технических средствах, но армии уже не было, а была живая сила в значительном количестве, но мало обученная или даже совершенно не обученная владеть оружием и действовать в бою.

Если бы в описываемую операцию у нас были бы технические средства семнадцатого года, то, конечно, успех был бы не тот, какого мы достигли»^[294].

Петр Семенович назвал главные причины, приводившие к тактическим и оперативным неудачам русских войск в Первую мировую войну, главные из которых – несоответствие форм и методов ведения боевых действий новым реалиям. Увидел он и основные тенденции, в том числе присущие т. н. тотальной войне – войне нового типа.

Вскрывает Балугев и оперативные-тактические причины конечного успеха операций 8-й армии, Юго-Западного фронта и Ставки (уделяя особое внимание целесообразности переноса тяжести главного удара на ковельское направление, оперированию резервами, вопросам подготовки тыла).

Особый интерес вызывают сформулированные генералом причины неудач летней кампании 1916 г.: «...можно сделать следующие общие выводы: операцию эту мы предприняли с недостаточными средствами, а потому, хотя операция эта и имела громадное значение для фронтов наших

союзников, но для нас, за исключением захвата у противника части территории и уничтожения его живой силы, решительных результатов не дала. Кавалерию употребили не по ее прямому назначению, а давали не выполнимые для нее задачи и в то же время не использовали ее для быстрого преследования разбитого противника. Направление удара на Ковель было выбрано неудачно. Не сумели вовремя остановиться, а все переходили в наступление, несмотря на то что время было уже упущено и наступления эти, за исключением потерь в людях и средствах, ничего не могли принести. Не имея достаточных резервов, бой вели в течение продолжительного времени одними и теми же частями и, наконец, во время боев производили перегруппировки, в большинстве ничем не оправдываемые, а перегруппировки эти сильно мешали планомерности нашего наступления, так как путали все расчеты и планы командования»^[295].

Как ученый, Петр Семенович (причем сразу после окончания войны) смог увидеть главные тенденции развития военного дела как в период мировой войны, так и в будущем.

В то же время он успешный тактик, грамотно ориентированный в наиболее сложных формах современного боя – встречном бою, лесном бою, борьбе за фланги.

В этой связи особый интерес представляет «Записка»^[296] П. С. Балугева, в которой он подробно излагает свои тактические взгляды.

Генерал писал: «Первый период – от начала кампании до конца 1914 года, когда обеими сторонами ведутся полевые наступательные и встречные бои, и если войска встречаются с укреплениями, то сделанными наскоро окопами, без заграждающих препятствий, которые атакующих войск остановить не могут. Если мы в этот период и встретились с сильно укрепленными позициями, то только на реке Сане и в Восточной Пруссии – в озерном районе; но первые австрийцами не защищались, а вторые нами были обойдены.

Но период этот показал, что прежний способ ведения войны, главным образом, живой силой, должен отойти в область преданий».

П. С. Балугев смог выявить основные особенности войны нового типа – позиционного противостояния: «... оба противника, как бы сговорившись, останавливаются и закапываются в землю, и наступает второй период кампании – позиционный, где главную роль уже играет не живая сила, а технические средства борьбы. К этому роду борьбы оказалась не подготовленной ни одна из воюющих сторон. Средства этой борьбы

развиваются постепенно, с течением времени, в зависимости от тех способов обороны и атаки, которые применяет противник. Помимо живой силы, громадное значение приобретают проволока и огонь во всех видах: ружейный, пулеметный, артиллерийский, минометный, бомбометный, ручных гранат и т. п.».

Петр Семенович выявил тактические просчеты в построении боевых порядков русских войск: «У нас, в начале, увлечение укрепленными позициями доходит до того, что мы растягиваем свои войска по фронту, на корпус 50 верст и почти не признаем глубокого построения и в то же время не принимаем никаких мер к увеличению и усовершенствованию технических средств борьбы. Противник в этом случае оказался дальновиднее нас. Поняв, что вся сила борьбы заключается в технических средствах, а главное – в артиллерии, преимущественно тяжелой, он, стоя перед нами и не давая нам только возможности двигаться вперед, начинает накапливать эти средства, а попутно и вырабатывать способы применения их и в этом отношении нас далеко опередил. В то время как у него устанавливаются уже положительные основы обороны и наступления, мы все еще стоим на перепутье. Впрочем, не только мы, но даже и наши союзники в этом отношении отстают от него, хотя по сравнению с нами имеют преимущество в массе своей артиллерии, снарядов и других технических средств».

И далее: «Если проследим бои за прошедшие 20 месяцев войны, то увидим, что во всех боях красной нитью проходит только одно, что все теоретические приемы борьбы, все приемы полевого боя, применяемые как нами и нашими союзниками, так и нашими противниками, не имеют успеха только благодаря тем техническим средствам, которые применяются в современной борьбе... Мы до сих пор бродим между желанием наступать и необходимостью обороняться, причем всякая новизна нас поражает, и мы стремимся сейчас использовать ее и применить на практике и, конечно, терпим неудачу за неудачей, расточая наши и так не богатые средства для производства этих опытов. ...у нас нет твердых и определенных приемов ведения борьбы... мы переходили в наступление без достаточных технических средств и хотели применить приемы полевой войны: прорвать, разбить и уничтожить противника, упустив из виду, что противник теперь состоит не из одной живой силы, а еще и из земли, железа и чугуна, и, конечно, потерпели неудачу. ...без технических средств, одной живой силой нельзя отстоять никакой, как бы она ни была укреплена, позиции».

Генерал не только вскрывал недочеты – он давал рекомендации: «...В большинстве указаний красной нитью приведена идея, что позиционный

период войны есть только временное выжидание наиболее благоприятных обстоятельств для перехода в наступление и составляет подготовительный период к наступлению. Взгляд теоретически совершенно правильный: каждая оборона должна стараться перейти в наступление. Но в настоящей войне, когда войска закопались на фронте в 1500 верст, он не применим, а даже вреден, т. к. дает право войскам смотреть на свои позиции, как на временные, а потому не требующие тщательной отделки... Если же мы на всем своем фронте будем преследовать только одно наступление, то будем везде слабы в обороне... войскам прежде всего необходимо дать твердые, основанные на опыте войны и исполнимые для них указания по обороне своих позиций, а затем уже вторые указания для перехода в наступление...

...В основу... указаний должны лечь:

- 1) занятие позиций, удобных для обороны, а не случайных;
- 2) укрепление первой линии окопов и устройство заграждений;
- 3) устройство окопов для частных резервов передовой линии;
- 4) устройство второй линии обороны для дивизионных резервов;
- 5) оборудование артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов;
- 6) устройство армейской позиции не ближе такого расстояния, чтобы сбитые с позиции войска могли ее занять, выйдя из-под ударов противника, причем и эта позиция, как и передовые, должна состоять из трех указанных линий;

- 7) неослабное наблюдение за противником и производство разведки. ...разведка эта должна лечь всецело на разведывательные отделения всех штабов, которые для этого должны иметь в своем распоряжении агентов и авиационные отряды;

- 8) оборона позиции должна основываться как на живой силе, так и на артиллерийском огне, поэтому войскам должна быть придана в достаточном количестве тяжелая артиллерия;

- 9) окопы позиций должны иметь линейный характер с фланкирующими частями как самих окопов, так и подступов к ним. Никаких резко выдающихся вперед частей и участков не должно быть. Надо считаться с тем, что нынешние войска мало обучены, мало стойки и страшно впечатлительны к обходам и охватам.

Должно быть обращено самое серьезное внимание на устройство проволочного заграждения, причем оно должно делаться массивным и прочно заколачиваться в землю, а не состоять из тонких жердей, воткнутых в землю, и обязательно должно быть в несколько рядов.

Окопы должны быть сделаны во весь рост человека, узкие, и лучше их делать без козырьков, а с прочными бойницами. Козырьки служат только

для укрытия от дождя, вместо этого должны быть прочные убежища для гарнизона.

Для наблюдателей, пулеметов и бомбометов и начальствующих лиц должны быть устроены прочные блиндажи. В окопах должно быть возможно большее количество траверсов для защиты от флангового огня. От окопов к поддержкам должны быть сделаны ходы сообщения;

10) в линии окопов для частных резервов должны быть устроены опорные пункты для обстрела как первой линии, так и подступов к ней;

11) также должна быть устроена и следующая линия обороны;

12) для телефонной связи следовало давно перейти к подземному кабелю, которым на каждой позиции должны быть проведены магистрали по известным направлениям, но так, чтобы с ними возможно было соединиться войсковыми проводами;

13) должна быть тщательно изучена местность, сделаны фотографические снимки позиции противника, и на основании этого артиллерия наша должна быть расположена так, чтобы могла держать под огнем как самые позиции противника, так и подступы к нашим позициям, причем в числе оборонительной артиллерии должна быть хоть часть тяжелой, без которой оборона позиции невысказана;

14) из артиллерии не должно образовываться особых и отдельных групп, а артиллерия должна быть подчинена начальнику участка, который является ответственным за оборону своего участка во всех отношениях...

15) хотя при наших недостаточных средствах мы не можем иметь особых батарей для устройства заградительного огня, как это практикуют французы и немцы, но должны при первой возможности отделить часть батарей и для выполнения этой цели.

Должна быть тесная связь между пехотой и артиллерией, для чего в передовых окопах, кроме пехотных наблюдателей, должны быть артиллерийские наблюдатели.

...наступление с больших расстояний пехоты почти невозможно, а потому атака днем возможна только накоротке. Если же приходится атаковать с больших расстояний, то сближение на короткую дистанцию должно быть сделано ночью, иначе наша пехота не подойдет даже к их проволочному заграждению. ...в случае прорыва первой линии немцев необходимо немедленно же развивать успех, чтобы не дать возможности их артиллерии организовать и вновь встретить войска, для чего надо иметь вблизи сильные резервы, которые можно было бы немедленно же бросить вперед, как только наши передовые войска ворвутся в первую линию окопов противника».

Отталкиваясь от собственного (в т. ч. неудачного) опыта прорыва эшелонированных позиций противника, П. С. Балугев в Записке подробно анализировал плотность войск, вопросы взаимодействия пехоты и артиллерии, формы ведения боевых действий, инженерную подготовку позиций и др. вопросы. Содержание рассмотренного документа носит комплексный и всесторонний характер. Записка вполне могла стать основой как для принятия войсковых уставов, так и для немедленного реформирования форм и методов боевого использования русской армии в период Первой мировой войны.

Петр Семенович успешно осуществлял руководство вверенными войсками как в наступлении, так и в обороне. Соединения, руководимые Балугевым, нанесли поражения 5 дивизиям противника (39-й гонведной, 75-й резервной, 49-й, 61-й, 108-й пехотным). В активе генерала – взятие укрепленных позиций противника (Нарочская операция 1916 г.), стабилизация обстановки на фронте 11-й армии в 1917 г. К ранним наградам Петра Семеновича в годы войны добавились – знак Красного Креста (июль 1916 г.), бант к ордену Святого Владимира 4-й степени (1914 г.), ордена Святого Владимира 2-й степени с мечами (2 января 1915 г.), Белого Орла с мечами (26 мая 1915 г.), Святого Георгия 4-й степени (приказ от 15 августа 1916 г. – за Нарочь 1916 г.). Был награжден генерал Георгиевским оружием (приказ от 15 августа 1916 г. – за Тарнаватку 1914 г.).

За время войны генерал последовательно прошел все ступеньки карьеры, являясь командиром дивизии (17-й пехотной), корпуса (5-го и 6-го армейских), руководя группами корпусов (Виленская операция 1915 г., Нарочская операция 1916 г.), будучи командующим армией (Особой, 11-й), главнокомандующим войсками фронта (Юго-Западного, Западного) и везде действуя успешно. Огромное значение в деле воспитания командного состава Красной Армии имели военно-теоретические взгляды П. С. Балугева.

Умер бывший генерал в Москве в 1923 г.

Астраханский герой решающей битвы первой мировой войны. Генерал-майор А. А. Граников

Задача 28-й дивизии содействовать 29-й дивизии, направленной на правый фланг противника... 1-й бригадой командует полковник Граников^[297].

Жизнь и служба до войны

Александр Александрович Граников родился 28 августа 1858 г. в Астраханской губернии в семье дьякона. Вероисповедания православного. Первоначальное образование получил в Астраханской духовной семинарии.

На военную службу поступил 30 августа 1873 г. (в это время он – унтер-офицер 160-го пехотного Абхазского полка^[298]).

10 сентября 1874 г. Граников стал юнкером Казанского пехотного юнкерского училища.

15 января 1877 г. он был выпущен в 45-й пехотный Азовский полк, а 15 апреля того же года стал прапорщиком.

Граников прошел все ступени офицерской карьеры – прапорщиком он участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1880 г. он подпоручик (16 мая), в 1885-м – поручик (15 декабря), а в 1891 году (14 ноября) – штабс-капитан.

21 ноября 1900 г. Александр Александрович стал капитаном^[299]. В должности командира роты Граников прослужил 10,5 лет, а командира батальона – 3,5 года. Он служил в 243-м пехотном Златоустовском, 163-м пехотном Ленкоранско-Нашебургском полку, Уфимском и Астраханском местных батальонах. Граников принадлежал к числу тех ротных командиров, на которых, без преувеличения, держалась вся русская армия. В мае – августе 1903 г. будущий генерал на «успешно» окончил Офицерскую стрелковую школу.

А. А. Граников – участник Русско-японской войны, в боях был контужен. На фронте (31 декабря 1904 г.) получил чин подполковника (старшинство от 05.10.1904 г.), а 30 сентября 1905 г. за боевые отличия стал полковником, получив назначение командиром 242-го пехотного Белебеевского полка.

С 07.06.1910 г. А. А. Граников – командир 109-го пехотного Волжского полка, с которым ушел на Первую мировую войну. В довоенный период он несколько раз исполнял обязанности бригадного командира – 10–24 июня 1909 г. (временно командовал 2-й бригадой 41-й пехотной дивизии) и в августе – ноябре 1910 г. (временно командовал 1-й бригадой 28-й пехотной дивизии).

Боевой опыт будущего генерала следующий.

В ходе Русско-турецкой войны он воевал в составе 12-го армейского

корпуса: у Земницы перешел Дунай и действовал в составе Рущукского отряда (в боях у деревень Пиргос, Хан и Гюлачесм). Участник сражений у Тростеника и Мечки.

Закончил войну в составе Северного отряда, и какое-то время находился в составе оккупационных войск в Болгарии.

В ходе Русско-японской войны^[300] осенью – зимой 1904 г. участвовал в ночном бою у Линшинпу (в составе 5-го Сибирского корпуса), в боях у Дамантуни, Далиантуни, Безымянной, Кудяза, Куалинпу, Бейтацзыина и Дакишинпу. В феврале 1905 г. принимал участие в атаке д. Тасудяпу. Участник Мукденского боя – 26 февраля в составе отряда из 244-го пехотного полка и 61-й пехотной дивизии отражал атаки противника. Перемирие встретил на Сыпингайских позициях.

Говоря о моральном облике А. А. Граникова, необходимо отметить, что свыше 15 лет (с 1884 г.) он являлся членом и председателем офицерских судов чести – т. е. сам обладал незапятнанной офицерской репутацией. Супруга – Екатерина Михайловна Валабанова, дочь астраханского купца, дочь – Лидия (17.03.1892 г. рождения).

Специальным разрешением начальства А. А. Граникову «разрешено носить очки».

Александр Александрович был обладателем следующих высоких наград, полученных им за 40-летнюю службу: орденов Святой Анны 4-й степени (09.09.1878; за храбрость), Святого Станислава 3-й, 2-й (1903 г.), Святого Владимира 4-й, 3-й (1911 г.), Святой Анны 2-й (с мечами, 1905 г.) степеней; медалей – светло-бронзовых за участие в Русско-турецкой и Русско-японской войнах, медной в честь царствования Александра III^[301].

День подвига – бой у Покальнишкен 6 августа 1914 г.

С первой успешной операцией русских войск – Гумбинненским сражением связан бой, обессмертивший имя А. А. Граникова.

Речь идет о бое у Покальнишкен 06.08.1914 г. – бое, завязавшем Гумбинненское сражение.

109-й пехотный полк, которым командовал Александр Александрович, входил в состав 28-й пехотной дивизии 20-го армейского корпуса 1-й армии Северо-Западного фронта.

Операции 1-й армии осуществлялись в направлении Владиславов – Сувалки путем наступления на фронт Инстербург, Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера. Необходимо было возможно глубже охватить левый фланг противника на р. Ангерапп, где предполагались его главные силы, имея целью отрезать германцев от Кёнигсберга.

В 12 часов 20 минут 6 августа начальник 28-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н. А. Лашкевич во исполнение задачи главными силами дивизии занять линию Ушбален – Бракупенен, издал приказ, в соответствии с которым 109-й пехотный полк и 1-й дивизион 28-й артиллерийской бригады (24 орудия) должны были прибыть в мест. Ушбален и далее в Радшен.

В 12 часов 46 минут колонна полка подошла к Радшену, после чего роты соседнего 110-го пехотного полка начали выдвигаться в сторону мест. Покальнишкен. 110-й пехотный полк завязал с противником бой, но его атака была немцами остановлена.

К 16 часам колонна 109-го пехотного полка в составе батальона пехоты и 1-го дивизиона 28-й артиллерийской бригады, миновав около 14 часов Радшен, подошла к Ушбалену. Артиллерия развернулась у Шуркляукена и открыла по противнику огонь. В ответ германцы, заметившие движение русской колонны, также повели артиллерийский обстрел из района Покальнишкен – Варкален. Силы германской артиллерии оценивались в 3–4 полевые и 1–2 гаубичные батареи. Донесения частей говорили о сильном огне артиллерии противника, препятствующем продвижению вперед.

В 19 часов 30 минут Н. А. Лашкевич отдал следующий приказ 109-му пехотному полку: «Продолжать движение на Покальнишкен, войдите в фактическую связь влево с 110 полком; работайте вместе с ними на фронте

Покальнишкен – Нибудшен. ...»^[302]

В 19 часов 50 минут начальник дивизии пишет (записка № 13) командиру 110-го пехотного полка: «Правей 109 полк с дивизионом артиллерии подошел к Покальнишкену, левой 112 и 111 полки и части 29 дивизии. Фронты действий полков 1 бригады Нибудшен – Покальнишкен, держа связь влево со 2 бригадой, командование над которой принял ген. Российский. Задача 28 дивизии содействовать 29 дивизии, направленной на правый фланг противника; в наступление перейти одновременно с частями 29 дивизии. 1 бригадой командует полковник Граников»^[303].

Исполнять этот приказ приходилось в темноте. Во время наступления на Покальнишкен один батальон 109-го полка с батареей должен был обойти эту деревню севернее, через Мальвишкен – Цулькинерский лес и ударить с тыла. Во время обходного движения батальон сбился с дороги и по неосторожности углубился в лес, где был окружен частями 1-й германской кавалерийской дивизии и взят в плен.

Но основные силы полка выступили в указанном направлении, и к 20 часам 6 августа он развернулся на фронте Рудштанен – Харбуден, начав наступление на Покальнишкен.

Поддержанная с правого фланга 109-м пехотным полком боевая линия 110-го пехотного полка продвинулась вперед, и около 20 часов 20 минут был занят господский двор Харбуден.

Боевая реляция о действиях частей 28-й дивизии в этом бою гласит: «Разведчики выяснили, что противник занимает сильно укрепленную позицию с проволочными заграждениями на фронте Покальнишкен – Варкален; силы его не менее полка пехоты при 4–6 батареях и многих пулеметах. Наши батареи 1-го дивизиона, расположенные у д. Шуркляукен, не могли подавить огня противника и принуждены были молчать. Чтобы овладеть неприятельской позицией у Покальнишкен, командир полка полковник Граников направил две роты в обход позиции противника, но около 8 час. вечера полк. Граников выбыл из строя; его заместитель полковник Арефьев вслед за этим тоже выбыл из строя...»^[304]

В этом бою 109-й пехотный Волжский полк потерял всех офицеров и 60 % личного состава. А. А. Граников, осуществляя руководство полком и находясь в пехотных цепях под ураганным огнем немецкой артиллерии, был смертельно ранен в голову шрапнелью.

12 августа 1914 г. полковник умер от ран в военном госпитале в Ковно, где и был погребен, но впоследствии перезахоронен в Астрахани. Посмертно Александр Александрович получил чин генерал-майора

(Высочайший приказ от 03.02.1915 г.; старшинство в чине 06.08.1914 г. – за отличия в делах против неприятеля) и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 26.04.1915 г.). Приказ по 10-й армии от 3 февраля 1915 г. гласил, что ордена Святого Георгия 4-й степени А. А. Граников удостоен «за взятие деревни Покальнишкен и прочие боевые подвиги»^[305].

О том, насколько вышестоящее командование оценило подвиг Граникова, свидетельствует и тот факт, что после смерти героя его супруге был оставлен оклад мужа в размере 100 % – 1950 рублей в год. Средства выплачивались за счет средств государственного казначейства Астраханской казенной палатой.

В бою у Покальнишкена А. А. Граников исполнял генеральские обязанности – выполнял функции командира бригады, руководя действиями 110-го и 109-го пехотных полков. Действия полковника отличала инициативность, он не побоялся взять ответственность на себя. Так, хотя задачей 109-го полка в соответствии с приказом № 7 было занятие д. Ушбален, Граников не остановился на этом, а стал продолжать наступление на Покальнишкен. Причем наступление осуществлялось, несмотря на позднее время и незначительность сил волжцев. Реляция о действиях 28-й дивизии по этому поводу говорит: «Между тем командир 109-го Волжского полка, заняв д. Ушбален и не ограничиваясь выполнением только приказа по дивизии, решил преследовать противника в направлении Покальнишкен».

Командир 109-го полка направил свои батальоны на дд. Вандлаукен – Рудштанен и Хорбуден, к 8 часам вечера занял эти деревни и подошел к району д. Покальнишкен, где прочно укрепились немцы.

Руководя атакой, отважный полковник и был смертельно ранен.

Здесь стоит специально отметить, что Александр Александрович руководил полком в первом бою до тех пор небывалой войны и в условиях встречного боя, одной из самых сложных форм боевых действий. Из всех видов современного боя встречный бой требует наиболее подготовленных самостоятельных младших командиров. От старших начальников такой бой требует большего таланта, чем другие виды боя. Ведь, чтобы иметь во встречном бою успех, командиру необходимо: 1) быстро принять определенное решение и немедленно согласовать действия подчиненных ему частей коротким, но определенным и ясным приказанием, а также максимально быстро ориентироваться в постоянно изменяющейся обстановке; 2) положить в основу всех своих действий решительность и быстроту; 3) предупредить врага в развертывании авангарда и главных сил.

Важнейшее значение для изменения направления главного удара германцев в произошедшем на следующий день Гумбинненском бою имел маневр А. А. Граникова. Значительный бросок вперед правого фланга 28-й пехотной дивизии (прежде всего 109-го пехотного полка) был обнаружен германским командованием вечером 6 августа, и это произвело значительный переполох в высших командных сферах противника.

Командующий 8-й германской армией М. фон Притвиц, спешно перебросив к Краупишкену 2-ю ландверную бригаду и 1-ю кавалерийскую дивизию, организовал удар от Краупишкена на Мальвишкен. 1-я пехотная дивизия немцев также готовилась парировать наступление частей русской 28-й пехотной дивизии.

Обходной маневр граниковского батальона привел к тактической неудаче последнего – он заблудился в Цулькинерском лесу, куда был направлен для удара в северный фланг 1-го германского корпуса, и попал в плен. Но этот маневр привел к тому, что у германцев создалось ложное впечатление о направлении главного удара русских.

Это послужило основанием для принятия решений командиром германского 1-го армейского корпуса на 7 августа, сводившихся к тому, что он нацелил дивизии своего корпуса в воображаемый им фланг 20-го русского армейского корпуса в то время, когда последний перегруппировался, удлив свой фланг на север. Вследствие этого удар 1-го германского корпуса был нацелен не во фланг, а на фронт русских. Но командир 1-го германского корпуса не только неправильно нацелил свой корпус, но также ввел в заблуждение ко мандующего 8-й армией и своих соседей, в частности, командира 17-го армейского корпуса генерала А. Макензена, который принял решение атаковать русских в северо-восточном направлении, чтобы тем самым облегчить фланговую атаку 1-го корпуса.

И вместо столь любимых немцами «Канн» вышел лобовой удар.

В то время, когда германское командование замышляло взять русских в «клещи» под Гумбинненом, командование 1-й русской армии 6 августа усилило ударную группу, доведя ее за счет 4-го армейского корпуса до 5 пехотных дивизий.

Командир 1-го германского армейского корпуса генерал Г. фон Франсуа на основе событий вечера 6 августа пришел к ложному заключению о том, что гумбинненская группа русских наступает севернее железной дороги, а южнее последней силы противника он определял равными не более чем одной пехотной дивизии.

Реализуя свои тактические наблюдения, Франсуа доказывал

армейскому руководству, что русские обходят его с севера и что, вероятно, в ближайшую ночь перейдут в атаку. Сам план атаки Франсуа – Макензена в Гумбинненском бою был составлен под большим влиянием тех сведений, которые германцы имели от пленных 109-го полка, захваченных вечером 6 августа в Цулькерненском лесу.

Доказывая в соответствии с этим благоприятность обстановки для разгрома русских под Гумбинненом, генерал Франсуа дезориентировал и соседей.

Но не только на действия 1-го германского корпуса повлиял маневр А. А. Граникова. Под влиянием активности частей 28-й пехотной дивизии и непосредственно 109-го пехотного полка генерал Притвиц видоизменил план 8-й армии, решив: 1) разбить Гумбинненскую группу русских (20-й и 3-й армейские корпуса), прикрываясь со стороны Гольдапа 1-м резервным корпусом и 3-й резервной дивизией; 2) только покончив с Гумбинненской группой русских, атаковать Гольдапскую.

Против Гумбинненской группы было решено направить 1-й и 17-й армейские корпуса, дивизию генерала Бродрюка, 2-ю ландверную бригаду и 1-ю кавалерийскую дивизию. В целом вся германская армия сдвинулась вполоборота влево, вместо охвата флангов ударив в центр 1-й русской армии.

И когда 7 августа развернулось Гумбинненское (Гумбиннен-Гольдапское) сражение, направление атаки противника было задано маневром А. А. Граникова.

Сражение превратилось во встречный бой – главный удар наносили 1-й и 17-й германские армейские корпуса. Соотношение сил: 74,4 тыс. штыков немцев при 224 пулеметах против 63,8 тыс. штыков русских при 252 пулеметах; 408 русских орудий против 408 легких и 44 тяжелых германских орудий.

Русский 20-й армейский корпус, несмотря на тяжелую обстановку, выдержал удар и перешел в контратаку. Контрудар русских частей вызвал панику в 1-м германском корпусе Г. фон Франсуа. Правый фланг корпуса в беспорядке стал откатываться назад, и только к 15 часам Г. фон Франсуа удалось взять управление деморализованными частями в свои руки. К этому же времени был разбит и 17-й германский армейский корпус А. фон Макензена. Фактически 3-й русский корпус поймал 17-й германский в огневой мешок: вражеский корпус попал под жесточайший артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь русских и, понеся огромные потери, местами в панике отступил с поля боя.

В официальном германском описании войны говорилось: «Сцепление

несчастных обстоятельств привело к тому, что великолепно обученные войска, позднее всюду достойно себя проявившие, при первом столкновении с противником потеряли свою выдержку. Корпус тяжело пострадал. В одной пехоте потери достигли в круглых цифрах 8000 человек – треть всех наличных сил, причем 200 офицеров было убито и ранено»^[306].

Как отмечал русский участник боя: «...на наш средний армейский 3-й корпус генерала Епанчина, наступал 17-й германский корпус знаменитого генерала Макензена, едва ли не лучший во всей германской армии; так как, по справедливости, первый германский корпус из Кёнигсберга и 17-й из Данцига считались лучшими в германской армии по своему героическому боевому духу и по своей боевой подготовке, притом оба корпуса имели выдающихся начальников. В центре русские оборонялись, будучи в полтора раза слабее наступавших немцев. Пехота Макензена, поддержанная сильнейшим огнем сразу развернувшейся артиллерии, перешла в решительное наступление и атаковала русский центр, проявив в этом встречном бою выдающийся наступательный порыв. Однако с утра разгоревшийся бой не принес боевого счастья генералу Макензену и его храбрым полкам... Скоро немцы попали в устроенный здесь русским военным искусством огневой мешок, который наша артиллерия простреливала насквозь. Эта огневая ловушка их погубила. Жестоко расстреливаемые метким и сосредоточенным огнем нашей артиллерии, немцы к четверем часам дня дрогнули и неудержимой волной хлынули назад всей боевой линией, причем казалось, что паника одолела самую прочную немецкую дисциплину»^[307].

35-я и 36-я пехотные дивизии немцев, потеряв моральную устойчивость и сея в тылу панику, отошли за р. Ангерап. Русская 25-я пехотная дивизия нанесла удар дивизии Бродрюка и отбросила ее к Гумбиннену.

Вечером 7 августа командующий 8-й германской армией генерал фон Притвиц, подведя итоги сражения, нашел невозможным дальнейшее продолжение предпринятой им наступательной операции. Он считал сражение под Гумбинненом германцами проигранным и в ближайшее время не рассчитывал добиться здесь решительных результатов. Потеря времени создавала для германцев угрозу охвата с запада со стороны 2-й русской армии, наступавшей с юга.

Это было первое серьезное поражение немцев в войне.

Исследователь кампании 1914 г. на северо-западном театре военных

действий профессор И. И. Вацетис констатировал: «8-я германская армия в бою под Гумбинненом потерпела крупную неудачу, которая при продолжении боя могла бы обратиться в катастрофу. Ген. фон Притвицу оставался единственным выход из критического положения – отступить на р. Ангерап»^[308]. Полковник Ф. Храмов отмечал: «Сражение под Гумбинненом выиграно русскими войсками. Они нанесли крупное поражение четырем германским дивизиям, имея со своей стороны значительно потрепанной только одну (28-ю) дивизию»^[309].

Итогом Гумбиннен-Гольдапского сражения стали: а) смена командования 8-й германской армии и начало ее отступления на Вислу; б) самое главное – немцы приняли решение перебросить на восток с Французского фронта 6 корпусов. Три из них начали переброску (причем два – из и так ослабленного и наиболее ответственного германского правого крыла, наносившего удар через Бельгию, – 11-й армейский и Гвардейский резервный корпуса; готовился к переброске также 5-й армейский корпус из армии кронпринца). Перебрасывалась также 8-я саксонская кавалерийская дивизия.

Французская официальная история войны прямо связывала «катастрофу» 17-го корпуса А. Макензена под Гумбинненом^[310] с принятием решения о переброске дополнительных германских войск с Французского фронта в Восточную Пруссию.

Огромная заслуга А. А. Граникова в том, что 109-й Волжский пехотный полк под его командованием сыграл ключевую роль в Гумбинненском бою – без преувеличения, решающей битвы Первой мировой войны.

Ведь у Германии был единственный шанс выиграть войну на два фронта – это, пользуясь преимуществами внутренних операционных линий, разгромить противников по частям. Иначе говоря, полностью разгромить Францию, пользуясь разницей в сроках между французской и русской мобилизациями.

Немцы не смогли выиграть на Востоке время для завершения кампании на Западе. Более того, произошло именно то, чего стремились избежать авторы «плана Шлиффена». Германское командование ослабило ударную группу на Французском фронте ради интересов второстепенного на данный момент театра военных действий (а ведь по плану допускалось даже оставление Восточной Пруссии во имя успеха главной операции во Франции). Стремление удержать Пруссию носило ярко выраженную моральную и политическую окраску.

В итоге немцы в решительный момент, ослабив ударное крыло на Западе, провалили математически точный план А. фон Шлиффена и лишили себя надежды на благополучный исход всей войны. 6 армейских корпусов пришли в движение – из них 3 оттянул Русский фронт: Гвардейский резервный из состава 2-й армии, 11-й армейский из 3-й армии вместе с 8-й кавалерийской дивизией были отправлены в Восточную Пруссию. 5-й армейский корпус также в самый ответственный момент был оттянут с Французского фронта и готовился к переброске, и хотя в Пруссию не попал, но и не принял участия и в решающих боях во Франции.

Немцам не хватило этих корпусов для победы на Марне.

Профессор комдив В. А. Меликов писал: «В августе – сентябре 1914 г. Франция оказалась в тяжелом положении... и если бы не бешеное огульное наступление в Восточную Пруссию царской армии, которая спешила этим ударом отвлечь германские силы на восточный (русский) фронт... то положение на Марне для французов было бы еще более серьезным»^[311]. «Мольтке-младший приказал снять с главного направления (правый фланг германских армий, двигавшихся к Парижу) два корпуса и перебросить их на восточный фронт. Эта слабость в стратегической целеустремленности имела свои тяжелые последствия для германских армий, так как этих корпусов, столь нужных в сражении на Марне, там уже не оказалось...»^[312]

Ю. Н. Данилов зафиксировал причины снятия корпусов именно с ударного крыла германской армии: «Развертывавшиеся у немцев на востоке события не позволяли медлить, и потому к перевозке были предназначены такие части, которые скорее других могли быть посажены на железную дорогу и прибыть к месту нового назначения. В соответствии с таким заданием были сняты с правого обходившего французов фланга два корпуса (Гвардейский резервный и XI) и одна кавалерийская дивизия (8-я)... Принятое германским главнокомандованием решение о переброске части сил на восточный фронт явилось, конечно, для дальнейшего хода событий на западе фактором огромного значения. Кроме численного и притом значительного ослабления уже занесенного удара, это решение, несомненно, оказало еще свое подтачивающее влияние на духовное равновесие германских вождей, их веру в предстоящее дело, а значит, и волю к победе...»^[313]

Ф. Храмов отмечал: «Такое ослабление ударной группировки правого крыла германских армий, бесспорно, было одной из причин неудачного для германских войск исхода сражения на Марне в сентябре 1914 года...»^[314]

«Таким образом, русские, вынудив германское командование перебросить часть сил с французского фронта на восток, оказали Франции серьезную помощь, сыгравшую в дальнейшем ходе войны крупную стратегическую роль»^[315].

Германский военный историк О. фон Мозер считал, что критическая обстановка, создавшаяся в Восточной Пруссии, «послужила причиной особенно неудачного и рокового мероприятия, а именно – посылки двух армейских корпусов с правого фланга немецкой армии в Восточную Пруссию, где тем временем создалась критическая обстановка...»^[316]

А Н. Н. Головин утверждал, что переброска вышеуказанных корпусов с Западного фронта на Восточный «представляла собой самую грубую стратегическую ошибку, совершенную во время Великой войны какой-либо воюющей стороной»^[317].

То есть в результате боя, выигранного во многом благодаря усилиям А. А. Граникова, немцы перебросили в Восточную Пруссию из Франции 2 корпуса, сорвав тем самым реализацию плана А. Шлиффена и проиграв Марнскую битву и, соответственно, всю войну. Последнее было самым главным итогом операции для всей Антанты и главным фактором для исхода Первой мировой войны.

У истоков отечественной контрразведки. Генерал-майор Н. С. Батюшин

В Великую войну мы вступили вполне подготовленными в военно-разведывательном отношении, удачно разрешив все поставленные на период мирного времени тайной разведкой задачи, и... достигли этого своим собственным умом, нередко делясь даже результатами своих достижений со своей союзницей^[318].

Становление офицера – служба Батюшина до Великой войны

Николай Степанович Батюшин – русский генерал, один из основателей отечественной военной разведки и контрразведки, основоположник экономической контрразведки России.

Н. С. Батюшин – уроженец Астраханской губернии, родился в семье мещан 26.02.1874 г.

Образование Николай Степанович получил в Астраханском реальном училище. Отсутствие в Астрахани военно-учебных заведений и склонность молодого человека к техническим наукам привели к тому, что Батюшин поехал учиться в г. Санкт-Петербург.

На службу он поступил 05.09.1890 г., будучи принят в Михайловское артиллерийское училище, сдав выбранный им экзамен по математическим предметам. Михайловское артиллерийское училище – военно-учебное заведение, дававшее серьезную специальную артиллерийскую подготовку: «Михайловцы и обстановка их училища производили впечатление настоящего храма науки, а мои давние товарищи по корпусу приобрели скорее вид ученых, нежели легкомысленных юнкеров. Чувствовалось, что училище живет серьезной трудовой жизнью и в нем нет места показной стороне, нет места “цуку” и ненужной браваде»^[319].

Другой выпускник так передавал свои впечатления от училища: «Время учебы оказалось счастливейшим временем моей жизни – тяжелая, но хорошо организованная и направленная работа; разумная дисциплина и управление; близкие по духу товарищи-юнкера; светлые надежды на будущее...»^[320]

Сам Н. С. Батюшин с теплотой отзывался о годах учебы и об училище: «Мое пребывание в Михайловском артиллерийском училище мне дорого не по одному тому, что меня отделяет от него почти полвека жизни; если бы я родился второй раз и вторично пришлось выбирать себе училище, то я непременно пошел бы в училище, которое заложило во мне не только серьезные основы военного дела, но, главное, воспитало сознательного солдата. В этом училище очень умело соединялось широкое научное образование на математической, главным образом, основе со стремлением расширить путем самообразования горизонты своих питомцев и во всех других сферах»^[321].

08.05.1891 г. юнкер Батюшин стал унтер-офицером, а 07.11.1892 г. – портупей-юнкером^[322].

Окончив Михайловское артиллерийское училище по первому разряду, 07.08.1893 г. подпоручик Батюшин был выпущен в 4-ю конно-артиллерийскую батарею. 08.10.1896 г. молодой офицер был произведен в поручики. В период службы в батарее он занимал должности, связанные с обучением нижних чинов (учитель Учебной команды батареи) и техническим обеспечением функционирования части (исполняя обязанности делопроизводителя батарейной канцелярии).

08.10.1896 г. Батюшин поступил в Николаевскую академию Генерального штаба – высшее военно-учебное заведение Российской империи. В 1899 г. Николай Степанович окончил Академию (2 класса) по первому разряду и дополнительный курс Академии на «успешно», получив в этом же году (2 июня) чин штабс-капитана.

Начиналась служба офицера Генерального штаба.

Н. С. Батюшин вернулся в родной Виленский военный округ и был прикомандирован к штабу 2-й кавалерийской дивизии. С 14.01.1900 г. он командовал 4-й батареей 2-го конно-артиллерийского дивизиона, а 01.10.1900 г. стал начальником учебной команды дивизиона.

Временный командующий 2-й кавалерийской дивизией в «Аттестации о служебной деятельности причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Батюшина...» записал: «Все... должности и поручения штабс-капитан Батюшин исполнял с безукоризненной точностью и вполне отлично... отличаясь воспитанной выдержкой, держит себя с большим достоинством и служебным тактом... Здоров, вынослив и неутомим... Самолюбив и чуток к правде и справедливости. Самостоятелен, энергичен, к делу службы относится с любовью и принимает решения на основании здраво-логических выводов, не нуждается в посторонней помощи... Вообще штабс-капитан Батюшин как человек и офицер во всех отношениях отличный»^[323].

Дальнейшая служба офицера была связана с Варшавским военным округом – одним из самых передовых военных округов Российской империи. 15.09.1901 г. Батюшин был переведен на службу в этот округ.

С 09.04.1902 г. он – старший адъютант штаба 19-го армейского корпуса (произведен в капитаны), а с 11.05.1903 г. – помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа. Ценовое командование эскадроном Н. С. Батюшин отбывал в лейб-гвардии Уланском Его Величества полку (04.12.1903 г. – 22.10.1904 г.).

В эти годы по инициативе военного министра А. Н. Куропаткина специалисты Генерального штаба начали проработку идеи создания в рамках своего ведомства отдельной службы военной контрразведки. Главная задача службы: противодействие разведывательной деятельности стран – потенциальных военных противников России. 20.01.1903 г. Государь Император на рапорте военного министра поставил визу: «С огласен». Этот день можно считать днем рождения русской военной контрразведки.

Н. С. Батюшин – участник Русско-японской войны. С 19.10.1904 г. он являлся помощником старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии. В это время получил чин подполковника (старшинство 06.12.1904 г.). 07.01.1905 г. перспективный подполковник занял должность помощника старшего адъютанта оперативного отделения 2-й Маньчжурской армии.

С 30.06.1905 г. Батюшин – старший адъютант штаба Варшавского военного округа. Именно с этого времени он возглавил разведывательную и контрразведывательную службу округа. Н. С. Батюшин писал о своей новой должности: «Особенную пользу принесло мне почти десятилетнее пребывание в должности начальника разведывательного отделения нашего главнейшего военного округа – Варшавского (1905–1914 гг.), на долю которого приходилось две трети границы с Германией и Австро-Венгрией»^[324].

Полковник Н. С. Батюшин (чин получил 06.12.1908 г.^[325]) за десять лет превратил разведывательную службу Варшавского военного округа в образец для подражания со стороны разведок других округов и грозу для германо-австрийского командования.

Разведывательное отделение округа было крайне незначительно по своему составу – оно состояло из начальника, одного-двух его помощников и нескольких вольнонаемных чиновников. Штабы округов испытывали постоянный дефицит в материальных средствах. На отпускаемые деньги (Варшавский военный округ, в 1913 г. имея за границей 57 агентов, получил 45 тыс. рублей^[326]) трудно было заполучить ценную агентуру и наладить долговременное сотрудничество с зарубежными информаторами. И именно благодаря энергии Николая Степановича разведка Варшавского военного округа была на должном уровне.

Будущий маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, перед Первой мировой войной служивший в 14-й кавалерийской дивизии и лично знавший Н. С. Батюшина, характеризуя руководство Варшавского военного

округа, писал о главе его разведки: «Старшим адъютантом разведывательного отделения состоял полковник Батюшин, человек твердый, хорошо знавший германскую и австро-венгерскую армии. Он не действовал через крупных агентов, а работал с помощью писарей штаба, мелких гражданских чиновников и т. д. ...все отчеты о военных играх, маневрах, о численном составе частей вероятных противников в штабе Варшавского военного округа были всегда налицо. Недаром и немцы, и австрийцы боялись этой массовой агентуры Батюшина»^[327].

Авторитет Н. С. Батюшина признавался руководителями всех, без исключения, разведок Европы того времени.

Так, шеф австрийской разведки и контрразведки генерал-майор М. Ронге писал о деятельности своего опасного противника: «Дом полковника Батюшина на Саксонской площади в Варшаве, где капитан Терехов и капитан Лебедев выработались в прекрасных помощников, сильно беспокоивших нас во время мировой войны, давал в своих стенах приют предприятию, работавшему с массой руководителей – начальников групп, вербовщиков агентов, разведывательных инспекторов и женщин. Эти последние особенно охотно использовались в качестве посредниц и вербовщиц... Вербовщики и посредники Батюшина нередко имели целые бюро, как, например, Зигельберг, Самуэль, Пинкерт, Соломон Розенберг, и прежде всего Иосиф Герц – правая рука полковника Батюшина, специалист по фабрикации фальшивых паспортов, фальшивых крепостных планов и т. п. ...Батюшин имел армию доверенных лиц, хозяев явочных квартир, старших дворников и подручных. ...одинаковое снаряжение агентов Батюшина... несомненно, вредило образцовой в остальном отношении разведывательной службе»^[328].

Руководитель германской разведывательной службы полковник В. Николаи так характеризовал русскую военную разведку и ее самого яркого представителя: «Каждый военный округ на русской западной границе имел разведывательное отделение в составе 6—10 офицеров во главе с офицером Генерального штаба. Разведывательные отделения в Петербурге и Вильно работали против Германии, в Киеве – против Австрии, в Варшаве – против обеих стран. Они “обрабатывали” расквартированные в пограничном районе высшие штабы германских и австро-венгерских войск. В качестве посредников им были подчинены пограничная стража и пограничная жандармерия, на которые возлагалась, кроме того, мелкая шпионская работа в пограничной полосе, как на предположительном театре военных действий... Русская разведка вполне

ознакомилась с восточными крепостями Германии и со всей железнодорожной и шоссейной сетью Восточной Германии. В Австрии и на Балканах она всюду пустила крепкие корни... Разведывательное отделение Варшавского военного округа [действовало] под начальством особенно деятельно и успешно работавшего полковника Батюшина... Полковник Батюшин не останавливался перед личным приездом для инструктирования в Торн и в Бреславль, где у него на службе находился также писарь крепости»^[329].

Итогом деятельности разведки Варшавского военного округа стал тот факт, что с 1907-го по 1910 г. разведчики, руководимые Н. С. Батюшиным, добыли 120 документов, среди которых – материалы, освещающие развертывание полевых, запасных и ландверных войск противника, мобилизационные планы, планы крепостей, схемы инженерной обороны и пр. Составленное Батюшиным в 1913 г. квартирное расписание австро-венгерской армии^[330] было одним из наиболее подробных сборников сведений о войсках противника в то время. Информация (от источников комплектования до указания фамилий штаб-офицеров войсковых частей) – была исчерпывающей.

В годы своего становления русская военная контрразведка была достаточно слаба.

Согласно штатам, численность личного состава семи отделений армейской контрразведки определялась в 108 единиц, из которых 23 передавались штабу войск гвардии и Петербургского военного округа, 19 – Варшавского, 17 – Киевского и по 13 – штабам Хабаровского и Виленского военных округов; по 11 и 12 единиц получали Иркутский и Одесский военные округа, соответственно. Штат контрразведывательного отделения (КРО) Варшавского военного округа в 1911 г. – начальник отделения, помощник начальника, 3 чиновника для поручений, 4 старших и 10 младших агентов.

Помимо недостаточного материального обеспечения деятельности контрразведки, важнейшим вопросом была проблема налаживания взаимодействия с другими правоохранительными органами – пограничной и таможенной службами, органами полиции и жандармерией. Штабу округа по согласованию с руководителем полицейской службы в случае оперативной необходимости могли придаваться сотрудники полицейских органов. Законы Российской империи лишали органы военной контрразведки права в мирное время самостоятельно задерживать подозреваемых – к онтрразведчики не имели права на проведение

«ликвидации» дела.

Данным правом обладали жандармы и полиция. Жандармский орган, получив от контрразведки просьбу осуществить арест или провести какие-либо следственные действия, занимался изучением материалов дела, и лишь после этого принималось решение. С одной стороны, подобное разделение обязанностей ограничивало произвол контрразведки, с другой – ставило успех контрразведывательных операций в зависимость от иных служб. Зачастую возникали несогласованности и накладки. Соответственно, привлечь к суду даже уличенное в шпионаже лицо из-за несовершенства законов Российской империи удавалось не всегда.

Это обстоятельство также придавало особое значение вопросу налаживания взаимодействия между правоохранительными органами. Личностный фактор, таким образом, накладывал отпечаток на процесс выстраивания отношений между руководителями ведомств в процессе оперативной работы. Более того, во многих случаях этот фактор становился решающим.

Соответственно, огромное значение имел авторитет руководителя соответствующего органа – и личность Н. С. Батюшина играла в этих случаях важнейшую роль.

Несмотря на несовершенство закона в вопросах юридического преследования шпионов, проблемы межведомственного взаимодействия и недостатки материально-технического обеспечения, контрразведка Варшавского военного округа также была самой передовой в России.

О реальном вкладе Варшавского округа в безопасность государства можно судить по следующим цифрам: с 1900-го по 1910 г. было выявлено почти полторы сотни иностранных шпионов (до суда удалось довести 17 дел с 33 обвиняемыми); в 1911–1913 гг. арестованы 61 человек; в 1911–1914 гг. осуждены 10 человек. По последнему показателю округ был на 1-м месте в России. Во всех судебных процессах, связанных со шпионажем, Н. С. Батюшин выступал в качестве военного эксперта. Причем процессы такого рода в России были совершенно новым делом. На 1 января 1914 г. на заметке у органов контрразведки числились 144 подозреваемых – из них 66 австрийцев и 80 немцев.

С 1911 г. государственные ассигнования на разведку и контр разведку выросли. Разведывательные (таково их официальное наименование с 1907 г.) и контрразведывательные (с 1911 г.) отделения, как две автономные службы, в штабах округов получили свой правовой статус, штатное расписание, финансовое обеспечение. В июне 1911 г. военный министр В. А. Сухомлинов утвердил два важнейших документа, регулирующих

контрразведывательную деятельность: «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных органов». Ведущая роль в разработке этих документов принадлежала ответственным военным специалистам в сфере разведки и контрразведки западных военных округов России, и среди них приоритетными считались суждения Н. С. Батюшина.

В апреле 1912 г. Государственная дума утвердила необходимые изменения действующего российского законодательства в сфере государственной измены «путем шпионства».

Николай Степанович и его сотрудники были на отличном счету как у руководства Генерального штаба, так и у командующего войсками Варшавского военного округа.

18.04.—07.06.1914 г. Н. С. Батюшин занимал должность генерал-квартирмейстера Штаба Варшавского военного округа.

В этот период он – признанный ведущий специалист по разведывательной и контрразведывательной деятельности не только в своем округе, но и в России.

В предвоенный период для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийском полку Николай Степанович был прикомандирован к лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку (16.05.—29.09.1909 г.) и 4-му драгунскому Новотроицко-Екатеринославскому полку (29.04.—01.09.1913 г.). Прикомандировывался он и к артиллерии (21.04.—22.06.1911 г.).

Разведка и контрразведка – деятельность Н. С. Батюшина в годы Великой войны

Генерал от инфантерии М. В. Алексеев писал: «Контрразведка – это недра военного сыска; это сильное предохранительное средство от домашних шпионов, которым место на виселице, если она в надлежащих руках...»^[331]

И одни из этих рук принадлежали Батюшину. С началом Великой войны контрразведывательные органы штабов военных округов вышли из ведения Главного управления Генерального штаба, перейдя в подчинение штабов фронтов и отдельных армий.

Николай Степанович 08.07.1914 г. был назначен на ответственную должность начальника разведывательного отделения штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. В ходе Первой мировой войны он также активно занимался контрразведывательной деятельностью – создал ее на Германском фронте практически с нуля.

Дело в том, что с началом войны роль контрразведки сводилась преимущественно к защите секретных мобилизационных планов, стратегических и тактических замыслов командования, обеспечения проведения мобилизации, осуществления боевых действий и охраны сведений о новых образцах военной техники. Проблема обеспечения безопасности в войсках, тем более силами контрразведывательных органов, в то время не ставилась. Не учитывались возможное дезертирство, возможности националистической и революционной пропаганды в войсках как со стороны противника, так и антиправительственными силами внутри страны. Не были приняты меры противодействия информационной войне со стороны австро-германцев.

Соответственно, для органов контрразведки главным с началом войны было – не дать противнику увидеть проведение мобилизации, выяснить сроки отправки частей на фронт, степень их укомплектованности и т. д. А далее, особенно при затягивании войны, наступала импровизация.

С началом боевых действий штабы фронтов приступили к созданию своей собственной агентурной разведки. Но именно в силу указанных выше причин в первый период войны штабы фронтов и армий никаких инструкций или директив для ведения фронтовой агентурной разведки и контрразведки от вышестоящих инстанций не имели.

Говоря о недооценке разведывательной деятельности со стороны командования Действующей армии, Н. С. Батюшин констатировал: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать – спустя рукава»^[332]. По его словам, Ставка Верховного главнокомандования не обращала на контрразведку внимания, ее сотрудники работали по собственному усмотрению, без общего руководства и поддержки.

Единственным указанием на организацию фронтовой разведки и контрразведки в военное время можно считать статью 117-ю «Положения о полевом управлении войск в военное время». Эта статья возлагала обязанности по осуществлению разведывательной и контрразведывательной деятельности на генерал-квартирмейстера штаба фронта: «Генерал-квартирмейстер по общим указаниям начальника штаба организует и руководит делом разведки о противнике и местности, а также принимает меры для борьбы со шпионством... он разрабатывает общие соображения по согласованию мероприятий, принимаемых в отношении разведки и борьбы со шпионством штабами армий, входящих в состав фронта. По общим указаниям начальника штаба он расходует ассигнуемые по штабу на разведку и борьбу со шпионством суммы и наблюдает за ведением отчетности по ним»^[333].

Именно этим и приходилось заниматься Н. С. Батюшину.

Штат разведывательного отделения штаба фронта: начальник отделения – полковник Генерального штаба, его помощники (2 штаб-офицера – из них 1 Генерального штаба, 1 – может быть, Отдельного корпуса жандармов для осуществления контрразведывательной деятельности).

Постепенно разведывательные отделения штабов фронтов разрослись, насчитывая в своем составе несколько десятков офицеров, чиновников и солдат. М. К. Лемке писал: «Полковник Терехов рассказал кое-что об организации разведки в больших штабах. В мирное время он заведовал разведывательным отделением штаба... военного округа... В год на покупку... документов, планов и пр. ему отпускалось 35 000 руб. Разумеется, это – капля в море. Агентов у него было 10–12... а теперь в одной II армии в месяц расходуют 20 000 рублей. Трое агентов было в Восточной Пруссии, трое – в Познани, и т. д. Ясно, что с объявлением войны пришлось все создавать наново, и только одна II армия имела тогда уже до 200 агентов»^[334].

Лишь на втором году войны начали появляться инструкции,

наставления и руководства, указывавшие, как вести разведку, вербовать и готовить агентов, перебрасывать их в тыл противника. Первые такие документы вырабатывали армии, а в дальнейшем – штабы фронтов и Ставка Верховного главнокомандующего. Так, 6 июня 1915 г. Верховный главнокомандующий одобрил «Наставление по контрразведке в военное время».

В период войны тактическая структура управления разведывательной деятельностью фронта выглядела следующим образом^[335].

1) Руководитель разведывательного отделения.

2) Помощник руководителя (занимался проверкой документов новых агентов, их регистрацией, вел соответствующую ведомость).

3) Агенты-вербовщики (вербовали агентов – прежде всего из числа беженцев). Каждый вербовщик жил на отдельной конспиративной квартире вместе с завербованными им агентами (обычно не более 3–4). На эту же квартиру приходили агенты, прибывавшие из-за линии фронта. Старались, чтобы агенты, жившие на разных квартирах, друг друга не знали.

4) Агенты. За всеми агентами (особенно вновь завербованными) устанавливалось наблюдение. Свободные от слежки агенты вели наблюдение за помещением разведывательного отделения в целях охраны его от контрразведки противника. Была создана система обучения агентов. В 1915-м г. во 2-й армии, например, функционировали 3 разведшколы.

В первые дни войны русское командование пыталось обойтись сведениями войсковой разведки и показаниями пленных. Но когда убедились, что эти сведения недостаточны, штабы фронтов стали посылать т. н. ходоков за линию фронта. Вскоре же и этого оказалось недостаточно, тем более что таким образом обеспечивались сведения лишь о непосредственном фронте противника и его ближайшем тыле. Для решения стратегических задач этих сведений было явно недостаточно.

В штабах фронтов задумались о глубокой агентурной разведке. Было принято решение вербовать на русской территории людей, подходивших для переброски в нейтральные страны, где они должны были создавать агентурные организации и направлять агентов в неприятельские государства. С этого момента военные агенты Генерального штаба в нейтральных странах превратились в посредников между штабами фронтов и их агентами за рубежом. Агенты в нейтральных странах получали через официальных военных агентов деньги и директивы. Через них же они пересылали добытые сведения, зашифрованные шифром военного агента и за его подписью. Руководитель разведки и контрразведки фронта должен был осуществлять контакты и с такими агентами.

Штаб Северо-Западного (с августа 1915 г. Северного) фронта имел агентурную организацию в Копенгагене, а в конце 1915 г. отправил в Германию агента – уроженца Финляндии, англичанина по происхождению, имевшего к тому же родственные связи в Германии. Кроме того, был завербован поляк Залесский В. П., который был переброшен в Скандинавию, а впоследствии еще два поляка (один был командирован в Швецию и Данию, а второй в Швейцарию). Им ставилась задача: завербовать в этих странах подданных нейтральных государств и из них создать агентурную сеть в Германии. Несколько позднее штабом фронта был отправлен в Голландию еще один агент, причем с радиопередатчиком.

Но агентура в Дании была расшифрована и перекуплена германской контрразведкой. Да и личности многих агентов оставляли желать лучшего.

На разведывательные и контрразведывательные мероприятия Северо-Западного фронта накладывала отпечаток и обширная зона ответственности – Прибалтика, Финляндия, побережье Балтийского моря.

21.04.—30.07.1915 г. Николай Степанович Батюшин занимал строевые должности (был командиром 2-го лейб-драгунского Псковского полка), временно исполнял должности командующего 1-й бригадой 2-й кавалерийской дивизии, начальника штаба 2-й кавалерийской дивизии. Вероятнее всего, временный уход в строй был вызван кадровыми перестановками в руководстве Северо-Западного фронта – новый командующий М. В. Алексеев на ключевые должности привел своих людей.

Но с разделением Северо-Западного фронта на Северный и Западный Н. С. Батюшин вновь получил возможность заняться делом руководства и курирования разведывательных и контрразведывательных органов. С 12.08.1915 г. Николай Степанович – генерал для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта.

В декабре 1915 г. он получил чин генерал-майора.

Этот период – время позиционной войны, когда вести фронтовую агентурную разведку было крайне трудно, т. к. пробраться в тыл противника стоило многих трудов и жертв. Тем не менее о качестве работы разведки говорит, например, документ под названием «Тыл противника, действующего перед армиями Северного фронта по данным войсковой, агентурной и воздушной разведок к 1 марта 1916 года». Будучи составлен к началу Нарочской операции 1916 г. разведывательным отделением Штаба Северного фронта, он отличается системностью и тщательным подбором собранной информации. Большинство сведений, как следует из его содержания, получено именно от агентурной разведки^[336].

В сфере контрразведывательной деятельности по мере накопления опыта становилось очевидным, что функции контрразведки гораздо шире непосредственного противодействия усилиям вражеских разведок: «Сама жизнь заставляла все более и более раздвигать рамки понятия о контрразведке, широко захватывая экономическую жизнь страны. Вхождение в район Северного фронта Прибалтийского края, Финляндии, Беломорского побережья, Петроградского военного округа с массой заводов, работающих на оборону, столкновение национальных интересов немцев и латышей в прибалтийских губерниях, центробежные стремления финнов и шведов в Финляндии, рабочий вопрос в Петрограде – все это тяжелым бременем ложилось на работу чинов контрразведывательного отделения Северного фронта. В день мне приходилось подписывать по контрразведывательному отделению до ста бумаг...»^[337]

В ходе Первой мировой войны Н. С. Батюшин возглавлял специальную комиссию по расследованию злоупотреблений и предательства в высших кругах российской власти (так называемое дело полковника С. Н. Мясоедова и военного министра В. А. Сухомлинова), за что подвергся широкой критике и даже травле в прессе.

Находящийся в отставке жандармский полковник Мясоедов и ряд других лиц в результате оперативной разработки были схвачены с поличным, арестованы и осуждены. В марте 1915 г. Мясоедов был казнен. В июне 1915 г. император принял отставку Сухомлинова, т. к. министр оказался скомпрометирован делом Мясоедова.

Н. С. Батюшин занимался расследованием этого не очень популярного и полезного для его карьеры дела.

В конце мая 1916 г. на основе сведений Департамента полиции и военной контрразведки об антигосударственной деятельности банкира Д. Рубенштейна и некоторых других финансовых воротил (среди которых – сахарозаводчики А. Добрый, И. Бабушкин, И. Гопнер) начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев добился разрешения Николая II на создание специальной оперативно-следственной комиссии в рамках Северного фронта. Имелись доказательства, что в лице финансовых дельцов, биржевых маклеров и иных воротил большого бизнеса, имеющих прямой выход за рубеж, германская разведка решает ряд важных задач. При определении кандидатуры руководителя комиссии выбор пал на Генерального штаба генерал-майора Н. С. Батюшина.

Николаю Степановичу пришлось освоить новейший, до сих пор не осуществлявшийся в России вид контрразведывательной деятельности.

Таким образом, он стоит у истоков создания отечественной

экономической контрразведки.

Экономический шпионаж всегда имел большое значение, но особую роль он стал играть в годы Первой мировой войны. В связи с затяжным характером мировой войны на первый план выступило экономическое состояние государств, и все воюющие державы принялись за систематическое всестороннее изучение промышленности, финансов, торговли как своих противников, так и нейтральных государств. В Первую мировую войну экономический шпионаж превратился в один из важнейших видов разведывательной деятельности, а количественно возрос многократно.

Кроме осуществления экономической разведки, немцы, пользуясь возможностью широко влиять на ход хозяйственной жизни России, Франции и нейтральных стран, старались через своих агентов создавать в них «тяжелое положение». Причем совсем необязательно это должны быть непосредственные агенты – вполне достаточно и агентов влияния (какими являются некоторые фигуранты дела Рубенштейна). Для этого:

1) Создавались всевозможные затруднения в сфере товарообмена, распределения материальных ресурсов, в транспортной сфере.

2) Велась агитация против заключаемых государством займов, как внутренних, так и внешних.

3) Делались попытки понизить курс бумажных денег.

4) Выпускались фальшивые деньги.

5) Скупались и вывозились за границу золото и материальные ценности.

Союзникам по Антанте пришлось столкнуться с фактами поставок через нейтральные страны для держав германского блока продуктов, в которых они испытывали недостаток. Причем много упреков было высказано и в адрес России, предприниматели которой якобы через Швецию снабжали Германию металлом и хлебом^[338].

Показательно, что союзники по Антанте объединили свои усилия в экономической сфере – был создан постоянный международный комитет экономической борьбы под председательством Д. Кошена. В тесном контакте с этим комитетом вело работу междусоюзническое разведывательное отделение Интералье при 2-м бюро французского Генерального штаба, объединившее всю разведку союзников. Интералье состояло из отдельных миссий союзников – французской, английской, русской, бельгийской, итальянской, португальской, а впоследствии и американской. Каждая миссия вела военную, экономическую и политическую разведку и контр разведку.

Экономическая разведка сильнее всего была развита у англичан и французов. Работа экономического отделения при русской миссии бюро Интералье состояла, в основном, в деятельности по передаче информации союзникам и от союзников – русским военным и правоохранительным органам.

Показательно, что с того момента, как усилия Антанты в сфере экономической войны были централизованы, положение Германии сразу ухудшилось. К нарушителям блокады стран германского блока применялись соответствующие экономические и организационные меры. Органы экономической контрразведки стран-союзниц осуществляли строгий контроль в данной сфере – фирма-нарушитель попадала в черные списки (с ней прекращали торговлю), материальное снабжение нейтральной державы также прекращалось. В итоге экономическое снабжение держав противника могло осуществляться лишь посредством контрабанды, но и с ней шла усиленная борьба.

Борьбой с экономическим шпионажем и экономическими преступлениями в тылу, затрагивающими интересы военного ведомства, и должна была заниматься Комиссия при штабе Северного фронта.

Генерал А. С. Лукомский следующим образом характеризовал деятельность комиссии Батюшина: «...начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев еще летом 1916 г. испросил Высочайшее соизволение на предоставление ему права производить необходимые расследования не только в районе, подведомственном Ставке Верховного главнокомандующего, но и в глубоком тылу, где, по положению, действовали органы, подведомственные министрам.

Основанием для испрошения подобного права послужили следующие мотивы. Некоторые дела о шпионаже, возникшие на фронте, указывали на непосредственную их связь с деятельностью шпионских организаций в глубоком тылу. Опыт показал, что передача ведения дел по тылу другим следственным органам, не подчиненным Ставке, нарушала цельность работы и, по мнению генерала Алексеева, вредно отражалась на ходе всего следственного производства. Кроме того, по сведениям, имевшимся у генерала Алексеева, в тылу начала развиваться преступная деятельность спекулянтов, работавших явно во вред армии. Были даже сведения, что некоторые спекулянты находились в связи с германскими агентами.

Генерал Алексеев решил под личным своим наблюдением разоблачить деятельность нескольких таких господ и судить их по законам военного времени. В распоряжении генерала Алексеева была следственная комиссия генерала Батюшина, которому генерал Алексеев вполне доверял.

Эта комиссия работала на Северном фронте и в своем составе имела нескольких очень опытных лиц (в ее же составе, как потом выяснилось, были и очень вредные элементы). Генерал Алексеев давал отдельные поручения генералу Батюшину, который ему же представлял отчет о деятельности своей комиссии по выполнению возложенных на нее задач.

В бытность мою генерал-квартирмейстером во время болезни и отсутствия из Ставки генерала Алексеева генерал Батюшин занимался расследованием двух дел, о которых осенью и зимой 1916 г. очень много говорили везде – и на фронте, и в тылу.

Первое дело касалось деятельности одного, довольно известного в Петрограде банковского деятеля Р. Он обвинялся в злостной спекуляции, которая вредит армии, и были сведения, что он своей деятельностью способствует нашим врагам.

Другое дело касалось группы сахарозаводчиков Юго-Западного края, получивших разрешение на вывоз сахара в пределы Персии (г-да Д.Б. и Г.). Во время войны курс нашего рубля в Персии катастрофически падал. Единственной действительной мерой, чтобы его поднять, казалась отправка в пределы Персии достаточного количества сахара. Сахар было разрешено отправить нескольким сахарозаводчикам Юго-Западного края. Отправлено сахара было много, но это нисколько не изменило курса нашего рубля.

При расследовании этого вопроса получились данные, что сахар через таможи в Персии прошел в сравнительно незначительном количестве, а остальной сахар куда-то исчез. Затем были получены сведения, что значительное количество сахара выгружалось на других станциях Закавказской железной дороги и переотправлялось в Персию через границу вне таможенных постов. На персидском рынке сахар появлялся в очень незначительном количестве. Из Персии же были получены сведения, что русский сахар в очень большом количестве проходит через Персию только транзитным путем, а попадая в Турцию, направляется в Германию.

Оба дела возбудили очень большой шум. Лица, к коим были предъявлены обвинения, были арестованы»^[339].

Сам Н. С. Батюшин так излагал причины, в связи с которыми контрразведка обратила пристальное внимание на дело Рубенштейна и сахарозаводчиков: «Толчком для расследования причин царствования тогда у нас экономической разрухи явилось исчезновение с рынка сначала сахара, а затем хлеба и других предметов первой необходимости, и это в такой земледельческой, как Россия, стране – бывшей житнице Европы. Правительство решило взять в свои руки контроль над распределением сахара и пр., учредив Бюро по продаже сахара – Центросахар... Всего

Россия производила около 90 миллионов пудов рафинада в год, причем значительная часть его вывозилась за границу... С началом войны вывоз сахара в воюющие страны прекратился, и тем не менее войскам пришлось давать вместо сахара-рафинада сахарный песок, да и того было ограниченное количество, поэтому было сокращено потребление его и населением. Расследованием моей комиссии и отобранными у наших сахарных королей Абрама Доброго, Израиля Бабушкина и Иовеля Гопнера – председателей правлений Александровско-Корюковского, Тульско-Черкасского и Могиланского сахарных товариществ было документально установлено, что около 30 000 000 пудов рафинада, или одна треть годового его производства, была сосредоточена на нашей границе с Персией, на Кавказе и в Средней Азии... Дальнейшим... расследованием было установлено, что этот сахар-рафинад переправлялся нелегальным путем через границу, а затем караванами шел на Багдад для снабжения наших противников»^[340].

Генерал-лейтенант П. Г. Курлов в своих воспоминаниях возмущался, что «контрразведывательные отделения далеко вышли за пределы специальности, произвольно включив в круг своих обязанностей борьбу со спекуляцией, дороговизной, политической пропагандой»^[341].

Но нам представляется, что в сложившейся на конец 1916 – начало 1917 гг. обстановке это было необходимо.

У Д. Рубенштейна был найден секретный документ штаба 3-й армии – т. е. юридически он попадал в ведение военной контрразведки. Вероятно, у него было бы найдено и большее количество секретных документов, если бы он не был предупрежден о готовившемся у него обыске человеком, близко стоявшим к председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру, что выяснилось лишь впоследствии.

Найдя лазейки в законодательстве и заручившись поддержкой влиятельных покровителей, 06.12.1915 г. Д. Рубенштейн был условно освобожден из-под ареста под поручительство. Но следствие не было закрыто, и он вскоре был вновь арестован. В феврале 1917 г. банкир в соответствии с законами военного времени как нежелательный элемент в административном порядке был определен на высылку в двадцать четыре часа в Сибирь.

Много лет спустя один из современников вспоминал: «Надо было видеть, как взбесились все его поклонники, его огромная шайка дельцов, прислужников, маклеров, адвокатов и все “общество”, его окружавшее и кутившее на его широкий счет первоклассного мошенника, обиравшего и

морившего голодом русский народ. От этой всей своры некуда было деваться, так как заседали они с приставаниями о различных хлопотах. Конечно, в Петрограде стон стонал об ужасном “антисемитизме”, проявленном к этому мученику воровского бизнеса, к этому несчастному Рубенштейну, которому не позволили выехать из Петрограда в собственном автомобиле, а предложили вместе с другими спекулянтами прокатиться до Новосибирска в арестантском вагоне за решеткой под конвоем»^[342]. Но «поездка в арестантском вагоне» не состоялась. Д. Рубенштейн оказался на свободе 28 февраля 1917 г. – он был освобожден из тюрьмы «восставшим народом», как писали в то время.

Другой очевидец так отзывался о главном фигуранте дела Комиссии Батюшина: «Д. Л. Рубенштейн – видный финансист, биржевик и банковский деятель, является одной из колоритнейших фигур нашего времени. Почти гениальный в спекуляциях, чуждый морали, смело оперирующий на границе гражданского и уголовного права, он завоевал себе очень влиятельное положение и в то же время являлся неисчерпаемой темой для рассказов и анекдотов, сделавших его имя чрезвычайно популярным»^[343].

Интересно воспроизвести фамилии «невинно пострадавших» и «беспомощных» жертв Комиссии Н. С. Батюшина: это миллионер Животовский, киевские сахарозаводчики (А. Добрый и пр.), фабрикант Лурье, член правления Русско-Азиатского банка Н. А. Гордон и брат его, председатель табачного синдиката Б. А. Гордон, «приезжий богач» Шриро, бывший член частного Коммерческого банка Шкаф, банкир Рубенштейн, члены правления Соединенного банка и его «маклеры» – М. Д. Шкаф, Н. А. Шаскольский, М. В. Гуцин и Алексей Рубенштейн, граф Татищев и др.

Конец карьеры

К 1917 г. сложилась следующая ситуация: «...шпионство не только имеет тесную связь с политическим движением в России, но можно с известной достоверностью сказать, что оно даже питает такое движение»^[344].

Последующие события подтвердили верность этой цитаты.

В начале 1917-го г. генерал-майор Н. С. Батюшин возглавлял комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта. Ему достался один из тяжелейших участков работы – наведение порядка в тылу Северного фронта, рассадника германско-большевистской агентуры.

Но дело Рубенштейна оказалось роковым в карьере Николая Степановича. К власти пришла клика корыстных антигосударственников, заинтересованных в конечном ослаблении и гибели государства – и Рубенштейн оказался востребован в новой, «демократической» России. Очевидец происходившего писал: «Дело кончилось ничем, но как именно это произошло, я не знаю. Рубенштейна впервые я увидел в Зимнем дворце, в столовой, где завтракали члены и следователи верховной комиссии, исследовавшие злоупотребления старого режима. Зачем он туда пришел, меня никто не осведомил, но тогда я собственными глазами удостоверился, что он уже выпущен на свободу. А затем я был вызван в качестве свидетеля сенатором В. А. Бальцем, стоявшим во главе комиссии, в задачу которой входило расследование злоупотреблений... военного ведомства. Оказалось, что под стражею находится уже генерал Батюшин: ему, если не ошибаюсь, вменялось в вину включение ложных сведений о ходе дознания по делу Рубенштейна в письменные доклады начальству».

В ходе чистки органов контрразведки Временным правительством от чинов «старого режима» Н. С. Батюшин был временно арестован. Этому предшествовала серия газетных публикаций. В газете «Русская воля» за подписью некоего появились одна за другой две статьи под заголовком «Генерал Батюшин и К^о». В статье, в частности, говорилось: «Всего вторую неделю в Царском Селе под надзором находятся отрекшийся Николай II с семьей. Бывшие царские министры и сановники арестовываются и направляются в Петропавловскую крепость. По мнению “сценаристов”, под шумок произвольных арестов самое время открыть камеры Петропавловки также и для приспешников этой царской камарильи, их “всесильных охранников” – “генерала Б атюшина и К^о”».

Газета «Русская воля» контролировалась Д. Л. Рубенштейном.

27 марта, то есть спустя неделю после публикации второй статьи в «Русской воле», вечерний выпуск «Биржевых ведомостей» сообщил о новой сенсации: «Розыски и арест генерала Батюшина».

Статья сообщала: «С первых же дней революции скрылся неизвестно куда пресловутый генерал Батюшин, который стоял во главе комиссии, расследовавшей действия банков и т. п. Сподвижник генерала Батюшина полковник Резанов сначала скрылся, потом местонахождение его было обнаружено, и Резанов был арестован... О генерале Батюшине существовало предположение, что он скрылся за границу. До сведения властей дошло, что Батюшин имеет удостоверение, что он стоит во главе контрразведки. Благодаря этому он имеет возможность переходить русскую границу и отбыть в Стокгольм. Тщательные розыски генерала Батюшина дали, однако, свой результат. Батюшин был обнаружен в Пскове, где он скрылся недалеко за городом. В ближайшее время Батюшин будет перевезен в Петроград».

Генерал ни от кого не прятался, исполнял служебные обязанности.

И 8 апреля, в свой очередной приезд по делам службы в Петроград, Н. С. Батюшин был задержан и отправлен в дом предварительного заключения, где находился до ноября 1917 г. За все время пребывания в качестве задержанного он ни разу не был вызван следователем на допрос.

С конца 1918 г. Н. С. Батюшин – участник Белого движения. Вначале он состоял при начальнике штаба Крымско-Азовской армии, затем находился в распоряжении штаба Вооруженных сил Юга России – т. е. активного участия в Гражданской войне не принимал. После эвакуации из Крыма в 1920 г. проживал в Белграде, занимался преподавательской деятельностью (в частности, в белградском отделении Высших военно-научных курсов Н. Н. Головина).

Во время Второй мировой войны Н. С. Батюшин выехал в Бельгию, где скончался в доме для престарелых в Брен-ле-Конт в 1957 г.

20.10.2004 г. прах генерал-майора Генерального штаба Н. С. Батюшина при активном участии органов ФСБ РФ был с воинскими почестями перезахоронен на Николо-Архангельском кладбище в Москве.

Николай Степанович Батюшин был обладателем высоких правительственных наград: орденов Святого Станислава 3-й степени (1901 г.); Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (1906 г.); Святого Станислава 2-й степени с мечами (1906 г.); Святой Анны 2-й степени с мечами (1907 г.); Святого Владимира 4-й степени (1910 г.); Святого Владимира 3-й степени (1913 г.), медалей в честь коронации

Александра III, 300-летия дома Романовых, за участие в Русско-японской войне.

9 апреля 1915 г. генералу Н. С. Батюшину было объявлено Высочайшее благоволение «за отлично-усердную службу и труды, понесенные за время военных действий»^[345].

Батюшин был женат (на А. В. Депрейс), имел детей – Михаила (1903 г.р.), Ольгу (1901 г.р.), Татьяну и Елену (1905; 1907 г.р.).

Николай Степанович – автор военно-теоретических и практических работ, посвященных разведке и контрразведке, среди которых: Подробное квартирное расписание австро-венгерской армии (Варшава, 1913 г.); Тайная разведка и борьба с ней (София, 1939 г.); Радиотелеграфная разведка (Вестник военных знаний // Сараево. – 1931. – № 1; 1932. – № 2).

Как считал Н. С. Батюшин, руководитель разведки и контрразведки должен быть по образованности «с веком наравне», по интеллекту – «обладать особым синтетическим умом, дабы в мелочах улавливать общую картину, то есть обладать некоторым даром прозрения», по своей природе – быть «вполне застрахованным от разного рода увлечений, свойственных его возрасту, быть своего рода аскетом, находя выход своей энергии в азарте работы по тайной разведке. Но самое главное – он при огромном хладнокровии должен быть абсолютно честным человеком...». Можно вспомнить и такое его высказывание: «Если вам, Ваше превосходительство, даже во сне приснится, что ваш начальник разведывательного отделения нечистоплотен в денежном отношении, то вы его, проснувшись, смените, так как контролировать его нет возможности».

Всем этим качествам генерал-майор Генерального штаба Н. С. Батюшин соответствовал в полной мере. Н. С. Батюшин – профессионал-практик, занимавшийся исключительно важной деятельностью на таком важном направлении, как национальная безопасность России. В то же время он много сделал и для теории – исследовал вопрос о месте и роли разведки и контрразведки в государстве, изучал виды разведки и тактику борьбы со шпионажем.

Варшавский военный округ занимал важнейшее стратегическое положение на западной границе России – его войска действовали сразу против двух враждебных держав – Германии и Австро-Венгрии. Северный фронт – оперативно-стратегическое объединение, прикрывавшее важнейшее стратегическое направление, действовавшее исключительно против наиболее опасного противника – германцев (причем тыл фронта был наиболее обильно засорен агентурой противника и различными антигосударственными и подрывными элементами).

Н. С. Батюшин выполнял ответственную работу на наиболее тяжелых направлениях – был нужным человеком на своем месте, специалистом высокой квалификации.

Интерес представляют высказывания современников о Н. С. Батюшине.

М. К. Лемке, штабс-капитан, сотрудник Штаба Верховного главнокомандующего: «Этот полковник – очень ловкий человек; так, до войны, во время маневров у нас в присутствии императора Вильгельма Батюшин сумел достать на час его записную книжку, которую и сфотографировал».

Из аттестационного дела Н. С. Батюшина, старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа: «Умственные способности отличные... Воли твердой, настойчив, иногда чрезмерно впечатлителен... Работает очень много, причем проявляет инициативу, самостоятельность взглядов и упорство в их проведении...»

Генерал-квартирмейстер Варшавского военного округа П. И. Постовский о Н. С. Батюшине в аттестации 1911 г.: «Умный, серьезный, безусловно нравственный. Строг во взглядах на дела чести, всегда правдив, чрезвычайно самолюбив. Настойчив до упорства в проведении того, что считает полезным для горячо любимой им армии. Не допускает компромиссов с совестью ни в себе, ни в товарищах, ни в подчиненных. Всею душой отдается выполнению трудных обязанностей старшего адъютанта разведывательного отделения. Работает очень много, заставляя усердно работать и своих подчиненных. Всегда самостоятелен во взглядах, вполне способен к личной инициативе и принятию на себя ответственных решений. Вполне здоров. Вынослив. Будет отличным начальником штаба дивизии и командиром кавалерийского полка. Способен стать во главе ответственного отдела в одном из высших военных учреждений. Выдающийся».

Николай Степанович много сделал для становления отечественной разведки и контрразведки, стоял у истоков экономической контрразведки – и он навсегда войдет в историю отечественных вооруженных сил и правоохранительных органов.

Заключение

Судьбы и карьеры П. А. Плева, В. Е. Флуга, П. С. Балужева, А. А. Граникова и Н. С. Батюшина складывалась по-разному.

Различными были их служебный статус и боевые заслуги – они руководили полком и бригадой (А. А. Граников, Н. С. Батюшин), дивизией (П. С. Балужев), корпусом (П. С. Балужев, В. Е. Флуг), армией (В. Е. Флуг, П. С. Балужев, П. А. Плева), фронтом (П. С. Балужев, П. А. Плева), один занимал пост начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (Н. С. Батюшин).

Общими были два обстоятельства. Во-первых, жизнь и боевая служба этих людей во многом оказались забыты, так же как и события той войны, для достижения победы в которой они сделали так много. И, во-вторых, они были успешными руководителями – «людьми на своем месте», каждый на своем посту грамотно и эффективно выполнял воинский долг и решал поставленные задачи.

Пять русских генералов Великой войны, вложивших свой вклад в военную славу нашей Родины, – в их судьбах проявилась и судьба русской армии в то тяжкое время.

Въ окопы не брать.

НАСТАВЛЕНИЕ
ДЛЯ
УДАРНЫХЪ ЧАСТЕЙ.

553
—
72

Составлено въ Оперативномъ Отдѣленіи Штаба Особой Арміи.

638
—
55

1917 г.

Типо-Цинкографія Штаба Особой Арміи.

Наставление для ударных частей. Разработано в штабе П. С. Балужева

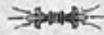

Генералитет Юго-Западного фронта. Слева от А. А. Брусилова – П. С. Балувев

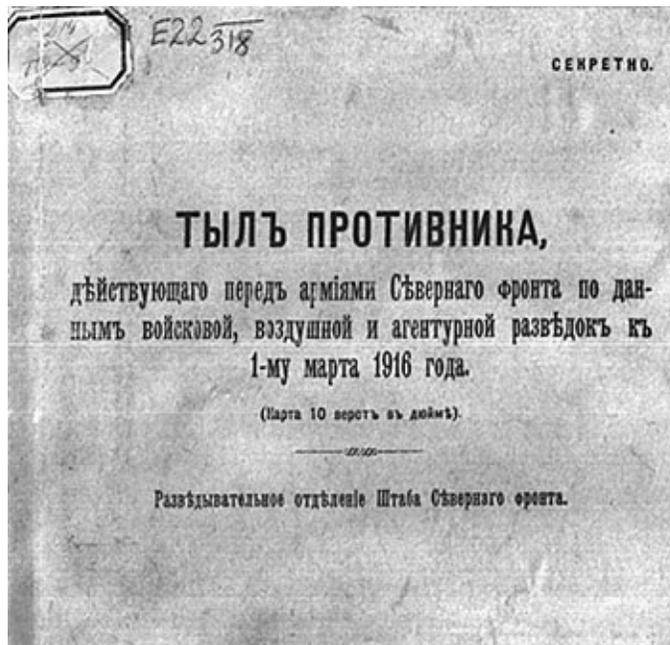
**ПОДРОБНОЕ
КВАРТИРНОЕ РОСПИСАНИЕ
АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ
АРМИИ.**

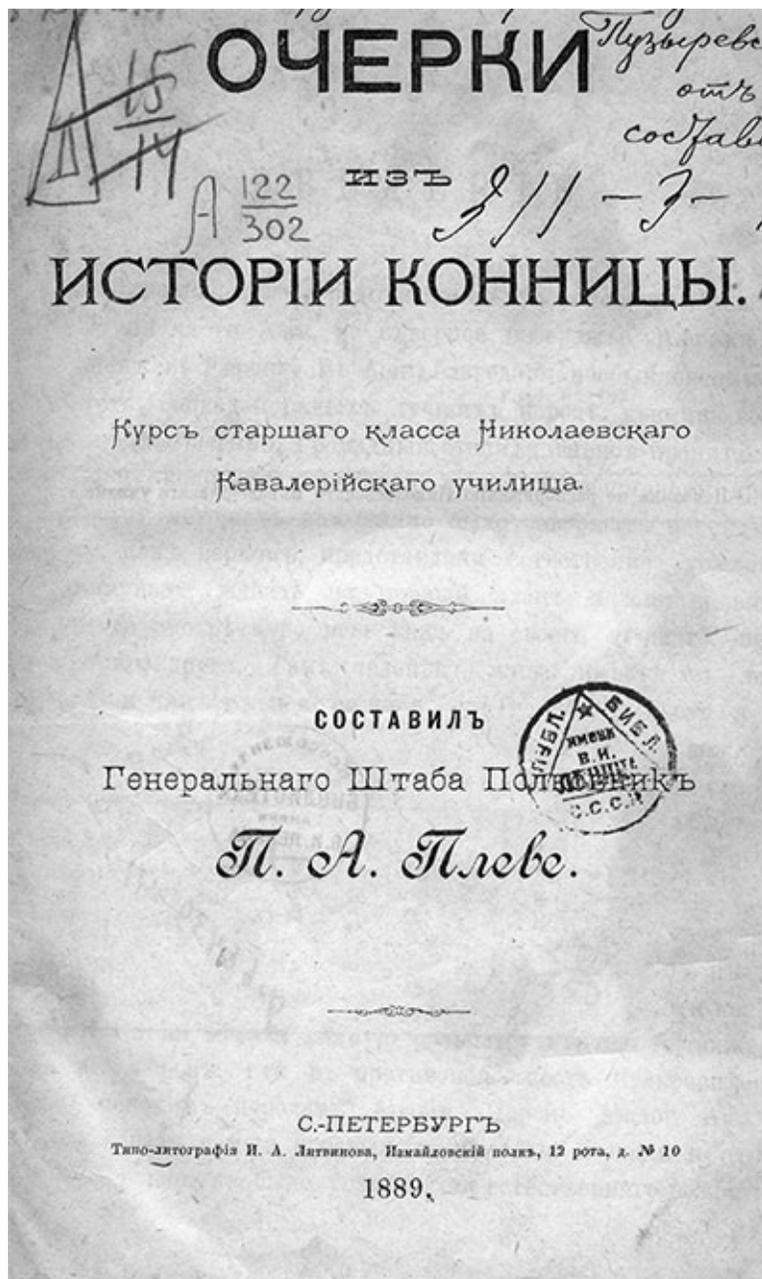
СОСТАВИЛЪ
Генеральнаго Штаба Полковникъ
Батюшинъ.

411
Типографія Окружнаго Штаба.
Варшава, Саксонская площадь № 7.
1913.

Титульные листы работ, составленных Н. С. Батюшиным

Очерки из истории конницы. Автор – П. А. Плеве

Могила А. А. Граникова на кладбище, г. Астрахань

Трофеи 5-й армии П. А. Плеве в Томашевском сражении 1914 г. – австрийские гаубицы

Генерал от кавалерии П. А. Плевел

П. фон Гинденбург

А. фон Макензен

Эрцгерцог Иосиф Фердинанд

Э. фон Людендорф

Пленные австрийцы на улицах Петрограда

Броневики 1-й автопулеметной роты, замаскированные на дороге в районе Прасныша, февраль 1915 г.

Варшавско-Ивангородская операция – на берегу Вислы – переправа русских войск

Русская пехота в атаке

В. Е. Флуг

notes

Примечания

Антанта – военно-политический союз России, Франции и Англии, в течение войны пополнялся новыми участниками. Применительно к России знаковыми стали подписанная в августе 1892 г. начальником русского Генерального штаба Н. Н. Обручевым и помощником начальника французского Генерального штаба Р. Ш. Ф. Буадеффром Франко-Русская военная конвенция (утверждена в декабре 1893 г.), соглашение 1907 г. с Англией (в 1908 г. русский и британский монархи обменялись мнениями по поводу возможной совместной войны с Германией). Германский блок – союз Германской, Австро-Венгерской, Оттоманской империй и Болгарского царства.

Беломорцев П. Подготовка старших начальников // Вестник милиционной армии. 1921. № 16 (37). С. 2.

Беломорцев П. Подготовка старших начальников // Вестник милиционной армии. 1921. № 16 (37). С. 2.

Меликов В. А. Стратегическое развертывание по опыту Первой империалистической войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в СССР. Т. 1. М.: Воениздат, 1939. С. 199.

Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. С. 285.

Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. С. 281.

Меликов В. А. Указ. соч. С. 361.

Попов К. С. Воспоминания кавказского гренандера. 1914–1920. М., 2007. С. 129.

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. С. 184.

Гофман М. Война упущенных возможностей. М.—Л.: Государственное издательство, 1925. С. 82.

А. В. Самсонов, генерал от кавалерии, командующий войсками 2-й армии в Восточно-Прусской операции.

П. Г. К. Ренненкампф, генерал от кавалерии, командующий войсками 1-й армии в Восточно-Прусской операции.

Из приказа П. А. Плева.

Здесь и далее даты до 31.01.1918 г. даны по старому стилю, далее – по новому.

РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 24 237. Л. 3.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 113.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24 237. Л. 3.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24 237. Л. 3. Об.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133 834 (пс. 82 559 (4)). Л. 39.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133 834 (пс. 82 559 (4). Л. 45. Об.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133 834 (пс. 82 559 (4)). Л. 40.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133 834 (пс. 82 559 (4). Л. 40. Об.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24 237. Л. 3. Об.

Плеве П. А. Очерки из истории конницы. СПб., 1889. С. 321–322, 325.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24 237. Л. 4.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133 834 (пс. 82 559 (4)). Л. 42.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24 237. Л. 4.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133 834 (пс. 82 559 (4). Л. 38. Об.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24 237. Л. 3.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва / сост. Я. К. Цихович. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. С. 14.

Белой А. Галицийская битва. М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 56.

Белой А. Галицийская битва. М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 108.

Гонвед – от венгерского honoved, буквально: защитник отечества. Так назывались венгерские части в составе австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны (не входящие в состав общеимперской армии и ландштурма).

12 августа штаб Юго-Западного фронта посылает 5-й армии директиву (№ 480), по которой «...целью действий 5-й армии ставится собрать свои корпуса для нанесения удара во фланг и тыл неприятеля, атаковавшего 4-ю армию, сообразуясь с той обстановкой, которая сложится к моменту возможных действий». См.: *Кузнецов Б. И.* Томашевская операция. М., 1933. С. 19.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. С. 152.

Кузнецов Б. И. Указ. соч. С. 84.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. С. 158.

Белой А. Указ. соч. С. 126.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1.

Коленковский А. К. Маневренный период мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 234.

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Галицийская битва. 1-й период до 1 сентября нового стиля. Париж, 1930. С. 415.

Белой А. Указ. соч. С. 142–143.

Белой А. Указ. соч. С. 135.

Белой А. Указ. соч. С. 135.

Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса у Томашева в 1914 г. М., 1937. С. 74.

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 505.

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж, 1940. С. 31.

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж, 1940. С. 32.

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 109.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. С. 203.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. С. 205.

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreich-Ungarns Teilnahme am Weltkriege. Berlin und Wien, 1920. S. 284.

Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия.
Биобиблиографический справочник. М.: РГВИА, 2004. С. 695.

Русские официальные сообщения о войне // Морской сборник. 1914.
№ 10. С. 99.

Кузнецов Б. И. Томашевская операция. С. 57.

Кузнецов Б. И. Томашевская операция. С. 83.

Кузнецов Б. И. Томашевская операция. С. 84, 85, 90.

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Галицийская битва. 1-й период. С. 272.

Красильников Н. Армейская разведка в период сосредоточения и развертывания // Война и революция. 1928. Кн. 9. С. 45–46.

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте.
Галицийская битва 1-й период. С. 101.

Белой А. Указ. соч. С. 142.

Кузнецов Б. И. Томашевская операция. С. 91.

Кузнецов Б. И. Томашевская операция. С. 98.

Коленковский А. К. Указ. соч. С. 240.

Коленковский А. К. Указ. соч. С. 254.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. С. 185.

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 391.

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 440.

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 440.

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 512.

Генерал от кавалерии, командующий 8-й армией Юго-Западного фронта.

Периодизация операций: 15 сентября – 26 октября и 29 октября – 11 ноября, соответственно.

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Варшавско-Ивангородская операция. М.: Воениздат, 1938. С. 289.

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Варшавско-Ивангородская операция. М.: Воениздат, 1938. С. 290.

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Варшавско-Ивангородская операция. М.: Воениздат, 1938. С. 292, 294, 299.

Корольков Г. К. Варшавско-Ивангородская операция. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 206.

Фалькенгайн Э. фон. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 38.

Корольков Г. К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. М.: Государственное военное издательство, 1934. С. 11.

Корольков Г. К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. М.: Государственное военное издательство, 1934. С. 67.

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Лодзинская операция. М.: Воениздат, 1936. С. 189.

Аргентинский архив М. В. Алексева // Военно-исторический журнал.
1993. № 3. С. 49.

Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1982. С. 363.

Коленковский А. К. Указ. соч. С. 302.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М. – Мн.:
Аст-Харвест, 2005. С. 109.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 254–255.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 287–288.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922. С. 6.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922. С. 7.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 370.

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 6. Der herbstfeldzug 1914.
II. Berlin, 1929. S. 360.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 496–497.

Людендорф Э. Указ. соч.

Гофман М. Война упущенных возможностей. М.—Л. 1925. С. 62.

Гофман М. Война упущенных возможностей. М.—Л. 1925. С. 62.

Нокс А. Лодзинская операция в ноябре 1914 г. // Армия и революция. 1921. № 4–5. С. 135–136.

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 218.

Он же. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин: «Слово», 1924.
С. 240.

Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 139.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 108.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 45.

Нокс А. Указ. соч. С. 136.

Корольков Г. К. Указ. соч. С. 68.

Корольков Г. К. Указ. соч. С. 129.

Корольков Г. К. Указ. соч. С. 160.

Рыбин Д. Н. Лодзинская операция на Русском фронте мировой войны в 1914 году. М.: Воениздат, 1938. С. 41.

Новицкий Ф. Лодзинская операция в ноябре 1914 г. (из личных воспоминаний участника) // Война и революция. 1930. № 7. С. 121.

Керсновский А. А. Мировая война (краткий очерк). Упущенные возможности. Белград, 1939. С. 197.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 236, 241, 253.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 255–256.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922. С. 59–60.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922. С. 60.

Хольмсен И. А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935. С. 43.

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 230.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 131.

Борисов А. Праснышская операция // Военно-исторический журнал.
1941. № 3. С. 31.

РГВИА. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 245. Л. 12.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922. С. 77.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65–66.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65.

Борисов А. Указ. соч. С. 33.

Борисов А. Указ. соч. С. 32.

Зайончковский А. М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 годов на русском (европейском) театре. М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 270.

Борисов А. Указ. соч. С. 35.

Корольков Г. К. Праснышское сражение. Июль 1915 г. М.—Л.:
Государственное издательство, 1928. С. 9.

Дневники императора Николая Второго. М., 1991. С. 514.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 133.

Гофман М. Указ. соч. С. 76.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 142.

Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 414.

Гофман М. Указ. соч. С. 86.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 352.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 352.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 164.

Корольков Г. К. Сражение под Шавли. М.—Л.: Государственное военное издательство, 1926. С. 52.

Гоштовт Г. А. Кирасиры Его Величества в Великую войну 1915 г.
Париж, 1942. С. 127.

Корольков Г. К. Указ. соч. С. 45.

Корольков Г. К. Указ. соч. С. 15.

Корольков Г. К. Праснышское сражение. С. 8.

Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М, 1976. С. 262.

В августе 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на Северный и Западный.

Гоштовт Г. А. Указ. соч. С. 163.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. М., 1936. С. 46.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. М., 1936. С. 130–131.

Мазилкина И., Орлицкий Ю. На линии огня и смерти // Родина. 1993. № 8–9. С. 111.

Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии 1911–1920. М., 2006. С. 208–209.

Цит. по: *Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 166.

Цит. по: *Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 166.

Цит. по: *Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 171.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 90.

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 264.

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 265.

Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций Русского Западного фронта. Пг., 1916. С. 41–42.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 166.

Гофман М. Указ. соч. С. 94.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 109.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 131.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 135.

Ростунов И. И. Указ. соч. С. 262.

Корольков Г. К. Указ. соч. С. 53.

Корольков Г. К. Указ. соч. С. 44.

Литтауэр В. Указ. соч. С. 207.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 284.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 358.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 468.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 517.

Посещение Государем Императором Северного и Западного фронтов //
Летопись войны 1914—15—16 гг. № 78. С. 1245.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция (1914–1917 гг.). Т. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 24–25.

Платонов О. А. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 436.

Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 138.

Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 89.

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. М., 2007. С. 172.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 538.

Поливанов А. А. Указ. соч. С. 142–143.

Платонов О. А. Указ. соч. С. 450.

Позек М. Германская конница в Литве и в Курляндии в 1915 г. М.—Л., 1930. С. 98.

Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов. С. 395, 397.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 347.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 378.

Аргентинский архив М. В. Алексева. Там же.

Лодзинская операция. Сборник документов. С. 406.

Лашков А. Новатор русской зенитной артиллерии. Ч. 2 (1) // Техника и вооружение. 2004. № 1. С. 3.

Барятинский М., Коломиец М. Бронеавтомобили русской армии 1906–1917 гг. М., 2000. С. 20.

Барятинский М., Коломиец М. Бронеавтомобили русской армии 1906–1917 гг. М., 2000. С. 52.

Дневники Николая Второго. Там же.

Цит. по *Корнаков П., Юшко В.* Второе рождение гренадер // *Цейхгауз.* 1/1995. № 4. С. 20.

Амирханов Л. И. Морская крепость Императора Петра Великого. Спб., 1995. С. 43.

Свечин А. А. Искусство вождения полка. М., 2005. С. 120.

Встречающееся в источниках определение Н. В. Рузского – одного из главных псковских «уговаривателей» Императора отречься от престола.

Фраза из сообщения В. Е. Флуга командованию Северо-Западного фронта.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 33 699. Л. 138. Послужной список № 347.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 33 699. Л. 139. Послужной список № 348.

Флуг В. 25-летие сражения при Вафангоу // Часовой. 1929. № 15–16. С. 7.

Флуг В. Е. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград. 1924. Кн. 5. С. 237.

Флуг В. Е. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград. 1924. Кн. 5. С. 237.

Флуг В. Е. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград. 1924. Кн. 5. С. 241.

Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 84.

Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 85.

Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 87.

Керсновский А. А. История русской армии М., 1994. Т. 3. С. 234.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 245.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 248.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 250.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 253.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 253.

Нокс А. Лодзинская операция в ноябре 1914 г. // Армия и революция. 1921. № 4–5. С. 133.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 256.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 256.

Битва на реке Немане и разгром немецкой армии генерала Гинденбурга. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. С. 16.

Битва на реке Немане и разгром немецкой армии генерала Гинденбурга. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. С. 31.

Битва на реке Немане и разгром немецкой армии генерала Гинденбурга. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. С. 11, 23.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 256.

Противник оценил общие потери 8-й армии к середине октября в 15–20 тыс. человек (см. Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 5. Der herbstfeldzug 1914. I. Berlin, 1929. S. 535, 548). Т. е. за период более продолжительный, чем первая Августовская операция, например, 1-й АК с 11 по 16 октября понес кровавые потери в 3470 человек.

Из них 1 тыс. под Сувалками – Августовом 20 сентября. См.: Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 5. S. 525.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Часть вторая. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 г. М., 1923. С. 35.

Бои на Немане и в Августовских лесах. Одесса, 1914. С. 4.

Бои на Немане и в Августовских лесах. Одесса, 1914. С. 6.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 257.

Сергеевский Б. Н. Указ. соч. С. 41.

Спиридович А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 27.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 254.

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 206.

Швинк О. Бои на р. Изер и у Ипра осенью 1914 г. Пб.: Государственное издательство, 1922. С. 18.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. С. 34.

Бои на Немане. С. 13.

Бои на Немане. С. 15–16.

Сергеевский Б. Н. Ука з. соч. С. 75.

Сергеевский Б. Н. Ука з. соч. С. 62–63.

Гофман М. Указ. соч. С. 55.

Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01.—08.02.1915. С.-Франциско, б. г. С. 5.

Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 47.

Будберг А. П. Указ. соч. С. 52.

Будберг А. П. Указ. соч. С. 17.

Будберг А. П. Указ. соч. С. 57.

Будберг А. П. Указ. соч. С. 61.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 247.

Керсновский А. А. Указ. соч. С. 234.

Керсновский А. А. Указ. соч. С. 234.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 257.

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 259.

Флуг В. Из воспоминаний о первой Великой войне // Военная быль.
1957. № 26. С. 20.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 968. Л. 210–210 об.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. М. 1936. С. 134.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. М. 1936. С. 227.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. М. 1936. С. 241.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. М. 1936. С. 242.

РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. д. 968. Л. 208–208 об.

Ф. 2126. Оп. 1. Д. 43. Л. 168–169.

*Незнамов А. Язловецкая операция в мае 1916 г. // Военное дело. 1918.
№ 9. С. 7.*

Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 78.

Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 79.

Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 4. С. 47.

Незнамов А. Указ. соч. С. 10.

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. М., 1940. С. 468.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Часть пятая. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. М., 1920. С. 67.

Сборник документов. С. 483.

Будберг А. П. Указ. соч. С. 58.

Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 426.

Цитата из Записки П. С. Балужева.

261

Здесь и далее применительно к архивным материалам РГВИА. Ф. 409.
Оп. 1. Д. 177 619. Л. 1–1 об., 11–22 об. Послужной список № 155–186.

Список Генерального штаба на 1 июня 1914 г. Пг., 1914. С. 98.

То есть венгерская пехотная. По закону 1868 г. сухопутная армия Австро-Венгрии состояла из 3 частей: общеимперской армии, австрийского ландвера и венгерского гонведа, который находился на территории Венгрии и предназначался для усиления общеимперской армии. Венгерские части отличали и в Первую и во Вторую мировые войны высокие стойкость и боевые качества. Венгерская пехота была эквивалентна немецкой. 38-я и 39-я гонведные дивизии были одними из самых прославленных фронтовых соединений Первой мировой войны, участвуя (39-я дивизия – в Горлицком прорыве 1915 г. наряду с ударными германскими дивизиями) в ключевых операциях.

Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса. М, 1937. С. 22.

Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса. М, 1937. С. 22.

По другим данным – 21 офицер. (См.: *Кузнецов Б.* Действие частей 19-го армейского корпуса во встречном бою 26–27 августа 1914 г. // *Армия и революция.* 1935. Июль – август. С. 76.)

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Галицийская битва. 1-й период. С. 266.

Очевидец так описывал эти события: «Когда до позиции противника оставалось не более 200 шагов, венгры выкинули белый флаг и поднялись из окопов, выразив тем желание сдаться; вперед выехал верховой неприятельский офицер и вступил в переговоры с подошедшими нашими офицерами. Но это была лишь предательская хитрость. Когда наша пехота приблизилась на несколько десятков шагов, офицер-переговорщик внезапно ускакал к своим, венгры скрылись в окопы и от крыли жестокий огонь. Приведенные в замешательство этим неожиданным вероломством врага, Тарутинцы, неся большие потери, бросились назад в лес...» «Около 6 часов вечера Тарутинцы снова двинулись в атаку. Ворвавшись в окопы противника и разъяренные его предательством с белым флагом, они принялись чинить беспощадную расправу над захваченными венграми... особенно же жестокое избиение произошло в овраге за окопами, куда было бросились спасаться венгры, когда увидели, что сдача в плен не сохраняет жизни. В овраге в своей землянке был застигнут командир 11-го гонведного полка. Группа наших солдат бросилась туда. Но из землянки раздался ряд револьверных выстрелов: один солдат был убит, два других ранены, но следующий пронизал командира полка штыком. Тут же при нем прикончен был его адъютант и захвачено знамя полка. Пленных не брали. Захватили много пулеметов. Жестокий враг получил по заслугам. Доблестные Тарутинцы были отомщены». См.: *Головин Н. Н. Указ. соч.*

Белой А. Галицийская битва. С. 117.

Цит. по: *Белой А.* Выход из окружения 19-го армейского корпуса. С. 36.

Белой А. Указ. соч. С. 128.

Головин Н. Н. Указ. соч. С. 396.

Кузнецов Б. И. Томашевская операция. М., 1933. С. 28.

Свечин А. А. Указ. соч. С. 145.

Евсеев Н. Указ. соч. С. 198.

Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 69.

Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 123.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 209.

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 220.

Гофман М. Указ. соч. С. 108.

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. Париж, 1939. С. 16.

Подорожный Н. Е. Указ. соч. С. 160.

Надежный Д. Бои 10-й пехотной дивизии под Луцком в июле 1916 г.
Воен. типогр., 1926. С. 27.

Надежный Д. Бои 10-й пехотной дивизии под Луцком в июле 1916 г.
Воен. типогр., 1926. С. 47.

Ветошников Л. В. Указ. соч. С. 138.

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 209.

Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж, 1970. С. 163.

Наставление для ударных частей. Типо-Цинкография штаба Особой армии, 1917. С. 3.

Наставление для ударных частей. Типо-Цинкография штаба Особой армии, 1917. С. 5.

Наставление для ударных частей. Типо-Цинкография штаба Особой армии, 1917. С. 7.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 435.

Людендорф Э. Указ. соч. С. 436.

Геруа Б. В. Указ. соч. С. 206.

Восьмая армия в Луцком прорыве. Мировая война 1914–1918. Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. М., 1924. С. 73–74.

Восьмая армия в Луцком прорыве. Мировая война 1914–1918. Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. М., 1924. С. 79.

http://www.grwar.ru/library/Balueff-Note/BN_01.html

Из оперативного документа о бое 6-го августа у дер. Покальнишкен.

Ф. 409. Оп.1, п/с 262–749 (1915). Л. 31.

Ф. 409. Оп.1, п/с 262–749 (1915). Л. 34.

Ф. 409. Оп.1, п/с 262–749 (1915). Л. 40–41.

301

Ф. 409. Оп.1, п/с 262–749 (1915). Л. 30 об.

Радус-Зенкович Л. А. Очерк встречного боя по опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. М.: Литературно-издательский отдел Политуправления РСР, 1920. С. 44.

Радус-Зенкович Л. А. Очерк встречного боя по опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. М.: Литературно-издательский отдел Политуправления РСР, 1920. С. 41.

Радус-Зенкович Л. А. Очерк встречного боя по опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. М.: Литературно-издательский отдел Политуправления РВСР, 1920. С. 46.

Ф. 409. Оп.1, п/с 262–749 (1915). Л. 22.

Цит. по: Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Восточно-Прусская операция. М.: Воениздат, 1939. С. 15.

Андреев В. Первый русский марш – маневр в Великую войну – Гумбинен и Марна. Париж, 1928. С. 28.

Вацетис И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии. М.: Высший редакционный совет, 1923. С. 52.

Храмов Ф. А. Восточно-пруская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. М.: Воениздат, 1940. С. 20.

Hanotaux G. Op. cit. Guerre De 1914. Tome sixième. Paris, 1917. P. 182–183.

Меликов В. А. Указ. соч. С. 112.

Меликов В. А. Указ. соч. С. 306.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. С. 180.

Храмов Ф. А. Указ. соч. С. 20.

Храмов Ф. А. Указ. соч. С. 20.

Мозер О. фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 32.

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. План войны. Париж: Изд. Главного правления Союза русских военных инвалидов, 1936. С. 253.

Высказывание Н. С. Батюшина. См.: *Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней.* М.: X-History, 2001. С. 43.

Воробьева А., Пархаев О. Российские юнкера 1864–1917. История военных училищ. М., 2002. С. 36.

Чеботарев Г. П. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера 1917–1959. М.: Центрполиграф, 2007. С. 104.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 94.

322

Ф. 409. Оп. 1. Д. 26 973. Л. 2.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 4.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 5.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 4.

Звонарев К. К. Агентурная разведка. М., 1924. С. 65.

Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 202.

Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб.: Изд. дом С.-Петербургского государственного университета, 2004. С. 69–70.

Николаи В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время войны и в настоящее время. Изд. Развед. упр. РККА, 1925. С. 38–39.

330

Подробное квартирное расписание австро-венгерской армии. Составил
Генерального штаба полковник Батюшин. Варшава, 1913.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 727.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 11.

Положение о полевом управлении войсками в военное время. СПб.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 14.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 513.

Звонарев К. К. Указ. соч. С. 128.

Тыл противника, действующего перед армиями Северного фронта, по данным войсковой, агентурной и воздушной разведок к 1 марта 1916 года. Разведывательное отделение штаба Северного фронта. Б. м., б. г. С. 3—24.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 81.

Экономическая война и экономический шпионаж в течение мировой войны 1914–1917 годов // Военное дело. 1920. № 7. Стб. 215.

Лукомский А. С. Указ. соч. С. 315.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 46.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 182.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 19.

Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 20.

Лемке М. К. Указ. соч. С. 735.

345

Ф. 409. Оп. 1. Д. 26 973. Л. 5.